

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ**

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ:
УКРАИНСКИЕ РЕАЛИИ**

Киев 2014

ББК 60.5

С 69

С 69 Социальный потенциал инновационного развития экономики: украинские реалии. – Под ред. акад. НАН Украины В.М.Вороны, д-ра социол. наук Т.О.Петрушиной. – Киев: Институт социологии НАН Украины, 2014. – 328 с.

Social potential of the innovative development of economy: the Ukrainian realities. – Ed. by V.M.Vorona and T.O.Petrushina. – Kyiv: Institute of sociology NAS of Ukraine, 2014. – 328 p.

ISBN 978-966-02-7293-4

Представлено экономико-социологическое понимание инновационного развития с позиций шumpетерианского подхода и сравнительного анализа украинской экономики и инновационных экономик современного мира. Выделены структурные составляющие социального потенциала инновационного развития экономики (ИРЭ): социально-политический, социально-экономический, институциональный, социокультурный, научный и образовательный субпотенциалы. На основе результатов экспертного опроса теоретиков и практиков в области инновационной политики Украины оценены уровень и значимость социального потенциала и его составляющих в инновационном развитии отечественной экономики. Раскрыты основные социальные барьеры и проблемы на пути реализации ИРЭ в Украине. Проанализированы перспективы ИРЭ Украины и даны конкретные рекомендации по его обеспечению. Представлены результаты впервые проведенного в Украине опроса руководителей предприятий и организаций нанотехнологического сектора экономики.

Для социологов, экономистов, менеджеров, преподавателей высших учебных заведений.

The economic-sociological understanding of innovative development from positions of the schumpeterian approach and comparative analysis of the Ukrainian economy and the modern world innovative economies is presented. Structural components of social potential of innovative development of economy (IDE) are marked out: sociopolitical, social-economic, institutional, sociocultural, scientific and educational subpotentials. On the basis of results of expert interrogation of theorists and practitioners in the field of an innovative policy of Ukraine the level and the importance of social potential and its components in innovative development of domestic economy are estimated. Basic social barriers and problems on a way of realization IDE to Ukraine are discovered. Prospects of Ukraine IDE are analysed and concrete recommendations about its support are given. Results of the interrogation of enterprises' heads in Ukraine and the organizations of nanotechnological economy sectors are presented for the first time.

For sociologists, economists, managers, lecturers of higher education institutions.

ISBN 978-966-02-7293-4

ББК 60.5

Научные рецензенты:

Э.А.Афонин, доктор социологических наук, профессор

П.С.Ещенко, доктор экономических наук, профессор

Ю.И.Саенко, доктор экономических наук, профессор

Рекомендовано к печати Ученым советом Института социологии НАН Украины (протокол № 3 от 29.04.2014 года)

© Институт социологии НАН Украины, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (В.М.Ворона)	5
-----------------------------	---

Глава 1. Императивность инновационного развития экономики в XXI веке

1.1. Сущность инновационного развития: от Шумпетера до наших дней (А.Г.Арсеенко)	10
1.2. Сравнительный анализ инновационных экономик современного мира (А.Г.Арсеенко)	38
1.3. Динамика инновационности украинской экономики (Т.О.Петрушина)	53
1.4. Инновационное развитие экономики Украины в человеческом измерении (О.В.Панькова)	70

Глава 2. Взаимосвязь социальных барьеров и возможностей инновационного развития экономики Украины

2.1. Определение ключевых понятий (Т.О.Петрушина) ...	90
2.2. Институциональные барьеры инновационного развития экономики Украины (Т.О.Петрушина)	106
2.3. Социальные и экономические барьеры на пути инновационного развития экономики Украины (Н.В.Толстых)	129
2.4. Социально-политический потенциал инновационного развития экономики Украины (В.М.Ворона, И.В.Буров) ...	140

**Глава 3. Социокультурные особенности
инновационного развития экономики
современного украинского общества**

3.1. Образовательный потенциал Украины (<i>В.В.Смакота</i>) ..	153
3.2. Научный потенциал инновационного развития экономики Украины (<i>В.Е.Пилипенко, В.В.Смакота</i>)	187
3.3. Инновационные ценности украинских граждан (<i>Т.О.Петрушина, В.В.Смакота</i>)	205
3.4. Социально-психологические предпосылки инновационного развития государственного и частного секторов экономики (<i>В.С.Резник</i>)	225
3.5. Социальный капитал в инновационном развитии экономики (<i>В.А.Поддубный</i>)	236

**Глава 4. Возможности инновационного развития
украинской экономики в современных условиях**

4.1. Ключевые проблемы перехода Украины к инновационному типу развития экономики (<i>А.Н.Малюк</i>)	250
4.2. Проблемы и перспективы развития сектора нанотехнологий (по данным опроса руководителей украинских предприятий и исследовательских организаций, занимающихся нанотехнологиями) (<i>Т.О.Петрушина, Н.В.Толстых</i>)	271
4.3. Перспективы формирования инновационной экономики в Украине (вместо заключения) (<i>А.Г.Арсеенко, В.И.Джелали</i>)	295
Источники	308

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью перехода Украины на путь инновационного экономического развития как безальтернативный для преодоления современной кризисной ситуации, повышения конкурентоспособности национальной экономики в рамках глобального хозяйства и на этой основе – ускорения темпов экономического роста и обеспечения достойного уровня жизни людей.

Рыночные трансформации в Украине не дали ожидаемых результатов. Отечественная экономика развивается вяло, находится в перманентно кризисном состоянии, остается технологически и технически отсталой, преимущественно низкоукладной. Причины этого кроются в крайне высокой степени изношенности основных фондов производства, низкой производительности труда, деквалификации рабочей силы и самое главное – в слабой инновационной активности субъектов хозяйственной деятельности. О важности инновационного развития в контексте украинских реалий и глобализационных вызовов (формирования экономики, основанной на знаниях), свидетельствуют научные конференции, широкий круг профессиональных публикаций, выбор инновационного развития в качестве одного из принципов и приоритетов государственной политики, многочисленные законодательные акты, принимаемые в этом направлении. Разумеется, для достижения практических позитивных сдвигов на инновационном поприще прежде всего необходимы соответствующая государственная экономическая политика, инвестиционное и институциональное обеспечение инновационной активности на всех уровнях хозяйствования. В то же время в условиях жесткой конкуренции, ограниченности финансовых ресурсов и обострения внутривнутриполитической ситуации в Украине особое значение приобретает поиск неэкономических факторов инновационного развития. В данном контексте крайне

важен анализ социального потенциала инновационного развития как специфического ресурса социума, совокупности возможностей отдельных социальных групп и общества в целом.

Социальный потенциал предполагает наличие определенных социальных характеристик людей, составляющих трудовые ресурсы. Речь идет как о собственниках средств производства – работодателях, так и о наемных работниках, о характере взаимоотношений между ними в плане их сотрудничества в инновационном процессе. От этого во многом зависит активность, поведение всех субъектов социально-трудовых отношений, интерес к инновациям, инвестиционная активность в инновационном секторе и вообще творческое отношение к производству, готовность идти на риск и материальные потери ради получения более высоких прибылей и выгод в будущем. Основными детерминантами социального потенциала являются моральные принципы общества в целом и установки его индивидов, состояние массового сознания (доверие к социальным институтам и власти, любовь к отчизне, чувство справедливости и т.д.). Ведь даже врожденная склонность предпринимателя к инновациям не может реализоваться в обществе, где царит аморальное большинство, доминирует недоверие к основным социальным институтам, отсутствует вера в будущее страны.

Баланс между стремлением к прибыли и социальной ответственностью бизнеса стал основой активизации инновационной деятельности в странах Запада. Один из авторов теории «менеджеральной революции» А.Берли считает, что к таким традиционным факторам, как конкуренция и стремление к прибыли, в прошлом определявшими экономическую власть собственника (который был одновременно и управляющим), добавились факторы «корпоративной «ответственности» и «общественного согласия». Именно эти новые особенности поведения современных менеджеров стали играть важную роль во внедрении инноваций в экономическую практику.

Анализ научной литературы по инновационной проблематике подтвердил наше предположение о несостоятельности чрезмерного акцента на технологическом и экономическом аспектах исследования инноваций и необходимости концентрации внимания на социологическом исследовании этой проблемы.

Как известно, инновация – это сложный социокультурный феномен, для реализации которого необходима соответствующая социальная среда. В условиях кардинальных преобразований экономики страны и общества нравственность и профессионализм власти становятся более важными факторами инновационного развития всех сфер жизни общества, чем даже наличие экономических ресурсов.

Сейчас в украинском обществе налицо явное противоречие между декларируемым курсом на развитие инновационной экономики, объективной потребностью в осуществлении такого развития и реальной архаичностью нынешней экономики. *Научная проблема* исследования отражает эту реальную проблемную ситуацию в экономической сфере и заключается, во-первых, в разрешении противоречия между накопленной в экономической и социологической науках аналитикой инноваций, инновационного развития, социальных аспектов экономического развития и необходимостью системной концептуализации инновационного экономического развития с позиций экономической социологии, во-вторых, в поиске действенных путей обеспечения инновационного экономического развития за счет повышения роли и максимальной реализации социального потенциала. Поскольку исследованию присущ теоретико-эмпирический характер, его объект и предмет имеют по две составляющих. *Объектом исследования* выступают, во-первых, инновационная модель экономического развития, во-вторых, реальная экономика Украины. Соответственно, *предметом исследования* является социальный потенциал инновационного развития экономики (ИРЭ) и его конкретные составляющие в Украине. Таким образом, главная цель исследования заключается в выяснении сущности социального потенциала экономического развития украинского общества в целом и инновационного направления в частности, выделении составляющих этого потенциала, определении степени их влияния на инновационное развитие.

Обычно используемое политиками, журналистами, да и учеными-обществоведами понятие «социальный капитал», на наш взгляд, скорее метафора. Во-первых, «капитал» – это категория материального производства. Классически процесс само-

возрастания капитала и получения прибавочной стоимости невозможен без его (капитала) овеществления и производственного оборота. При этом капитал попеременно выступает в различных формах – денежной, производительной и товарной. В свою очередь, социальный потенциал реализуется (или не реализуется) непосредственно в поведении всех участников производственного процесса. Поэтому социокультурные и ценностные составляющие поведения человека во многом определяют социальный потенциал инновационного развития экономики.

В первой главе работы раскрыты теоретические социологические и экономические аспекты сущности инновационного развития. Сделана попытка переосмыслить теоретические наработки Й.Шумпетера и его учеников и последователей. Проанализирована динамика инновационности украинской экономики в контексте рыночных реформ. Во второй главе рассмотрена проблема взаимосвязи социальных барьеров и возможностей ИРЭ Украины. В частности, определены ключевые понятия предлагаемого исследования. Авторы анализируют институциональные, социальные и экономические барьеры на пути ИРЭ Украины, отдельно рассматривают социально-политические факторы этого развития. Третья глава посвящена социокультурным особенностям ИРЭ в современном украинском обществе. Рассмотрены образовательная и научная составляющие социального потенциала ИРЭ. В рамках социокультурного подхода проанализированы социально-психологические предпосылки инновационного развития государственного и частного секторов экономики, а также роль социального капитала в ИРЭ. В четвертой главе раскрыты возможности инновационного развития украинской экономики в современных условиях, в частности ключевые проблемы перехода Украины на инновационный путь развития. На основе данных опроса руководителей украинских предприятий и исследовательских организаций нанотехнологического сектора Украины проанализированы проблемы и перспективы нанотехнологической деятельности в нашей стране.

Главной эмпирической базой послужили данные социологического мониторинга социальных изменений в украинском

обществе, который на протяжении 1992–2013 годов проводит Институт социологии НАН Украины*, а также результаты двух опросов: экспертного опроса, посвященного изучению социального потенциала ИРЭ Украины**, и опроса руководителей украинских предприятий и исследовательских организаций нанотехнологического сектора.

Авторский коллектив монографии: акад. НАН Украины В.М.Ворона; д-р соц. наук Т.О.Петрушина; д-р соц. наук В.Е.Пилипенко; д-р соц. наук В.С.Резник; канд. истор. наук А.Г.Арсеенко; канд. филос. наук И.В.Буров; канд. соц. наук А.Н.Малюк; канд.соц.наук О.В.Панькова; канд. филос. наук В.А.Поддубный; канд. соц. наук В.В.Смакота; канд. соц.наук Н.В.Толстых; В.И.Джелали.

---

* Генеральный директор проекта «Украинское общество: мониторинг социальных изменений» – В.Ворона. Научный руководитель проекта – Н.Панина. Авторы программы мониторинга: Е.Головаха, Н.Панина. Выборочная совокупность каждого опроса составляет приблизительно 1800 респондентов (от 18 лет и старше), репрезентативна по таким параметрам как пол, возраст, образование, регион и тип населенного пункта. По типу построения выборка случайная, трехступенчатая, стратифицированная, с квотным скринингом на последней ступени. Авторы выборки: Н.Панина, Н.Чурилов. Опрос осуществлен методом самозаполнения анкет на основе республиканской опросной сети, созданной Институтом социологии и Центром социальных и маркетинговых исследований SOCIS.

** В опросе, проведенном сотрудниками отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины ($N=26$, 2013), принимали участие не просто высококвалифицированные ученые и госслужащие, а специалисты академических институтов, вузов и государственных структур, непосредственно занимающиеся теорией и организацией инновационного экономического развития, то есть носители высшего уровня компетенции и знаний по этой проблематике. Для информации: экспертами выступили специалисты Института экономики и прогнозирования НАН Украины, Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М.Доброва НАН Украины, Института экономики промышленности НАН Украины, КНУ имени Тараса Шевченко, Государственного агентства по вопросам науки, инноваций и информатизации Украины и ряда других организаций.

Глава 1

ИМПЕРАТИВНОСТЬ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В XXI ВЕКЕ

1.1. Сущность инновационного развития: от Шумпетера до наших дней

В современной социологической науке *инновация* (нововведение) в широком смысле этого термина рассматривается как процесс изменений, связанный с внедрением в жизнь новых элементов материальной и духовной культуры [Кравченко, 2004: с. 140]. По своему характеру, уровню новизны, продолжительности и следствиям инновации принципиально отличаются одна от другой и подразделяются следующим образом:

– *Эпохальные инновации* осуществляются раз в несколько столетий, длятся десятилетиями, приводят к глубоким трансформациям той или другой сферы жизни общества и знаменуют переход к новому технологическому или экономическому способу производства, социокультурному строю, очередной мировой цивилизации.

– *Базисные инновации* приводят к радикальным изменениям в технологической базе и способах организации производства, государственно-правового и социокультурного строя и т.п. Волны базисных инноваций наблюдаются в последние столетия приблизительно раз в 50 лет, при переходе к следующему технологическому укладу.

– *Улучшающие инновации* направлены на развитие и модификацию базисных инноваций, их распространение в разных сферах с учетом их специфики.

– *Микроинновации* направлены на улучшение отдельных параметров выпускаемой продукции, используемой технологии, экономических, социальных, политических систем и т.п. и не приносят сколько-нибудь значительного экономического эффекта.

– *Псевдоинновации* направлены на частичное улучшение устаревших, обреченных на уход с исторической арены технологий, общественных систем и институтов.

– *Антиинновации* означают нововведения реакционного характера, которые означают шаг назад в той или другой сфере человеческой деятельности [Яковец, 2004: с. 14–17].

На пороге XXI века инновационность весьма существенно трансформировалась по сравнению с ее содержанием в прошлом столетии, когда она ограничивалась в основном обновлением производства в конкретном субъекте хозяйствования. В условиях глобализации мировой экономики инновационность отождествляется с внедрением в экономическую практику принципиально новых продуктов или процессов, не имеющих аналогов не только в своей стране, но и в мировом хозяйстве в целом [Федоров, 2012]. Ибо только совершенно новые товары, услуги и процессы могут претендовать на успешную конкуренцию со старыми на современном глобальном рынке.

Принимая во внимание возрастание социологических проблем в инновационной деятельности и недостаточность имеющихся подходов к их разрешению вне понимания широкого социального контекста, в социологии в последнее время развиваются самостоятельные направления изучения инновационной деятельности: социология инноватики [Карпова, 2004; Федоров, Марин, 2012], социология инноваций [Кучко, 2013], инноватика [Лапин, 2012]. Они являются ответом на вызовы модернизации современного производства в результате внедрения высоких наукоемких технологий, что потребовало переосмыслить роль человеческого фактора и социального потенциала в инновационном развитии экономики. Российские ученые В.К.Федоров и В.П.Марин в связи с этим пишут: «На современном этапе традиционных социотехнических подходов становится недостаточно – на первое место выходит не просто приоритет социальных целей инновационного процесса, а формируется совершенно новый облик современного инновационного производства благодаря резкому усилению социальной ориентации в управлении инновационным производством» [Федоров, 2012]. В разработке современной стратегии инновационного развития экономики социология инноватики опирается на социологиче-

ские исследования инновационного процесса, получившие наиболее полное отражение в трудах видных специалистов в данной отрасли в рамках шумпетерианства и нешумпетерианства в XX веке.

Шумпетерианство в поисках формулы экономического роста

В настоящее время социология инноватики призвана дать адекватный ответ странам «третьего» мира и с «переходной экономикой» на вопрос, как им перейти от экспортно-сырьевой модели бесперспективного «догоняющего» развития, отбросившего их на обочину капиталистического мира, к инновационной модели экономического роста, способной помочь им выбраться из «экономического дна». Поиск ключей к решению этой проблемы находится в центре внимания социологов со времени второй промышленной революции (последняя треть XIX века – начало XX века). На протяжении длительного времени специалисты в этой области научного познания пытались найти ответ, почему определенные страны, имеющие почти одинаковые условия и ресурсы, демонстрируют часто различные темпы экономического роста и, как следствие, различные уровни жизни. Анализ научной литературы по данной проблематике свидетельствует о том, что в экономической теории и социологической науке одним из первых предпринял попытку дать ответ на этот актуальный вопрос выдающийся австро-американский экономист и социолог Йозеф Алоиз Шумпетер (1883–1950)*.

---

* Йозеф Алоиз *Шумпетер* родился 8 февраля 1883 г. в г. Триш (Австро-Венгрия) в семье мелкого текстильного фабриканта и дочери венского врача, окончил юридический факультет Венского университета. Среди его учителей – отцы маржинализма *Ойген фон Бем-Баверк* и *Фридрих фон Визер*. Значительное влияние на научные взгляды Шумпетера оказала немецкая историческая школа, прежде всего труды М.Вебера и марксизм. Научно-педагогическую деятельность начал в Черновицком университете. Работал в Австро-Венгрии, Германии, а после эмиграции в связи с ростом фашистской угрозы в 1932 году в США до конца своей жизни был профессором Гарвардского университета. Он – и австрийский, и американский экономист и социолог. Признанием его заслуг в области экономики и социологии стало то, что он избирался президентом и Американской экономической ассоциации, и Американской социологической ассоциации.

По мнению этого выдающегося ученого, разница в темпах экономического роста и уровнях жизни «отражала в первую очередь разницу в производительной мощности, а не в территории, природных ресурсах или населении» [Назар, 2013: с. 252].

В поиске причин хозяйственного преуспевания одних и отставания других стран Й.Шумпетер пришел к выводу, что магистральный путь к достижению прогресса лежит в плоскости предпринимательства и экономического развития, основанного на внедрении в практику и диффузии инноваций. «Он понимал под «нововведением» не только открытие само по себе, но и прибыльную реализацию новых идей и включал в это понятие различные типы изменений (новые товары, технологии, источники сырья, рынки и типы организации)» [Назар, 2013: с. 260]. Согласно классификации Й.Шумпетера, нововведения носят *управленческий, организационный и технический характер*. Предметом особого внимания с его стороны стали именно *технологические инновации*. Справедливости ради следует признать, что практически все экономические и социологические школы и направления того времени признавали важность технологических и социальных инноваций в достижении целей долгосрочного роста и повышения эффективности производства на микро- и макроуровне. Однако именно Й.Шумпетер и его ученики и последователи были первопроходцами в этой сфере, поставившими нововведения в центр экономического и социологического анализа. Новое видение эффективного хозяйствования Й.Шумпетер изложил в своих основных трудах – «Природа и суть теоретической национальной экономики» (1908), «Теория экономического развития» (1912), «Экономический метод и доктрина: исторический очерк» (1914), «Экономические циклы» (1939), «Капитализм, социализм и демократия» (1942) и в неоконченной трехтомной фундаментальной работе «История экономического анализа» (1954). Особое место в большинстве из названных произведений Й.Шумпетера занимает разработка теории экономической динамики.

Исследуя сущность и основные факторы экономического развития, Й.Шумпетер поставил в центр анализа не «количе-

ственный экономический рост», а «качественное развитие». Достижение последнего, по его мнению, возможно при постоянном изменении используемых новых производственных ресурсов. Для того, чтобы экономика получила динамичное развитие, нужны предприниматели-новаторы, действительные и действенные экономические лидеры, обладающие способностью в деле своевременно и правильно практически комбинировать и осуществлять следующие пять видов «*новых комбинаций*»: 1) производство новых благ или улучшение качества существующих благ; 2) внедрение новых способов производства или коммерческого использования существующих товаров; 3) открытие и освоение новых рынков сбыта; 4) освоение новых источников получения сырья или полуобработанных товаров; 5) проведение реорганизации в отрасли и создание промышленных организаций нового типа. [Шумпетер, 2008: с. 132–133].

Для осуществления новых комбинаций «предпринимателю нужна покупательная сила, которая не предоставляется ему автоматически как производителю в процессе кругооборота в форме дохода от продукта предшествующего периода. Если предприниматель случайно не обладает покупательной силой заранее – и если это происходит, то только как следствие предшествующего развития, – он должен ее у кого-нибудь «занять» ... Нельзя стать предпринимателем, не став предварительно должником. Он становится должником в силу внутренней необходимости, присущей процессу развития. Становление должником является самой сутью явления, а не аномалией, не досадным событием, вызванным случайными обстоятельствами. Первая потребность предпринимателя есть потребность в кредите» [Шумпетер, 2008; с. 174–175]. Предприниматель использует кредит как фактор развития для новых комбинаций инновационного характера, а не для погашения долгов его получателем. Особая заслуга Й.Шумпетера заключается в использовании им комплексного подхода к исследованию инновационного потенциала предпринимательства и инвестиционного процесса, в том, что он связал их с такими важными экономическими категориями как банковский кредит, частное инвестирование нововведений, экономический цикл, прибыль, процент.

Отдавая должное банковскому кредиту и инвестициям в процессе обеспечения экономического роста и развития, Й.Шумпетер все же поставил на первое место в нем «человеческий фактор» капитализма – предпринимателей, т.е. именно тех хозяйственных субъектов, основной функцией которых является осуществление новых комбинаций. В его трудах предприниматель-инноватор, действующий в условиях экономической динамики, четко и принципиально противопоставляется предпринимателю – «просто хозяину», который работает в рамках стандартного шаблона в условиях статичного кругооборота. Предприниматель-инноватор в своей деятельности выбирает лучший из всех возможных вариантов, предприниматель – «просто хозяин» предпочитает самый выгодный из привычных, испробованных на практике вариантов. Первый «строит дорогу», «идет против течения», второй – «идет по готовой дороге», «плывет по течению». Именно в этом состоит главная суть творческого предпринимательства и его принципиальное отличие от обычного рутинного способа хозяйственной деятельности. Выполнение инноваторской миссии предпринимателем связано с преодолением многих препятствий на пути к достижению поставленной цели, что требует наличия многих специфических человеческих качеств, прежде всего, сочетания осмотрительности и смелости. «Новшество, – писал в свое время Й.Шумпетер, – всегда связано с риском, большинство продуцентов не отваживается на него» [Шумпетер, 2008: с. 232].

Изучая экономическое развитие капиталистического общества, Й.Шумпетер сформулировал динамичную концепцию цикла, в которой цикличность рассматривается как закономерность экономического роста и проявляется в отклонении экономики от состояния равновесия. Такая форма развития экономики подобна восхождению и нисхождению по лестничным ступенькам. В рамках этой формы инновационное развитие также осуществляется как по восходящей, так и по нисходящей линии. Это обусловлено исчерпанием старых инноваций и приходом на смену им новых инноваций. Нововведения выводят экономику из состояния равновесия и стимулируют рост капиталовложений в новые

технологии. Однако, в соответствии с теорией Й.Шумпетера, циклическая динамика развития капиталистической экономики не может быть нарушена и будет иметь место в будущем вместе с экономическими кризисами.

Убедительным подтверждением правильности вывода Й.Шумпетера о циклическом характере развития капиталистической экономики служит современный первый в истории человечества глобальный финансово-экономический кризис, который может превзойти по многим основным показателям, по мнению ряда ученых с мировым именем, Великую депрессию 1928–1933 годов. В названный период времени глубокий экономический спад до основания потряс мировую капиталистическую систему и поставил под сомнение ее дальнейшие перспективы. Капитализм в 1930-е годы выжил благодаря кейнсианству и использованию богатого опыта планирования развития народного хозяйства СССР. Признание этого известного факта содержится во многих работах советских и западных историков, в частности в книге видного британского ученого, члена Британской академии и Американской академии искусств, и наук, обладателя почетных степеней в десятках университетов в разных странах мира Э.Хобсбаума «Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991)». По его мнению, один из парадоксов XX века заключается в том, что «главным долгосрочным результатом Октябрьской революции, цель которой состояла в мировом свержении капитализма, стало его спасение Советским Союзом как в военное, так и в мирное время». Важную роль в его спасении в мирное время сыграло «обогащение капиталистической экономики методиками экономического планирования, содействовавшими ее преобразованию» [Хобсбаум, 2004: с. 17].

Нынешний крах глобальной валютной и хозяйственной системы еще раз наглядно показал, что «новая экономика» не дает никаких оснований для списания традиционного экономического цикла в исторический архив, о чем поспешили заявить сторонники «информационного общества» на изломе веков. В действительности «новая экономика» оказалась всего лишь старым вином в новых мехах. В интервью рупору американских деловых кругов – газете «Уолл-стрит

Джорнел» профессор экономики Нью-Йоркского университета Н.Рубини, который первым заблаговременно предсказал неизбежность нынешнего глобального финансового кризиса, недавно отмечал: «Карл Маркс прав. На определенном этапе капитализм может сам уничтожить себя ... Мы думали, что рынки работают. Но они не работают. То, что является рациональным на индивидуальном уровне ... является самоуничтожающим процессом» [Цит. по: Lazzaro, 2011]. Примерно то же самое писал в свое время и Й.Шумпетер в своем известном труде «Капитализм, социализм и демократия». В нем особо подчеркивалось, что социалистическая организация общества неизбежно вырастет из такого же неизбежного процесса разложения капиталистического общества. По его мнению, социализм станет следствием исчезновения традиционного западного предпринимателя с экономической арены капитализма в связи с выходом на нее крупных корпораций и необходимости введения экономического планирования. В своей работе «Движение к социализму» он подчеркивал, что «капиталистический порядок имеет тенденцию к саморазрушению, а централистский социализм ... является его вероятным наследником» [Шумпетер, 2008: с. 828].

Й.Шумпетер ввел понятия *эффективная конкуренция* и *эффективная монополия*. По его мнению, конкуренция эффективна, если экономическая прибыль получается за счет экономии издержек, повышения качества продукции и расширения ее ассортимента; монополия также эффективна, когда она основана на нововведениях и эффекте масштаба производства, а не только на праве собственности. Как и *оптимум Парето*, теория экономической динамики и предпринимательской деятельности Й.Шумпетера является широко признанной в экономическом мире в настоящее время. Однако неоклассическая теория не впитала ее и продолжает оставаться на позициях рыночного равновесия, что сыграло далеко не последнюю роль во втягивании мировой капиталистической экономики в первый глобальный кризис, разразившийся в мире во второй половине 2008 года. Это еще раз обнажило полную теоретическую несостоятельность и практическую ущербность нынешней концепции

неолиберализма, взятую на вооружение западной «экономикс» в условиях резкого сдвига вправо экономического мейнстрима на исходе XX века.

Настойчиво устраняя сложившуюся к середине XX века дивергенцию между экономической наукой и хозяйственной практикой, Й.Шумпетер поставил западного предпринимателя-новатора в центр капиталистического способа производства. При этом автор «Теории экономического развития» проводил четкую разграничительную линию между фигурами «предпринимателя-новатора» как основного двигателя экономического прогресса и «просто бизнесмена», действующего в рамках традиционного экономического кругооборота. По его мнению, последний может претендовать на звание предпринимателя только в том случае, если он дает инновационные ответы на вызовы современности, а не продолжает заниматься обычной рутинной деятельностью по производству товаров и предоставлению услуг. Главная функция шумпетеровского предпринимателя состоит именно в том, чтобы «делать новые вещи или делать вещи, которые уже делаются, новым (инновационным) способом» [Schumpeter, 1991: р. 412]. В этой краткой характеристике инновационного процесса содержится сущность понимания Й.Шумпетером диалектической связи предпринимательской деятельности с генерированием новых идей и изобретений и внедрением их в хозяйственную практику с целью удовлетворения общественного спроса.

Й.Шумпетер проводил четкую разграничительную линию между изобретением и инновацией, неоднократно подчеркивая, что многие известные человечеству изобретения, как запатентованные, так и незапатентованные, никогда не были доведены до точки их конкретного применения и, таким образом, не были использованными, не превратились в инновации. В подтверждение этого вывода он ссылаясь на то, что развитие науки в Древней Греции, вероятно, достигло всего необходимого для того, чтобы сконструировать паровую машину. Но, тем не менее, это не позволило ни грекам, ни римлянам создать паровую машину. Вполне понятно, что главная причина такого разрыва между научными и производственными возможностями общества лежит

в плоскости отсутствия должного социального потенциала. Й.Шумпетер справедливо считал, что идея или научный принцип не имеют никакого значения для экономической практики, если они не были практически воплощены в хозяйственную деятельность.

В своих трудах Й.Шумпетер неоднократно подчеркивал, что инновация является детищем предпринимательства, а предприниматель – творцом и создателем инноваций. Им же сформулировано и введено в научный оборот понятие «инновационный процесс», который сводится к реализации «инновационной цепочки Шумпетера»: «изобретение – внедрение – распространение (диффузия)». Названные выше три стадии инновационного процесса последовательно охватывают всю траекторию продвижения первоначальной идеи с момента ее генерирования изобретателем до времени ее материализации в виде новых товаров, услуг и процессов и введения последних в сферу распределения. На определенном этапе в процесс использования и диффузии оригинальных и прибыльных нововведений включается множество имитаторов первоначальной инновации, что, в свою очередь, способствует их распространению в более широком масштабе и интенсификации экономического роста и развития в мировом измерении.

В своей работе «Капитализм, социализм и демократия», вышедшей в свет в 1942 году, т.е. через 30 лет после «Теории экономического развития», Й.Шумпетер подтвердил свою давнюю приверженность видению предпринимательства как пяти типов «новых комбинаций». Функция предпринимателя, по его мнению, заключается в том, чтобы реформировать или революционизировать способ производства с целью «производства новых товаров или производства старых товаров новым способом посредством открытия новых источников материального снабжения или новых рынков сбыта, или посредством реорганизации промышленности и т.д.» [Schumpeter, 1962: p. 132]. В этом контексте российский социолог Н.Н.Зарубина отмечает: «С помощью теории Й. Шумпетера можно четко определить понятия «бизнес» и «предпринимательство», которые не тождественны, хотя сейчас часто употребляются как синонимы. Под предпринима-

тельством следует понимать инновационную хозяйственно-организационную деятельность, связанную с созданием новых комбинаций факторов производства, в то время как бизнес – это воспроизводство уже сложившихся хозяйственных структур и стереотипов деятельности, ориентированное на извлечение прибыли» [Зарубина, 2006: с. 254]. Вот почему именно предпринимательство в его шумпетерианской интерпретации, а не рутинный шаблонный бизнес до настоящего времени остается основным двигателем инновационного развития экономики (ИРЭ).

По оценке американского социолога А.Мартинелли, анализ предпринимательства находится в центре шумпетеровской теоретической системы и является теоретически релевантным в отношении всех трех поставленных им основных вопросов: связь между предпринимательством, инновацией и лидерством в его теории экономического развития; отношение между предпринимательской функцией и буржуазным классом в его анализе социальных классов; а также постепенно исчезающий предприниматель как ключевой фактор в объяснении кризиса капитализма. Особенно важным, не утратившим значения в настоящее время, является известный вывод Й.Шумпетера о том, что предпринимательская деятельность в индустриальную эпоху требует особого типа личности и поведения, которое отличается от простого, рационального поведения экономического человека. Ибо предпринимательская инновация является в основном созидательным актом, отклоняющимся от буржуазной культуры, которая определяет рациональность с более узкой точки зрения расчета краткосрочных преимуществ, а лидерство предпринимателя предполагает обладание способностью мыслить по-новому, схватывать существенное, действовать быстро, понимать интуитивно [Martinelli: p. 478–479].

Наряду с разработкой важнейших аспектов проявления человеческого фактора в условиях капитализма Й.Шумпетер внес весьма весомый вклад в создание и становление социальной экономики – междисциплинарной области научного познания, включающего в себя следующие основные направления: 1) экономическую теорию; 2) экономическую историю (включая экономическую антропологию); 3) эконо-

мическую социологию; 4) экономическую статистику. В этом контексте экономическая социология должна иметь свой собственный профиль, а также уметь сотрудничать и сосуществовать с экономической теорией, экономической историей и экономической антропологией [Smelser, 1994: p. 13]. Весьма показательно то, что Й.Шумпетер всегда стремился всесторонне рассматривать все явления экономической жизни в историческом контексте. Говоря о методологических проблемах исследования предпринимательского феномена, Й.Шумпетер в своих «Комментариях к плану изучения предпринимательства» особо подчеркивал: «Предприниматели не являются экономическими людьми в теоретическом смысле. Кто они есть на самом деле, как они действительно работают, каковы условия их свершений и неудач, как они, в свою очередь, помогают формировать условия, в которых они действуют, и прежде всего можно ли сделать какие-либо значительные обобщения по этим вопросам – такие сведения можно почерпнуть только в истории». И далее: «В нашем случае, теория, в сущности, является историей» [Schumpeter, 1991: p. 408].

На основании глубокого всестороннего анализа исторической эволюции предпринимательства Й.Шумпетер выделяет три стадии динамичной предпринимательской деятельности, которые характеризуются постоянным нарушением равновесия: первая – большие затраты на инновации и никакого дохода; вторая – реализация инноваций превращает предпринимателя в монополиста, при этом получается высокий монопольный доход; третья – в отрасль приходят конкуренты, цены снижаются, монопольная прибыль исчезает. Это побуждает настоящих предпринимателей снова начинать инновационный процесс. В определении содержания предпринимательства в индустриальную эпоху Й.Шумпетер исходил из того факта, что производство представляет собой определенную комбинацию сил и средств, которые надлежит выявлять и сочетать предпринимателю в своей инновационной деятельности, проявлять склонность и готовность к риску на пути к реализации новаторских задач и установок. В соответствии с системой взглядов Й.Шумпетера, новые рискованные предприятия «более весомы в осуществлении

«новых комбинаций», чем давно учрежденные фирмы» [Cheng, 2009: p. 330].

Как известно, социально-политические воззрения Й.Шумпетера в значительной мере формировались под влиянием трудов К.Маркса, которого он считал «научным талантом высочайшего калибра». Поэтому всестороннее исследование инноваторской деятельности привело его, как и К.Маркса, к включению «человеческого фактора» в сферу производства, технологии и экономики, к осознанию обширных взаимоотношений между обществом и экономикой. Й.Шумпетер также внес значительный вклад в анализ капитализма, который, по признанию социологов, является больше социологическим, чем экономическим. В отличие от экономистов, которые рассматривают конкурентное поведение через призму совершенной конкуренции, он предложил более плодотворный подход к исследованию этого феномена, рассматривая его как повседневную борьбу между старыми и новыми формами предприятий в рамках капитализма, которая носит характер «созидательного разрушения». Тем не менее, как отмечает один из его верных учеников и последователей Р.Сведберг: «Современная экономическая социология не уделяет достаточного внимания результатам труда Шумпетера, о чем следует сожалеть по ряду причин. Ибо результаты труда Шумпетера не только содержат одну из наиболее наводящих на размышления существующих теорий предпринимательства, его анализ капитализма также является в высшей степени пронизательным» [Swedberg, 2011: p. 594].

Взлет и падения шумпетеровской теории инноваций в XX веке

Шумпетеровская теория инноваций представляет собой синтез глубокого научного экономического и социологического анализа. В «Теории экономического развития» Й.Шумпетер делает главное ударение на исследовании процесса «диффузии» нововведений, в «Экономических циклах» – на изучении борьбы между старыми и новыми фирмами. Исследуя широкий спектр экономических изменений, он обращал особое внимание на те, которые ведут к слому старых моделей и замене их новыми моделями не

только в области производства, но и в других областях социальной жизни, включая науку и искусство. Этим и объясняется периодически повторяющийся на Западе ренессанс шумпетерианства (или становление неошумпетерианства), в котором до сих пор видят весьма надежный методологический и теоретический ориентир в научном исследовании такого сложного феномена и процесса, каковым является инноваторское предпринимательство. Со времени введения инновационной «триады» Й.Шумпетера в научный оборот ее определение неоднократно дополнялось и уточнялось, но суть его интерпретации процесса внедрения нововведений в экономическую практику выдержала испытание временем в XX веке и остается прежней. Термин «инновация» по-прежнему употребляется для обозначения тех изменений, которые требуют значительного творческого воображения, представляют собой значительный разрыв с прошлым, с установленными способами производства и, таким образом, открывают новые возможности в наполнении рынка новыми товарами и услугами с целью удовлетворения потребительского спроса.

В соответствии с классическим определением Й.Шумпетером пяти видов «новых комбинаций», инновации и в наше время не ограничиваются сферой реализации новых технических изобретений, а зачастую бывают результатом соединения и использования предыдущих наработок, что ведет к значительной экономии сил и средств. Так же как сборочный конвейер на заводах Генри Форда-старшего был результатом применения опыта чикагских скотобоев в американской автомобилестроительной промышленности, так и многие современные технологические процессы, начиная с металлообрабатывающей и заканчивая аэрокосмической индустрией, представляют собой творческий синтез ранее известных технических и иных изобретений. На рубеже двух веков «идеальный тип» предпринимателя, сконструированный в трудах Й.Шумпетера, все так же стремится к поиску более дешевых, более экономичных, более выгодных, более доступных способов производства новых товаров и предоставления новых услуг за счет использования «новых комбинаций», оставшихся вне поля зрения других предпринимателей и бизнесменов.

В этом контексте израильский историк М. ван Кревельд отмечает: «Несмотря на то, что образ действий, посредством которых осуществляется технологический прогресс, трансформировался на протяжении девятнадцатого века, природа изобретения как интеллектуального акта, осталась прежней. Даже при отсутствии детальных знаний по этому вопросу можно предположить, что созидательные мыслительные процессы людей были таким же до Индустриальной революции, какими они являются в настоящее время. Ни одно изобретение не бывает совершенно новым, и каждое изобретение неизбежно представляет собой комбинацию существующих элементов» [Creveld, 1989: p. 219]. Вне всякого сомнения, замена металлических деталей пластмассовыми в машиностроении, внедрение новых статистических методов контроля качества выпускаемых изделий, использование принципов научной организации труда и управления в регулировании социально-трудовых отношений, введение системы самообслуживания в сфере услуг – все это, безусловно, новшества, однако все они базируются на предшествующих технических, управленческих и организационных достижениях. Вне всякого сомнения, реализация каждого из этих новшеств потребовала инициативы и воображения со стороны пионеров-предпринимателей. С этой точки зрения все они были инновациями, способствующими повышению производительности труда и эффективности производства или обслуживания. Вероятность открытия и продвижения новых возможностей в экономике за счет «новых комбинаций» подобного рода не исключается ни в настоящем, ни в будущем времени. Но не они определяли экономический рост и научно-технический прогресс в XX веке и не они будут двигателями инновационного развития экономики в XXI столетии.

В своем восхождении от первой к третьей индустриальной революции мировая цивилизация опиралась, прежде всего, на инновации, связанные с переходом к новым технологиям и новым технологическим процессам, основанным на новом уровне знания. Таковыми были изобретение и внедрение в экономическую практику электрической энергии, нефтяного горючего, химического производства, двига-

теля внутреннего сгорания и другие, давшие мощный импульс развитию второй промышленной революции. Таким же образом атомная энергетика, освоение космического пространства, электроника и компьютерная техника, новые информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) позволили индустриально развитым капиталистическим и социалистическим странам совершить новый технологический прорыв в будущее, проложить путь к становлению постиндустриального общества. Весомый вклад в инновационное развитие современного мира внес Советский Союз. «Даже противники «коммунистического тоталитаризма», – как отмечает российский исследователь вызовов глобализации и судеб государственности З.П.Яхимович, – признают историческую значимость для народов рухнувшей в 1917 году Российской империи произошедших за советский период модернизационных процессов. Они заложили основы интеллектуального и гуманитарного потенциала в рамках СССР, подготавливая предпосылки движения к «постиндустриальному» обществу» [Яхимович, 2003: с. 477].

Основные инновационные идеи Й.Шумпетера как первоосновы предпринимательства, экономического роста и развития были широко востребованы западными экономистами и социологами в начале второй половины XX века в результате «эффекта советского Спутника» и не утратили своей актуальности до настоящего времени. В результате эпохального события – вывода Советским Союзом на орбиту первого искусственного спутника Земли – знаменитая «инновационная цепочка» Й.Шумпетера («изобретение–внедрение–распространение») была преобразована на Западе с учетом советского опыта в новую формулу: «научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) – изобретение – внедрение – распространение – экономический рост и развитие». С вводом в действие названной новации изобретение, которое ранее чаще всего считалось «ожидаемым» и «случайным» элементом в инновационном процессе, превратилось в западных странах в планируемую и финансируемую компоненту в рамках научных исследований и разработок (НИР), которые поддерживаются как государством, так и частнокапиталистическим бизнесом с целью реализации

важного вывода Й.Шумпетера о «созидательном разрушении». Это обстоятельство, наряду с другими, позволило западной экономике во второй половине XX века совершить стремительный научно-технический и технологический прорыв во многих областях экономики и отраслях промышленности.

«Инновационная цепочка» Й.Шумпетера претерпела дальнейшие изменения во второй половине XX века в рамках современной теории *инновационного предпринимательства*. Последнее представляет собой «особый новаторский процесс создания нового, процесс хозяйствования, в основе которого лежит постоянный поиск новых возможностей, ориентация на инновацию, умение извлекать и использовать для решения текущих и долгосрочных задач ресурсы из самых разнообразных источников. Оно связано с готовностью предпринимателя добровольно взять на себя весь риск, связанный с осуществлением нового проекта или улучшением существующего, принять на себя финансовую, моральную и социальную ответственность за процесс, который должен принести денежный доход и личное удовлетворение достигнутым» [Модернизация, 2011: с. 66]. В соответствии с теорией инновационного предпринимательства эффективность инновационного процесса определяется после внедрения инновации в экономическую практику. Критерием успешности или провала инновации служит рынок как главный судья в решении вопроса, удовлетворяет или не удовлетворяет предложенное новшество новую потребность, пользуется или не пользуется она потребительским спросом (рис. 1).

Как следует из приведенной выше схемы, современный инновационный процесс охватывает всю траекторию движения новшества – от генерирования идеи, научных исследований и разработок, и разработки конкретного изделия до организации его производства и распределения. После достижения изделием зрелости происходит спад его коммерческой реализации на рынке, за которым следует прекращение массового выпуска данного товара и переход к генерированию новых идей с целью разработки иных новых изделий (товаров). «Инновационный процесс – это единственный в своем роде процесс, объединяющий науку, технику, эко-

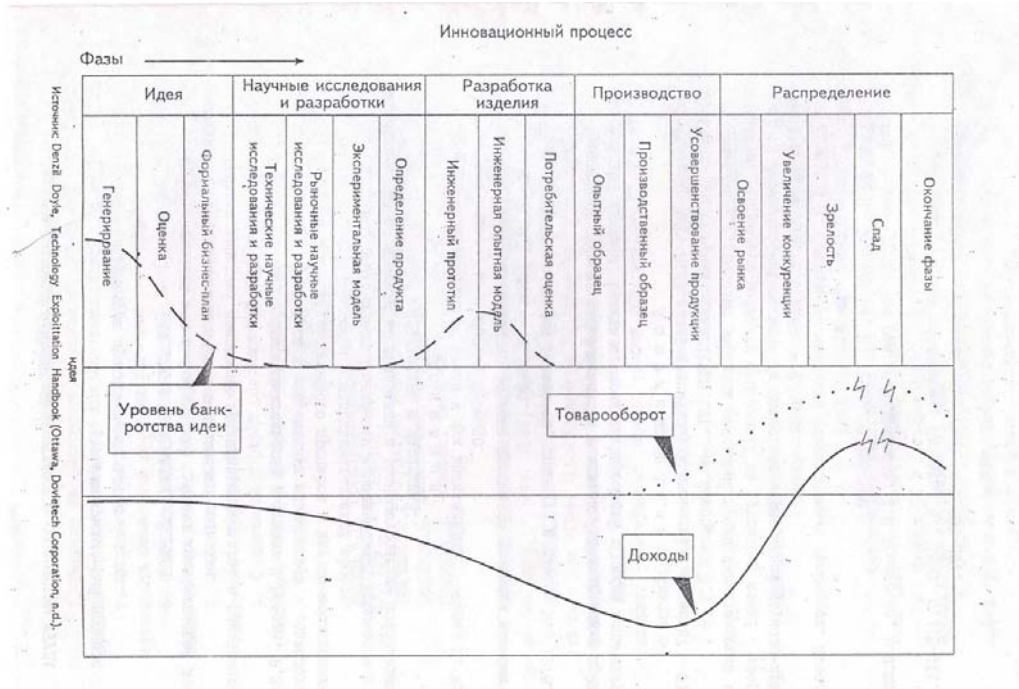

Рис. 1.1. Инновационный процесс

ному, предпринимательство и управление. Он состоит в получении новшества и простирается от зарождения идеи до ее коммерческой реализации, охватывая, таким образом, весь комплекс отношений: производства, обмена, потребления» [Селезнев, 2013: с. 20], – отмечает российский исследователь П.Селезнев. Успешное развитие инновационного процесса, преследующего цель интенсификации инновационной деятельности, зависит от обеспечения сложного взаимодействия многих факторов: экономических, технологических, политических, правовых, организационных, управленческих, социально-психологических и культурных (см. табл. 1.1).

Одной из причин ренессанса шумпетерианства после смерти Й.Шумпетера было также то, что он никогда не увлекался построением формальных математических моделей равновесия, которые не опираются на конкретные эко-

Таблица 1.1

Факторы инновационной деятельности

<i>Группы факторов</i>	<i>Способствующие инновационной деятельности</i>	<i>Препятствующие инновационной деятельности</i>
Экономические, технологические	– наличие резерва финансовых, материально-технических средств, прогрессивных технологий – наличие необходимой хозяйственной и научно-технической инфраструктуры – материальное поощрение за инновационную деятельность	– недостаток средств для финансирования инвестиционных проектов – слабость материальной и научно-технической базы, устаревшая технология, отсутствие резервных мощностей – доминирование интересов текущего производства
Политические, правовые	– законодательные меры, поощряющие инновационную деятельность – государственная поддержка инноваций	– ограничения со стороны антимонопольного, налогового, амортизационного, патентно-лицензионного законодательства – устоявшиеся организационные структуры, излишняя централизация, авторитарный стиль управления
Организационно-управленческие	– гибкость организационных структур, демократический стиль управления, преобладание горизонтальных потоков информации – самопланирование, допущение корректировок – децентрализация, автономия, формирование целевых, проблемных групп	– устоявшиеся организационные структуры, излишняя централизация, авторитарный стиль управления, преобладание вертикальных потоков информации – ведомственная замкнутость, трудность межотраслевых и межорганизационных взаимодействий; жесткость в планировании – ориентация на сложившиеся рынки; ориентация на краткосрочную окупаемость – сложность согласования интересов участников инновационных процессов

Продолжение таблицы 1.1

Группы факторов	Способствующие инновационной деятельности	Препятствующие инновационной деятельности
Социально-психологические и культурные	– моральное поощрение, общественное признание – обеспечение возможностей самореализации, освобождение творческого труда – нормальный психологический климат в трудовом коллективе	– сопротивление изменениям, которые могут вызвать такие последствия как изменение статуса, необходимость поиска новой работы, перестройка устоявшихся способов деятельности, нарушение стереотипов поведения, сложившихся традиций – боязнь неопределенности, опасение наказаний за неудачу – сопротивление всему новому, поступающему извне

номические факты. По признанию видного американского экономиста В.Леонтьева на страницах журнала «Science» в июле 1982 года, более половины статей, опубликованных в «American Economic Review», состояло в то время из математических моделей, не имеющих никакого отношения к каким-либо данным. В противовес таким экономистам Й.Шумпетер стремился познать природу экономических и социальных изменений на основании влияния человеческого фактора на них и обосновать его роль в обеспечении экономического роста и развития. Со временем основные элементы шумпетеровской теории экономического развития стали применяться в прикладных исследованиях в целях интерпретации множества метаморфоз хозяйственной жизни, представляющих практический интерес как для современных социологов, так и для экономистов.

«Шумпетерианский акцент на инновацию – диффузию как источник роста (а также на технологическую конкуренцию как механизм ее реализации) оказал сильное влияние на исследовательскую повестку дня в этой области в конце 1960-х годов, особенно среди исследователей, ориентированных на эмпирические исследования. Влияние на «высокую теорию» – на высоко математизированные формальные

модели равновесия, которые вызывали восхищение у Й.Шумпетера, но мало использовались им в его работах – пришло намного позже, приблизительно в 1990-е годы. И хотя это оказало большое влияние на эту специфическую область науки, теоретические модели, полученные в результате этого, оказали удивительно малое воздействие на прикладную повестку дня» [Fagerberg, 2003], – отмечает Я.Фэйджерберг. Это еще раз доказывает всю сложность и противоречивость синтеза теоретической и эмпирической математической экономики, тщетно пытающейся загнать всю совокупность производственных отношений, в основе которых лежит *человеческий потенциал*, в прокрустово ложе чуждых науке о человеке формальных математических уравнений. В то время как человеческий потенциал представляет собой сложное явление и определяется в социально-организационном контексте как *человеческие ресурсы*, в экономическом – как *человеческий капитал*, в социально-экологическом – как *жизненный потенциал*, в духовно-практическом – как *личный потенциал* и т.п. [Человек..., 2000: с. 430].

Справедливости ради следует отметить, что отношение Й.Шумпетера к математике на протяжении всей жизни оставалось двойственным. С одной стороны, он не только признавал и уважал, но и всячески продвигал математическую экономику и эконометрику. С другой стороны, как у самоучки (он самостоятельно изучал математику и труды экономистов-математиков от Антуана Огюстена Курно до Кнута Викаля) у него навсегда осталось чувство неуверенности в отношении использования математических методов в экономике. Говоря о математической экономике, Й.Шумпетер признавался: «Я иногда чувствую себя в положении Моисея, когда, увидев Землю Обетованную, он заявил, что сам не сможет на нее ступить» [Шумпетер, 2008: с. 11].

Противоречия между теорией и практикой в современной экономике на пороге XXI века в значительной мере объясняются методологической ущербностью нынешней неоллиберальной экономической науки. Последняя зачастую представляет собой сегодня сборную солянку различных теоретических идей, далеко отстоящих от требований реальной социальной и экономической жизни. Главная причина этого

искажения в лоне «экономикс» состоит в том, что для воплощения в жизнь множества лжеидей в интересах обогащения олигархических кланов последним понадобились специфические субъекты околонучной деятельности, известные сейчас как «чикагские мальчики в коротких штанишках». Эти воспитанники духовного гуру неоллиберализма М.Фридмана из Чикагского университета привели к коллапсу постсоциалистическую экономику на исходе XX века и мировую экономику на пороге нового века и не видят выхода из созданной ими же хаотической ситуации. На опасность засилья таких специалистов в США и других странах Комитет выдающихся ученых Американской экономической ассоциации обратил внимание еще в 1991 году, подчеркнув, что «программы для соискателей ученой степени (в области экономики) могут привести к производству поколения слишком многих талантливых идиотов, квалифицированных в технике, но невежественных в реальных экономических вопросах» [American Economic Association, 1991: p. 1044–1045]. Представляется очевидным, что нынешний глобальный финансово-экономический кризис, который, возможно, и закончился для западных «капитанов индустрии» и финансовых магнатов, но не закончился для десятков миллионов людей труда, ставших жертвами массовой безработицы вследствие новой Великой депрессии на пороге нового века, служит лучшим подтверждением правильности этого предостережения и вывода.

В научной интерпретации Й.Шумпетера подлинное предпринимательство не имеет ничего общего с т.н. «бумажным предпринимательством», получившим широкое распространение во всем мире на исходе XX века, в том числе и в постсоветском пространстве в результате т.н. «народной приватизации», под прикрытием которой осуществлялось разграбление общенародного достояния в большинстве «суверенных» осколков СССР. Сущность «бумажного предпринимательства» – любимого занятия экономических «элит» в наши дни в Старом и Новом Свете – сводится к концентрации производства и капитала за счет приобретений, слияний и поглощений. В результате этого, как отмечает канадская исследовательница Д.Фрэнсис, «экономика становится на-

столько концентрированной, что горстка промышленных или финансовых магнатов сосредоточивает в своих руках чрезвычайное политическое влияние» [Francis, 1986: p. 282]. «Предпринимательство» подобного типа не ведет к увеличению национального экономического пирога, но оно позволяет воротилам индустриального и финансового мира перераспределять народное богатство в свою пользу, что и происходит сейчас во всем мире. В этих условиях, как отмечает Д.Фрэнсис: «Между семейными империями, зонами полномочий или влияния менеджмента и правительствами остается немного пространства – или возможностей – для подлинных предпринимателей» [Francis, 1986: p. 283]. «Экономика казино», которая сегодня правит бал в т.н. «цивилизованных странах», меньше всего обеспокоена быстрой реализацией пяти видов «новых комбинаций». Вместо этого она занимается надуванием огромных финансовых пузырей, загнавших глобальное капиталистическое хозяйство в исторический тупик вследствие несовместимости рынка, спекуляций и инноваций.

Современная стагнация экономик большинства стран мира в значительной мере обусловлена тем, что во второй половине XX века многим бывшим колониальным и социалистическим странам из двух возможных путей экономического развития – мальтузианского и шumpетерианского – был навязан первый из них, предназначенный для уничтожения потенциальных конкурентов стран «золотого миллиарда» и превращения «новых рыночных экономик» в постоянных поставщиков дешевого сырья и дешевой рабочей силы, без которых не может существовать современный «цивилизованный капитализм». В этом принудительном выборе пути развития для стран «третьего» мира и с «переходной экономикой» рельефно просматриваются двойные стандарты современного западного экономического мейнстрима, который предлагает для внутреннего потребления и на экспорт два принципиально различных, противоположных вида экономической деятельности – *шумпетерианский* и *мальтузианский*. Первый из них рекомендуется экономически развитым капиталистическим странам, второй же настойчиво предлагается «несвятой троицей» гиперглоба-

лизаторов – Всемирным банком (ВБ), Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирной торговой организацией (ВТО) – всем остальным странам мира. Последним «триадой» ВБ, МВФ и ВТО отводится роль сырьевого придатка транснационального неолиберального капитализма, что лишает их возможности выйти на магистральный путь ИРЭ.

Вследствие использования двойных стандартов в программировании специализации развития страны «центра» («ядра») осуществляют шумпетерианскую экономическую активность и получают постоянно возрастающую отдачу, а технологические изменения в них приводят к снижению стоимости производства и, таким образом, открывают возможность для получения технологической ренты, которая в принципе может распределяться между капиталистами, наемными рабочими и правительством. Кроме того, страны «ядра» на полную мощность используют асимметричность современного мира с целью насаждения неокOLONиализма на периферии капиталистического мира и удовлетворения с ее помощью своих потребностей в дешевом сырье. В этом контексте российский исследователь М.Голанский справедливо отмечает: «Если бы система МКХ (мирового капиталистического хозяйства – прим. А.А.) оказалась без нынешних развивающихся стран, ее потенциал развития заметно бы уменьшился. Выпуск продукции к 2015 году не смог бы составить и двух третей от уровня 1980 года, а выпуск продукции на душу населения – даже половины ... Система МКХ сможет сохраниться только в случае удержания развивающихся стран в этой системе» [Голанский, 1992: с. 58, 59]. С другой стороны, «периферийные» страны, следующие в русле навязанной им развитыми странами мальтузианской экономической активности, после прохождения определенной точки в своем развитии неизбежно сталкиваются с повышением издержек на единицу продукции. Это – главный, вмонтированный в экономику стран-экспортеров сырья, механизм, не позволяющий им вырваться из западни бедности в отсутствие национального производственного сектора, и постоянно ведущий к все большей и большей социально-экономической поляризации богатых и бедных стран [Reinert, 2003].

По свидетельству профессора экономики Оттавского университета М. Чоссудовски, в результате рыночного насаждения рыночной экономики по моделям МВФ и ВБ: «В странах «третьего мира» и бывшего коммунистического блока региональные торговые структуры были упразднены, и большая часть индустриальной базы (которая ранее снабжала внутренний рынок) была демонтирована» [Chossudovsky, 1997: р. 26]. С резким снижением удельного веса машиностроительной и легкой промышленности в названных странах была разрушена и основа научно-технологического прогресса, и главная среда ИРЭ. С социально-экономической точки зрения машиностроение служит главной нишей инновационного развития и оказывает важное влияние на формирование социальной структуры общества, а легкая промышленность решает задачи удовлетворения насущных потребностей людей и вносит весомый вклад в укрепление безопасности и независимости страны от иностранных поставок.

Действие этих двух видов экономической деятельности было апробировано американской империей после Второй мировой войны. *Шумпетерианский подход* был испытан в странах Западной Европы в период реализации плана Маршалла и привел к благодатным результатам вследствие создания емкого рынка для США и восстановления народного хозяйства для западноевропейских государств – жертв гитлеровской агрессии. *Мальтузианский подход* стал трагическим экспериментом США в период осуществления в Западной Германии плана министра финансов США Г. Моргентау, преследующего цель демилитаризации и превращения ее в «земледельческое и скотоводческое государство». Под прикрытием демилитаризации Западной Германии Соединенные Штаты фактически проводили ее деиндустриализацию, чтобы устранить своего давнего основного конкурента в Западной Европе. Это привело к массовому голоду в Западной Германии в 1947 году, что заставило США отказаться от идеи «демилитаризации» этой страны и срочно приступить к претворению в жизнь плана Маршалла на ее территории. Американский опыт «демилитаризации» Западной Германии, который сопровождался уничтожением всех основных отраслей промышленности страны, нагляд-

но показал, что без наличия индустриальной базы страна не может решать продовольственную проблему и обречена на массовый голод, не говоря уже о реализации задач инновационного развития [Cook, 1983: p. 198; Reinert, 2003]. Об этом трагическом эксперименте в истории Западной Германии следовало бы помнить всем проводникам «радикальных экономических реформ», ведущих к деиндустриализации страны. Особенно с учетом вывода-предостережения известного норвежского экономиста Э.Райнерта о том, что за деиндустриализацией, как правило, следует деагрикультурализация, а за ней – депопуляция [Райнерт, 2011: с. 283].

Комментируя принципиальные отличия планов Маршалла и Моргентау, Э.Райнерт пишет: «Нация, сосредоточенная на мальтузианском типе активности, будет оставаться бедной, в то время как нации, сосредоточенные на шумпетерианском типе активности, будут поднимать уровень зарплат и стандарты жизни. Рост мальтузианской активности за счет шумпетерианской активности находится в центре любого плана Моргентау, а также в центре планов, скрывающихся под прикрытием ‘структурного приспособления’ в 1990-е годы. По нашему мнению, Т.Мальтус был прав, когда предсказывал, что человеческая зарплата всегда будет находиться на уровне прожиточного минимума. Исторический опыт единодушен в этом отношении: только шумпетерианский тип активности в состоянии избавить нации от бедности» [Reinert, 2003]. Однако симбиоз ВВ и МВФ в основу своей реформаторской и глобализаторской деятельности в странах СНГ положил мальтузианские, а не шумпетерианские постулаты. В этой связи Э.Райнерт справедливо отмечает: «История открывает нам, как богатые страны богатели при помощи методов, которые сегодня практически полностью запрещены условиями Вашингтонского консенсуса» [Райнерт, 2011: с. 43].

Выполнение императивных требований Вашингтонского консенсуса «новыми рыночными странами» является обязательным условием получения кредитов («золотого корсета») ВВ–МВФ. Последние же не столько способствуют реформированию экономик «второго» и «третьего» миров, сколько опутывают их непомерными внешними долгами и тесно

привязывают своих заемщиков к мальтузианской колеснице, несущей должников в одном направлении – в экономическую пропасть. Как правило, «гонка вниз» по рецептам Бреттон-Вудских финансовых институтов делает лечение страдающих от нехватки средств экономик дороже самой болезни, вытесняет их на обочину мирового развития и ведет к потере ими способности к воспроизводству государственного суверенитета вместо обещанного возвращения в «мировую цивилизацию» и равноправного выгодного участия в международном разделении труда.

В соответствии с современными экономическими и социологическими теориями темпы экономического роста зависят от многих факторов. К ним относятся и исходный уровень развития страны, и культурное положение населения, и наличие передовых технологий и развитых институтов, и геополитическая ситуация, и политические решения властных структур, и реальное состояние демократии и т.д. Соотношение указанных факторов, а также роль каждого из них, как демонстрирует историческая ретроспектива, являются разными. Это дает основание считать, что в долгосрочной перспективе темпы экономического роста в отдельных странах будут неодинаковыми, при этом факторы опережающего роста также будут разными. Определяющая роль в этом отношении будет принадлежать качественным изменениям, которые привели к становлению новой геополитической и геоэкономической конфигурации мира на рубеже двух тысячелетий, к «новому мировому порядку» в интересах стран «золотого миллиарда» планеты, идущих по шумпетерианскому пути ИРЭ.

Обострение глобальной конкуренции на мировых рынках в настоящее время требует новых форм вмешательства государства в экономику, направленного на повышение технологического уровня и конкурентоспособности национальных отраслей хозяйства. Таким образом, активное влияние государства на названные процессы, проведение им промышленной и аграрной политики, адекватной вызовам глобализации, должно стать важным фактором прогрессивного развития каждой страны, защиты ее национальных интересов. В связи с этим каждой развивающейся стране в борьбе за

выживание, в том числе и Украине, надлежит разработать новые концептуальные принципы государственного регулирования, которые могли бы на основе инновационной модели развития привести к подъему темпов экономического роста, значительно превышающих соответствующие показатели развитых стран и всемерно содействующих структурно-технологической модернизации народного хозяйства и повышению благосостояния населения.

В этом контексте кормчим стран «второго» и «третьего» мира пора понять простую истину: «В войнах прошлого сражались армии и военно-морские флоты. В великих войнах XXI века сражаются ученые, исследователи, инженеры и компании, которые превращают идеи в готовые продукты, продаваемые миллиардам потребителей. В прошлом выигрывающие войны армии имели более совершенное оружие, больше солдат, более мудрых главнокомандующих. В XXI веке в битвах сражаются команды ученых, а достижение победы требует более креативного разума, лучших идей, лучших лабораторий, лучших способностей коммерциализировать инновации, лучших способностей создавать спрос и продавать новые товары и услуги» [Rybicki, 2010: p. 19–20]. Следовательно, одержать победу в битвах XXI века в рамках неомальтузианской активности невозможно. К победам в битвах нынешнего столетия однозначно ведет только шумпетерианская деятельность, т.е. инновационная активность. К сожалению, она недоступна большинству стран за пределами «золотого миллиарда» планеты, которые узурпировали право развиваться в соответствии с нешумпетерианским мейнстримом и обрекли все остальные страны на неизбежный инновационный дефолт под прикрытием риторики о необходимости модернизации экономик и богатого «глобального Севера», и бедного «глобального Юга».

Спасти страны Юга от грозящей им катастрофы может обеспечение высоких темпов экономического роста на основании опережающего, а не «догоняющего» развития. «Движущей силой инновационного развития не только экономики страны в целом, но и отдельной организации в рыночных условиях становится атакующая инновационная стратегия как специфический инструмент для реализации организа-

ционной технологии инновационного управления, которая предопределяет разработку и поиск новых управленческих решений» [Старыгина, 2011: с. 46], – пишут российские исследователи А.Старыгина и Г.Овчаренко. Это требует всемерной активизации роли государства в индикативном и императивном программировании экономики и перевода отстающих стран на рельсы инновационного развития посредством освоения базисных технологий нового технологического уклада. Во избежание краха бедных стран в результате засилья в них ВБ, МВФ и ВТО, насаждающих бесперспективный неомальтузианский вариант экономического развития, переход на путь инновационного ведения народного хозяйства является для них безальтернативным категорическим императивом нашего времени. В этом контексте социологическое исследование социального потенциала инновационного развития украинской экономики приобретает в настоящее время чрезвычайно актуальное не только академическое, но и практическое судьбоносное значение.

1.2. Сравнительный анализ инновационных экономик современного мира

Первый в истории человечества глобальный финансово-экономический кризис, который разразился в эпицентре мирового капитализма – США – в 2008 году, до основания потряс все сферы жизнедеятельности в Старом и Новом Свете, принял затяжной системный характер и нанес сокрушительный удар по доктрине известного американского философа Ф.Фукуямы о «конце истории». В рамках последней была предпринята попытка обосновать легитимность либеральной демократии как системы правления и представить ее как «конечный пункт идеологической эволюции человечества» и «окончательную форму правления в человеческом обществе» [Фукуяма, 2004: с. 7]. Глобальный кризис также нанес мощный удар по постулатам чикагской экономической школы во главе с лауреатом Нобелевской премии по экономике М.Фридманом о благотворном и незыблемом характере новой американской панацеи – экономики нео-

либерализма – как для Запада, так и всего остального мира. Однако эти утверждения об эффективности и универсальности либеральной политической и экономической теории оказались такой же утопией, как и концепция «нового мышления», выдвинутая раньше М.Горбачевым. Весьма скептически о достижениях М.Фридмана в области неоллиберализма и монетаризма отозвался лауреат Нобелевской премии по экономике Р.Солоу. «Милтону Фридману все напоминает о денежной массе, – пошутил он однажды. – Мне все напоминает о сексе, но я стараюсь, чтобы это не отражалось в моих работах» [Солоу, 2013]. Неолиберальные мифы не выдержали испытания временем и были демистифицированы в результате самого крупного спада производства в мире капитала со времен Великой депрессии 1929–1933-х годов – финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов. Несмотря на западную риторику о завершении названного кризиса, причины и последствия повторения Великой депрессии на пороге XXI века не преодолены до настоящего времени и оказывают негативное воздействие на жизнь сотен миллионов людей во всем мире.

Вместе с девальвацией либерально-рыночной модели развития, от которой не спешат отречься сильные мира сего, в экономически развитых капиталистических странах с конца XX века повысился интерес к инновационной экономике, в основе которой лежит наука как непосредственная производительная сила. В этом контексте французские социологи Л.Болтански и Э.Кьяпелло подчеркивают: «Тексты 1990-х годов представляют нам картину заметно перестроившегося – в отношении 1960-х годов – социального мира. Перемены начинаются с конца 1980-х годов по мере внедрения разного рода организационных, технических и менеджерских инноваций. Пересмотру подвергаются все восходящие ко второму духу капитализма механизмы, некоторые из них перестраиваются и трансформируются, другие устраняются и заменяются» [Болтански, 2011: с. 197]. В принципе капиталистические страны всегда придавали особое значение развитию и стимулированию инновационной деятельности. Повышенное внимание к ней на исходе XX века было обусловлено интенсификацией конкуренции на гло-

бальном рынке. В связи с этим названные авторы отмечают: «Соперничество, порождаемое среди капиталистов конкуренцией, обязывает их стремиться к тому, чтобы всегда иметь преимущество над своим соперником, используя для этого технологические инновации, создание новых товаров или услуг, усовершенствование уже существующих продуктов или способов организации труда. Иными словами, здесь перед нами открывается источник вечного преобразования капитализма, или, согласно терминологии Шумпетера, процесса его «творческого разрушения» [Болтански, 2011: с. 99].

Тем не менее, переход к неолиберальной экономике в начале 1980-х годов не увенчался обещанными и ожидаемыми прорывами в области не только эпохальных, но и базисных технологий. В свое время паровая машина, электричество и компьютер действительно произвели настоящую революцию в экономической жизни. «Каждое из этих изобретений было впечатляющим прорывом, а не незначительным усовершенствованием. Каждое из них обладало потенциалом широкого распространения и применения» [Хелпман, 2012: с. 80], – пишет американский экономист Э.Хелпман. Однако в конце XX – начале XXI века подобных изобретений и их внедрения в экономическую практику не было и не могло быть. Почти все новшества, ставшие достоянием хозяйственной жизни на рубеже веков, были, главным образом, усовершенствованными модификациями ранее известных инноваций, а не оригинальными нововведениями, не имевшими аналогов в прошлом, и не могли привести к революционным изменениям в промышленном производстве.

Отсутствие значимых достижений на инновационном поприще на Западе свидетельствует о том, что западные стратегии ИРЭ на изломе XX–XXI столетий не достигли поставленных целей и потерпели поражение вследствие явной несовместимости сложных современных инновационных процессов с «рыночным саморегулированием», что говорит о настоящей необходимости замены невидимой руки рынка «внешним управлением», «экзогенными программными воздействиями на экономику» [Осипов, 2005: с.113]. Это касается инновационной политики всех стран, в том числе инновационной Лиссабонской стратегии Евро-

союза. «Как показывает практика, если на развитие науки и на инновации из бюджета ежегодно выделяются финансовые средства в сумме, равной 2% от ВВП и при этом ВВП тоже рос с темпом около 2% в год, то это значит, что выделенные средства были истрачены неэффективно. Прирост экономики на 2% в год – это естественный прирост, который мог быть получен и без отмеченного финансирования» [Копка, с. 445], – отмечают исследователи П.Н.Копка, И.П.Макаренко, А.Г.Рогожин, анализируя инновационную политику ЕС. На основании этого исследования названные авторы делают вывод, что инновация всегда вызывает рост инвестиций, но рост инвестиций не всегда вызывает инновацию.

По мнению ряда американских экономистов, не оправдали надежд в плане повышения производительности труда и информационные технологии, в связи с чем Р.Солоу однажды метко заметил: «Компьютеры видны везде, кроме статистики по производительности труда». Еще более критически по этому вопросу высказался российский исследователь Г.Осипов, который пишет: «Никакой информационной революции не происходит. Необходимый признак технической революции – скачок производительности труда. Такой скачок имел место в свое время в связи с изобретением паровой машины. Позже революционными оказались двигатели внутреннего сгорания, электричество и химия полимеров. Что касается «всемирной паутины», то ее распространение привело к обратному эффекту, который наблюдавали американцы: производительность труда снизилась из-за возросших потерь рабочего времени» [Осипов, 2005: с.123]. На поверку «новая информационная экономика» оказалась старым вином в новых мехах, поскольку она ничего не меняет в старых социальных отношениях в сфере производства. То же самое относится к «экономике знаний». По признанию известного британского социолога П.Кеннеди, «Экономика знаний – это один из тех специальных терминов, который как скрывает, так и разоблачает капиталистические социальные отношения» [Kennedy, 2010: p. 821].

Тем не менее, отвечая на вызовы экономической глобализации посредством создания надлежащих условий и возможностей для научно-технического прогресса, индустриально

развитые капиталистические страны всемерно содействовали на изломе двух столетий совершенствованию инновационной (неошумпетерианской) модели в своих странах и закреплению сырьевой (мальтузианской) модели в остальном мире. *Инновационная модель* преследует цель завоевания мирового рынка путем создания новых высокотехнологичных товаров и услуг. Названная цель достигается за счет постоянного увеличения ассигнований на научные исследования и разработки, на подготовку и переподготовку кадров и делает ставку на долгосрочную стратегию развития. Как инновационная, так и *сырьевая модель* развития непосредственно воздействует на весь комплекс социально-экономических и социально-политических отношений, однако это влияние оказывается в противоположных направлениях [см. табл. 1.2]. Первая модель создает все больше возможностей для развития и реализации творческого потенциала общества и готовит почву для постепенной трансформации его в общество знаний, вторая – тесно связана с колебаниями цен на мировом рынке сырья, ставит развивающиеся страны в зависимость от них и цен на высокотехнологичные товары и услуги и ведет их к краху по мере обострения проблемы дефицита ресурсов в результате их исчерпания [Иванов, 2013: с. 26–27].

В реализации инновационной модели развития США как ведущая держава в инноватике продемонстрировали комплексный подход к повышению взаимосвязи возрастающего интеллектуального потенциала рабочей силы с совершенствованием американского общества и общественных отношений, особенно на уровне формирования инновационной инфраструктуры. Анализ этого взаимодействия была посвящена книга американского исследователя Г.Ицковича «Тройная спираль. Университеты – промышленность – государственное управление» (2008), в которой показывается сложнейший характер взаимодействия названной «триады» субъектов инновационного процесса, ведущего к качественным изменениям самих участников этого взаимодействия. «Качественно новый характер организационных форм и взаимодействия организационных структур создает инкубационный эффект – университеты и научно-исследователь-

Таблица 1.2

**Характерные признаки сырьевой
и инновационной моделей развития**

<i>Сырьевая модель</i>	<i>Инновационная модель</i>
1. Главный фактор – разработка и экспорт невозобновляемых природных ресурсов	1. Главный фактор – развитие и реализация творческого потенциала рабочей силы
2. Застойная структура производства и экономики в целом	2. Непрерывная диверсификация производства и экономики в целом
3. Отсутствие спроса на науку и ограниченный спрос на высококвалифицированные кадры	3. Растущий спрос на науку и высококвалифицированные кадры
4. Отсутствие институциональной основы для инновационного развития	4. Развитие институциональной основы инновационного развития
5. Тенденция монополизации добычи и экспорта сырья	5. Отсутствие монополии на разработки и производство новых товаров и услуг
6. Усиление социальной поляризации	6. Увеличение удельного веса среднего класса
7. Препятствия для формирования гражданского общества	7. Усиление роли гражданского общества в экономической и политической жизни
8. Государство как выразитель интересов сырьевых монополий	8. Государство как активный участник инновационного процесса

Источник: Н.Иванов. Социальный контекст инновационного развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 3. – С. 27.

ские организации государства и бизнеса превращаются в инкубаторы новых инновационных фирм и исследовательских организаций» [Иванов, 2013: с. 18]. Функционирование и развитие «тройной спирали» опирается на внутреннюю финансовую базу. Общие затраты на НИР в Соединенных Штатах в 2008 году, не смотря на втягивание американской экономики в очередной экономической кризис, составили 389 млрд долл., что было на 25 млрд долл. больше по сравнению с предыдущим годом. Рост ассигнований на НИР отмечается в последние годы в большинстве стран и регионов мира (см. табл. 2).

К началу XXI века правительственным и деловым элитам мира стало ясно, что обострение конкуренции на глобальном

Таблица 1.3

Расходы на НИОКР в различных странах мира

Регион/Страна	2011, расходы на НИОКР по ППС, млрд долл. США	2011, расходы на НИОКР, % к ВВП	2012, расходы на НИОКР по ППС, млрд долл. США	2012, расходы на НИОКР, % к ВВП	2013, расходы на НИОКР по ППС, млрд долл. США (прогноз)	2013, расходы на НИОКР, % к ВВП (прогноз)
Америка (21 страна), в т.ч.:	485,4	2,05	494,9	2,04	507,6	2,04
США	412,4	2,70	418,6	2,68	423,7	2,66
Азия (20 стран), в т.ч.:	487,1	1,75	518,6	1,77	554,6	1,79
Япония	156,0	3,47	159,9	3,48	161,8	3,48
Китай	177,3	1,55	197,3	1,60	220,2	1,65
Европа (34 страны)	342,9	1,87	346,7	1,88	349,5	1,88
Россия	35,7	1,48	37,0	1,48	38,5	1,48
Весь мир	1394,3	1,76	1469,0	1,77	1496	1,77

Источник: Селезнев П.С. Инновационные проекты современности: политико-экономический опыт для России / П.С.Селезнев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – С. 48.

рынке требует перехода к стратегии опережающего развития, в которой ведущая роль будет принадлежать новым технологиям и новым продуктам. С этой целью в основу новой технологической волны был положен принцип know how или «знаю как», новой производственной волны – принцип know what или «знаю что». В первом случае в качестве инновации выступает «процесс», во втором случае инновацией является «продукт». Таким образом, в новой «инновационной цепочке» преимущество по-прежнему отдавалось двум видам «новых комбинаций», разработанных в начале XX века Й.Шумпетером. В целях достижения успеха на инновационном поприще в XXI веке большое внимание на Западе уделяется сейчас созданию условий для реализации интеллектуального потенциала нации, воспроизводства инновационного человеческого капитала (ИЧК), развития high-hume технологий. Последние обозначают гуманитарно-

информационные технологии, которые в отличие от традиционных технологий, продуктом которых являются товары и/или услуги, направлены на преобразование человеческого сознания [Чередников, 2013: с. 68].

Однако последняя трансформация в условиях современного глобального капитализма чревата непредсказуемыми негативными последствиями в контексте целенаправленного воздействия капитала в погоне за максимальной прибылью на поведение человека. В монографии Л.Суарера-Вилла «Технокапитализм: Критическая перспектива технологических инноваций и корпоратизм» отмечается: «Время, когда человеческое поведение будет проектироваться, с тем чтобы стать «лучше приспособленным» к корпоративным потребностям, кажется, уже наступило. Производство препаратов, предназначенных для модификации поведения, превратилось в быстро растущий сектор фармацевтической индустрии. Зарождающаяся конвергенция между генетическим инжинирингом, биофармакологией и биомедициной представляет собой устрашающую возможность приспособления индивидуальной генетической структуры к корпоративным нуждам не только в сфере манипулирования склонностями массового потребления, но и производства индивидов, податливых корпоративной власти и ее управленческим приоритетам» [Suarez-Villa, 2009: p. 16]. В конструировании новых моделей инновационного развития все большую роль играют ныне *высокотехнологичные стартап-компании*, выступающие в пользу альтернативных моделей развития в отличие от предшествовавших им моделей. Стартапами (start-up) на Западе называют недавно созданные компании, которые находятся на стадии развития и строят свой бизнес либо на основе новых инновационных идей, либо на основе только что появившихся технологий. Одной из основных причин создания, успешного развития и дальнейшего функционирования стартапов служит неповоротливость и медлительность крупных корпораций, которые в большинстве случаев успешно используют имеющиеся продукты, а разработкой и созданием новых почти не занимаются. Поэтому стартапы, благодаря своей мобильности в плане воплощения новых идей, составляют конкуренцию

крупным корпорациям. Основным ресурсом для создания нового стартапа служит хорошая новаторская идея, рассчитанная на потребительский спрос и имеющая высокие шансы на материальное воплощение в экономическую жизнь [Что такое стартап, 2013]. К этому следует добавить, что ослабление внимания крупных корпораций к инновациям объясняется не только их неповоротливостью и медлительностью, но и переносом центра тяжести в извлечении прибыли на эксплуатацию труда, а также на финансиализацию экономики, которая позволяет нынешним банкирам выколачивать большие прибыли за счет надувания «финансовых пузырей» и спекуляции, чем дает им реальное производство. Вне всякого сомнения, позитивный опыт стартапов, относящихся к малому бизнесу, в продвижении альтернативной модели инновационного развития заслуживает особого внимания, изучения и распространения. Тем не менее, было бы неправильным под этим предлогом недооценивать роль крупного бизнеса как ведущего агента модернизации и инноватизации в условиях современной глобализации и реиндустриализации мировой экономики. Практика ведущих западных стран убедительно свидетельствует о том, что успешными драйверами неоиндустриализации в XXI веке (после деиндустриализации, обусловленной погоней ТНК за максимальными прибылями в результате использования дешевого труда в странах «третьего мира» и с «переходной экономикой на исходе XX века) могут быть только крупные корпорации. В частном секторе США они составляют всего 1% численности, но на их долю приходится 60% всех продаж, 3/4 фонда заработной платы, 60% всех активов, более половины экспорта и импорта и 75% НИОКР частного сектора. Производительность труда в американских ТНК в течение последних 20 лет росла намного быстрее, чем в остальных компаниях. К 2007 году годовой доход к численности занятых в ТНК США был на 40% выше, чем в остальной экономике. Уровень затрат на НИОКР в ТНК США в четыре раза превышает средний уровень затрат частного сектора с той же целью [Кондратьев, 2013: с. 36–37]. Поскольку крупные компании играют особенно важную роль в обеспечении как экономического роста, так и инновационного развития, ка-

питалистическое государство во многих странах мира активно поддерживает развитие инновационного потенциала именно крупного бизнеса. Сравнительный анализ различных форм высокотехнологичных стартапов, действующих в национальных инновационных системах (НИС) США, Японии и Таиланда, наглядно показывает разницу между главными современными моделями инновационного развития – американской, японской и тайландской. *Традиционная модель* (США) инновационного развития охватывает весь инновационный цикл – от генерирования инновационной идеи до массового выпуска готового продукта. Она включает в себя все компоненты структуры инновационной системы: фундаментальную и прикладную науки, НИОКР, производство опытного образца и массовое высокотехнологичное производство, а также различные типы экспертизы, финансирования и воспроизводства кадров. *Восточно-азиатская модель* (Япония) почти исключает из инновационного цикла компонент фундаментальной и частично даже прикладной науки. Такие модели в основном ориентированы на высокотехнологичный экспорт, заимствование технологий у стран традиционной модели с последующей их доработкой и адаптацией. *Альтернативная модель* (Таиланд) характеризуется отсутствием в инновационном цикле фундаментальной и прикладной науки, а также сосредоточением инновационной политики на заимствовании и распространении инноваций, развитии образования в области экономики, менеджмента, социологии и психологии труда. Главный упор в ней делается на развитие high-hume технологий, на повышение креативного и инновационного потенциала, что дает значительные преимущества. В этом контексте альтернативная модель инновационного развития представляет особый интерес для стран с ограниченными ресурсами на проведение фундаментальных и прикладных исследований и стремящихся компенсировать их недостаток за счет воспроизводства инновационного человеческого капитала [Чередников, 2013: с. 68].

На основании анализа организаторской деятельности стран-лидеров в области инновационной активности на протяжении последних 30 лет украинский исследователь

А.С.Шнипко выделил 6 основных моделей инновационного развития, которые могут стать образцом для подражания в других странах:

Первая модель называется «моделью окружающей среды» (примером этой модели может служить Силиконовая долина в Калифорнии).

Вторая модель основывается на роли ТНК как главного драйвера инновационного цикла (производства, совершенствования и реализации нововведений).

Третья модель делает ставку на государственный протекционизм, в рамках которого правительство поддерживает национальные технологические инновации и закрывает национальный рынок для иностранных компаний.

Четвертая модель направлена на достижение инновационного прогресса путем постоянного и активного взаимодействия с мировым рынком и открытия национальных экономических границ.

Пятая модель основывается на использовании военных технологий в интересах всего экономического комплекса страны.

Шестая модель предложена Европейским союзом и сводится к формированию инновационной среды региональными объединениями государств в интересах стран ЕС.

В историческом контексте инновационные политики в экономически развитых странах прошли три волны. «Первая волна» охватывала период сосредоточения внимания на внедрении результатов научных исследований и разработок в области отдельных инновационных продуктов. В рамках «второй волны» инновационный процесс в целом рассматривался как системное явление, а задача инновационной политики заключалась в формировании системы государственной и негосударственной поддержки инновационной активности на всех этапах инновационного процесса и обеспечении государственного регулирования промышленности, финансов, образования, науки. В пределах «третьей волны» государственные инновационные политики были направлены на дальнейшее углубление координации межотраслевых мероприятий в сфере поддержки инновационной деятельности. Исторический опыт развитых стран в последовательном

переходе от первой к третьей стадии инновационной политики и деятельности, по мнению А.С.Шнипко, может быть поучительным для Украины [Шнипко, 2009: с. 148–149].

В настоящее время государственная инновационная политика ведущих стран Запада делает основную ставку на разработку и реализацию стратегии опережающего развития в целях сохранения своего господства и лидерства в современном глобальном мире. С помощью данной стратегии крупные державы, следуя в русле инновационного развития, стремятся осуществить не только «прорывы» на пути к утверждению новых достижений научно-технического прогресса, но и добиться серьезного поддержания стабильности и консолидации вокруг властных структур других общественных сил. С другой стороны, жесткое противостояние ведущих стран Запада в борьбе за первенство на инновационном «фронте» неизбежно ведет к обострению противоречий между ними, что отчетливо просматривается сегодня на примере конфронтации Соединенных Штатов и Европейского союза. В состязании за «мировое технологическое лидерство» важную роль играет выбор НИС и инновационных моделей развития, адекватных требованиям настоящего времени, современным вызовам глобализации, перспективам конкурентной борьбы и выживания мировой цивилизации.

В работе американского исследователя К.Смита «Системные вызовы инновационной политике» *национальная инновационная система* определяется как «такая совокупность различных институтов, которые совместно и каждый в отдельности вносят свой вклад в создание и распространение новых технологий, образуя основу, служащую правительствам для формирования и реализации политики, влияющей на инновационный процесс. Как таковая эта система взаимосвязанных институтов предназначена для того, чтобы создавать, хранить и передавать знания, навыки и артефакты, определяющие новые технологии» [Цит. по: Селезнев, 2013: с. 53–54]. Российский исследователь П.Селезнев, анализируя инновационные проекты современности, справедливо отмечает, что уровень развития инновационной сферы (наука, технологии, наукоемкие отрасли) создает

основу устойчивого экономического роста и политического веса страны, определяет границы между богатыми и бедными странами. В этом контексте НИС формируется под влиянием множества объективно заданных факторов. К ним относятся, в первую очередь, территория, наличие природных и трудовых ресурсов, особенности исторического развития института государства и форм предпринимательской деятельности. В интерпретации названного автора, «*Национальные инновационные системы – это совокупность государственных и частных организаций (предприятий), ведущих исследования и разработки, производство и реализацию высокотехнологичной продукции, а также органов управления и источников финансирования*» [Селезнев, 2013: с. 56].

Национальные инновационные системы включают в себя все важные экономические, социальные, политические, организационные, институциональные и другие факторы, которые влияют на развитие, распространение и использование новшеств на уровне страны. С другой стороны, структура, развитие и функционирование национальной инновационной системы детерминируется различными коэволюционными процессами экономических, социальных, политических, технологических и институциональных факторов [Balzat, 2007, p. 928]. «Всесторонняя нео-шумпетерианская экономическая теория, сосредотачивающая основное внимание на управляемом новшествами качественном развитии, должна предложить теоретические концепции для научного анализа различных проблем всех трех своих опор: индустриальной динамики, финансовых рынков и общественного сектора. Инновация и, как следствие этого, неопределенность, является повсеместной особенностью каждой из этих опор, которые в действительности являются взаимосвязанными. Улучшенное понимание процессов развития можно ожидать только в том случае, когда коэволюционные измерения всех этих трех опор принимаются во внимание» [Hanusch, 2007, p. 1168].

Каждой модели инновационного развития соответствует определенная национальная инновационная система. *Традиционная (американская) модель инновационного разви-*

тия по своему содержанию является моделью инновационного лидерства и инновационной самодостаточности. В ней предусматривается «осуществление государством крупных инновационных проектов собственными силами, а также самостоятельное использование результатов инновационных разработок и стремление не раскрывать их для широкого обозрения, что при правильном подходе обеспечивает государству неоспоримые преимущества по сравнению с конкурентами и лидирующие позиции по конкретным инновационным направлениям» [Селезнев, 2013: с. 57]. Соответствующая данной модели национальная инновационная система характеризуется разнообразием и децентрализацией. Ключевым элементом этой системы являются 150 высококласных американских университетов, «национальные лаборатории» и think tanks («думающие танки» или «фабрики мысли»), как называют в США крупные исследовательские компании. Национальная инновационная система США отличается сочетанием высокого уровня НИОКР с фундаментальными исследованиями. Последние финансируются федеральными правительственными учреждениями. Характерной особенностью этой системы является сильная ориентация на практическое рыночное применение новых технологий и разработок [Чередников, 2013: с. 71]. В пользу ее высокой эффективности убедительно свидетельствует то, что в США на 1 долл., вложенный в НИОКР, приходится 9 долл. роста ВВП [Селезнев, 2013: с. 57].

Восточноазиатской (японской) модели инновационного развития соответствует национальная инновационная система, в которой главный упор делается на техническом усовершенствовании и развитии заимствованных технологий. Данная инновационная система не ориентирована на фундаментальное знание. Исследовательская роль университетов в ней вторична по отношению к лабораториям корпораций. Она ориентирована на высокотехнологичный экспорт, в то же время в ней неразвита культура малого высокотехнологичного предпринимательства. *Альтернативной (тайландской) модели инновационного развития* соответствует национальная инновационная система, в которой основное ударение делается на развитии *high-hume* технологий. Отли-

чительной особенностью национальной инновационной системы данного типа является развитие в ее рамках высоко-го образования в области креативной экономики, менеджмента, социологии и психологии труда, а также обучение, подготовка и переподготовка кадров для финансовой, банковской, нефтедобывающей и других сфер. В данной системе также используется потенциал древней и оригинальной культуры Таиланда [Чередников, 2013: с. 71].

Вполне понятно, что названными моделями инновационного развития и национальными инновационными системами не исчерпывается разнообразие всех действующих сегодня моделей и систем. В данном случае они служат лишь иллюстрацией самых известных комплексных подходов к выработке или же выбору первых и вторых в зависимости от тех объективных факторов, которые детерминируют их суть и содержание. Более широкое представление об этой проблеме можно найти на страницах других новых публикаций по инноватике, например, в работе В.Киселева, Д.Рубвальтера, О.Руденского [Киселев, 2012: s.a]. В то же время накопленный политико-экономический опыт претворения в жизнь инновационных проектов в ведущих западных странах свидетельствует о том, что вызовы глобализации требуют срочного адекватного ответа. Они настоятельно ставят на повестку дня стран, не желающих быть вытесненными на обочину ИРЭ на пороге XXI века, разработку и осуществление действенной национальной стратегии с тем, чтобы избежать превращения в сырьевые придатки «золотого миллиарда» планеты в результате затяжного использования мальтузианской модели инновационного развития. Это относится ко всем без исключения странам с «переходной экономикой», к Украине – особенно. Почему особенно к Украине? Ответ на этот вопрос дает украинский экономист В.Новицкий, который отмечает: «К сожалению, пример Украины достоин удивления: новейшая история не знает настолько выраженного примера технологической деградации – от стратегии опережения на многих ключевых направлениях НТП ... до почти фронтального отставания от стран – технологических лидеров» [Новицкий, 2006: с. 148]. Поэтому поиск путей к преодолению инновационного дефолта в нашей стране с ис-

пользованием собственного и передового опыта зарубежных стран в инновационном экономическом развитии является категорическим императивом нашего времени, одним из основных средств предотвращения вытеснения Украины на периферию глобального капитализма в обозримом будущем.

1.3. Динамика инновационности украинской экономики

Инновационность экономики характеризует как степень инновационного развития экономики, так и ее восприимчивость к этому развитию. О достигнутой степени инновационного развития экономики можно судить по целому ряду конкретных, как правило, статистических показателей. Степень восприимчивости экономики к инновационному развитию обусловлена, с одной стороны, заинтересованностью в нем со стороны главных субъектов хозяйственной деятельности, а с другой, способностью этих субъектов хозяйствования к осуществлению этой деятельности на инновационных началах. Речь идет о способности к восприятию новых идей как результатов интеллектуальной деятельности в самой разнообразной форме (новых продуктов и услуг, новых технологий, новых решений производственного, финансового, управленческого, социального и иного характера), реализация и коммерциализация которых составляет сущность инновационного процесса. Заинтересованность в инновационном развитии экономики со стороны различных социальных групп, задействованных в общественном производстве, зависит прежде всего от характера системы социально-экономических отношений данного общества и, соответственно, сложившихся в нем экономических и в целом социальных институтов. Способность к восприятию новых идей, как и ценность усвоения новых знаний, умение выйти за пределы привычного, традиционного характеризует сущность инновационной культуры людей, определяющей, в конечном счете, инновационность их мышления и действий.

Само понятие инновационности экономики, в отличие от исходного понятия инновации, вошло в научную лексику не так давно, по мере все ускоряющегося развития научно-

технического прогресса и активного формирования новых технологических укладов, составляющих инновационный сектор экономики. Это актуализировало поиск фрагментарных и обобщенных показателей инновационной активности на национальном и международном уровне, в рамках межстрановых сравнений индексов глобальной конкурентоспособности, глобальных индексов инноваций, индексов экономики знаний и пр. Помимо официальных статистических показателей, рассчитываемых Госкомстатом Украины и соответствующими международными организациями, важную роль в определении реальной ситуации, существующих барьеров и возможностей дальнейшего инновационного развития экономики призваны играть данные социологических исследований (как массовых опросов населения, так и специальных экспертных опросов).

Прежде чем на основе имеющихся данных показать динамику инновационности украинской экономики, вернемся кратко к истории развития экономики Украины до провозглашения ею в 1991 году своей независимости. Как известно, Царская Россия, в состав которой Украина входила до 1917 года, была одной из наиболее отсталых капиталистических стран. Производство промышленной продукции на душу населения было в два раза меньше, чем в среднем в мире, современными средствами производства она была оснащена в четыре раза слабее Англии, в пять – Германии, в 10 – Америки [Ассонов, 1987: с. 2]. За годы советской власти Украинская ССР превратилась в мощную многоотраслевую индустриальную республику с развитым машиностроением, химической и нефтехимической промышленностью. Украина выпускала почти половину металлургического оборудования и силовых трансформаторов, все свеклоуборочные машины и кукурузоуборочные комбайны, большое количество металлорежущих станков, тракторного, энергетического, химического, подъемно-транспортного и другого оборудования. В Украине как важнейшей топливно-металлургической базе СССР было сосредоточено более трети союзного производства готового проката черных металлов, добывалась значительная часть угля, почти половина всего объема железной руды [Ассонов, 1987: с. 2–3].

Украина обладала и мощным научным потенциалом. В институтах АН УССР, которая была главным научным центром республики, сформировались признанные научные школы в области математики, механики, физики, химии, биологии, материаловедения, кибернетики и т.д. Именно академические институты, помимо отраслевых научно-исследовательских и проектно-конструкторских институтов, имели традиционно тесные связи с промышленностью (Институт электросварки имени Е.О.Патона, Институт проблем материаловедения, Институт сверхтвердых материалов, Институт кибернетики, Институт проблем прочности и др.), что ускоряло внедрение научно-технических достижений в хозяйственную практику. На продуктивную связь науки и производства работал заводской сектор науки, научно-производственные объединения (в УССР в 1985 году было 31 НПО, в 1986 – 54), созданные в крупнейших научно-технических комплексах АН УССР особые проблемно-ориентированные подразделения – инженерные центры и опорные пункты [Ассонов, 1987: с. 16, 19].

Массово создавались научно-технические общества, куда входили ученые, инженеры, рабочие. В Украине общество изобретателей и рационализаторов включало в себя 26 тысяч первичных организаций и объединяло более 3 млн человек [Богданова, 1988: с. 31]. Как написал один из экспертов, сотрудник Инновационной палаты Украины, «Советская экономика имела разветвленную инновационную инфраструктуру (всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов, подразделения изобретателей и рационализаторов на каждом предприятии и в институтах, областные советы новаторов, областные дома техники, дома ученых, центральное и областные товарищества «Знание», отраслевые союзы научно-технических работников, что обеспечивало поддержку изобретателей, рационализаторов, ИТР и научных работников на всех этапах внедрения инноваций – от защиты изобретательской идеи до ее внедрения и выплаты вознаграждения. При этом все эти общественные институты финансировались государством)». Почти 40% из всех изобретений СССР имели украинское происхождение. По количеству изобретений относительно численности населения Украина

практически не отставала от лидирующих в этом отношении стран. Еще до середины 90-х годов наша страна сохраняла достаточно активный изобретательский потенциал. Сегодня же стимулирование творчества рационализаторов и изобретателей сведено на нет, патентно-лицензионные отделы ликвидированы на большинстве промышленных предприятий. Изобретательство и рационализаторство потеряли свой характер массового движения. По сравнению с 1991 годом в Украине количество рационализаторов и изобретателей уменьшилось более чем в 20 раз [Шнипко, 2009: с. 161]. По данным мониторинга ИС НАН Украины, за последние 10 лет рационализаторством и конструированием в свободное время занимались только 1% украинских граждан.

Для повышения эффективности общественного производства и его перевода на интенсивный путь развития на основе ускорения НТП в Украине в 80-е годы была разработана целая система целевых комплексных научно-технических программ: «Материалоемкость», «Металл», «Энергокомплекс», «Агрокомплекс», «Транспорт», «Труд», научная программа «Биотехнология». Накопленный научный и кадровый потенциал позволил Украине создать первый в Европе цифровой компьютер¹, осуществить первую контролируемую ядерную реакцию, разработать сварочную систему для работ в космосе, создать систему управления космического корабля «Буран» и автоматические системы стыковки космических кораблей, построить самый большой в мире самолет «Мрія», самую мощную межконтинентальную ракету «СС-18» и многое другое [Ещенко, Арсеенко, 2011: с. 44].

Следует особо подчеркнуть огромную (и неоднозначную) роль в развитии НТП советского военно-промышленного комплекса (ВПК), существенная часть которого приходилась на Украину. С одной стороны, в этой сфере были сосредоточены наиболее квалифицированные научные и инженерные

---

¹ Еще с начала 60-х годов серийно выпускалась созданная В.Глушковым небольшая электронная машина для инженерных расчетов «Промінь» – прообраз первого в мире персонального компьютера [Осипчук, 2013: с.4.]. Первая в стране ЭВМ была создана под руководством С.О.Лебедева [Богданова, 1988: с. 7].

кадры, способные генерировать и реализовывать самые передовые научно-технические идеи. С другой стороны, специфика военно-промышленного комплекса и политика советского руководства не позволяли использовать накопленные в этой сфере научно-технические достижения для повышения эффективности гражданских отраслей народного хозяйства и удовлетворения разнообразных социальных потребностей населения. Опрошенные нами эксперты также считают, что научно-технический потенциал СССР работал и внедрял инновации главным образом в сфере ВПК. Другая часть советской экономики, из-за отсутствия свободного рынка, конкуренции, экономической заинтересованности во внедрении инноваций, а также в силу забюрократизированности и невосприимчивости со стороны работников министерств и ведомств каких-либо изменений и т.п., не была мотивирована на широкомасштабное создание инновационной продукции и доведение ее до потребителя. Несмотря на перечисленные недостатки, как подчеркивали эксперты, советская экономика «в большей мере способствовала внедрению инноваций, чем экономика современной Украины. Принципиальными ее недостатками были не планирование как таковое, а недостаточный уровень научного обоснования народнохозяйственных планов и всеобщая бюрократизация управления». Сейчас же мы «проедаем» промышленный и научный потенциал, созданный советской экономикой.

Следует, однако, признать, что нараставшие еще с 60-х годов трудности и проблемы в советской экономике (затратная система управления, диспропорции в политике зарплат и цен, излишняя монополизация производства, отсутствие здоровой конкуренции между предприятиями и пр.) привели не только к снижению темпов экономического роста, но и тормозили сам НТП. Затратная система управления стимулировала выпуск не того, что нужно потребителям, а того, что выгодно прежде всего производителям [Валовой, 2003: с. 49]. Планирование «от достигнутого» не просто не способствовало, а препятствовало любым инновациям. Механизм хозяйствования по «догме Смита» (использование в качестве расчетных показателей при планировании и определении темпов роста не показателей вновь созданной стои-

мости, а валовых показателей, включающих повторный счет прошлого труда) породил то, что Д.Валовой точно назвал «экономикой абсурдов и парадоксов». Еще в 70-е годы этот ученый-практик предупреждал: «Если не изменим систему управления экономикой, то в середине 90-х годов наша экономика развалится. До 2000 года не дотянем!» [Валовой, 2003: с. 108]. Иначе чем парадоксом бытовавшие правила системы планирования и организации производства, которые ставили предприятия при внедрении ими энерго- и материалосберегающих технологий в невыгодные условия (поскольку удешевление продукции приводило к трудностям с выполнением плана по объему производства и реализации!) не назовешь [Богданова, 1988: с. 8]. По расчетам академика В.Глушкова, потери от погони за валом ради липовых темпов и «длинных рублей» еще в 70-е годы значительно превысили материальный урон за годы Великой Отечественной войны [Валовой, 1991: с. 406]. Вместо перехода на интенсивный тип развития, необходимость которого декларативно провозглашалась, реально действовавший хозяйственный механизм ориентировался все больше на эволюционный путь развития. Планы по науке и технике включали преимущественно задания по улучшению традиционной техники, а не радикальной реконструкции на базе новейших научно-технических достижений, да и те нередко не выполнялись. В 1960 году доля интенсивных факторов в общем приросте национального дохода СССР составляла 40%, в 1989 году она снизилась до 25%. Материалоемкость национального дохода в начале 80-х годов была вдвое выше, чем на Западе [Апокин, 2003: с. 26].

Серьезно сдерживало развитие НТП распыление капиталовложений, затягивание сроков строительства новых промышленных объектов (массовая практика незавершенного строительства). Производственные мощности на нововведенных и реконструированных предприятиях в среднем в 1985–1986 годах были загружены на 76%. Например, Сивашский анилинокрасочный завод (Крым) и Яворивское производственное объединение «Сера» (Львовская область) были загружены всего на 15–20%. Препятствовали внедрению инноваций, как уже указывалось, и многочисленные бюрократиче-

ские барьеры. Так, на оформление документации для создания новой машины требовалось от четырех до шести лет. Для проектирования целостной технологической системы с разными агрегатами, установками и механизмами необходимо было порядка 400 согласований [Богданова, 1988: с. 16, 18]. Из-за недалёковидности недостаточно образованного в своем большинстве руководства страны и несостоятельности экономической науки в СССР так и не был реализован грандиозный проект В.Глушкова ОГАС – проект Общегосударственной автоматизированной системы. Ее внедрение позволило бы в реальном режиме времени получать любую информацию, касающуюся работы народного хозяйства и принимать своевременные и наиболее рациональные управленческие решения [Осипчук, 2013: с. 4.].

Обладая колоссальным потенциалом оптимального стратегического планирования, возможностями концентрации усилий и заинтересованности всего общества на наиболее важных направлениях, заложенными в самой идее социалистической организации хозяйства, реализовать на практике эти потенциальные преимущества руководство советского государства не сумело. Вместо поиска разрешения назревших проблем социально-экономического развития «верхи» бывшего Советского Союза под маской перестройки «государственного» социализма в «демократический» осуществили демонтаж социалистической системы хозяйствования, увидев в либерализации экономики возможность быстрого обогащения и легитимации своего господствующего положения. В результате, как писал академик НАН Украины А.Чухно, «...под лозунгом рыночных реформ произошло массовое ограбление народа. И более того – вследствие этих реформ была создана система производственных отношений и механизм функционирования экономики, которые не обеспечивают ее подъема, выход Украины в число передовых, развитых стран, а наоборот, превращают ее из относительно индустриально развитой страны в отсталую, да еще и с экономикой сырьевой направленности. Вместо повышения эффективности экономики произошло ее резкое падение, вместо экономического роста – неслыханный спад производства, вместо научно-технического развития –

разрушение высокотехнологичного производства, быстрый износ и моральное старение основных фондов, большая утрата первоклассных специалистов и ученых, а в результате появились “лежащие” предприятия и необрабатываемые поля» [Чухно, 2007: с. 65].

Произошедшее вскоре после провозглашения Украиной своей независимости разрушение большинства производственно-технологических связей и сокращение спроса на промышленную продукцию из-за разрыва отношений с бывшими советскими республиками вызвало остановку многих предприятий. В том же направлении работал и маховик приватизации. Формально ставились задачи поиска инвесторов, модернизации производства, а фактически на фоне все усиливающегося отчуждения общества от государства и власти шел циничный захват эксгосударственной собственности и экономических ресурсов Украины.

Девяностые годы стали десятилетием разрушительной редукции украинской экономики. Происходила деиндустриализация и деградация экономики. Наиболее сильно пострадали отрасли машиностроения и металлообработки: численность промышленно-производственного персонала в машиностроении сократилась за 1990–2000 годы в 2,8 раза, в приборостроении – в 4,1 раза, в автомобильной промышленности – в 2,3 раза, в тракторном и сельскохозяйственном машиностроении – в 2,7 раза. Численность персонала в легкой и микробиологической промышленности уменьшилась, соответственно, в 3,4 и 2,7 раза [Статистичний щорічник, 2001: с. 365, 366]. В 2000 году продукция машиностроения составляла всего 35% от уровня 1990 года, автомобильной промышленности – 30%, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения – 14% [Статистичний щорічник, 2001: с. 113]. Хотя именно от машиностроения, его научно-технического уровня во многом зависит прогресс в остальных отраслях народного хозяйства. Следует особо подчеркнуть, что сокращение наукоемких отраслей промышленности происходило на фоне общей технологической отсталости украинского производства, 95% продукции которого относится к третьему и четвертому

технологическим укладам², доля продукции высших технологических укладов составляет менее 5% (4% – для пятого и 0,1% – для шестого) [Україна–2015, 2008: с. 40].

Если в развитых странах доля машиностроения в структуре промышленного производства во второй половине XX века повысилась в два раза, то в Украине за годы рыночных трансформаций она, наоборот, сократилась в 2,3 раза [Україна–2015, 2008: с. 30]. Стремление новоявленных «эффективных» собственников к получению прибыли максимально легким способом «сегодня и сейчас» породило сырьевой перекоп украинской экономики. В 1989 году удельный вес черной металлургии в вывозимой продукции составлял 16,8%, машиностроения – 37,8% (т.е. большая часть произведенного металла перерабатывалась и выходила за пределы Украины в виде продукции машиностроения). Сейчас в структуре экспорта они поменялись местами: металлургия составляет 33%, машиностроение – менее 18% [Задоя, 2012: с. 28–31].

Понятно, что сокращение количества промышленных предприятий само по себе сужало «физические» возможности инновационного экономического развития страны. Но отследить эту динамику очень сложно в силу фактически отсутствия статистических данных. В 1995 году промышленных предприятий (объединений), которые находились на самостоятельном балансе (без малых предприятий и кооперативов, т.е. только средних и крупных), в Украине

---

² Под технологическим укладом понимается макроэкономический комплекс технологически схожих производств, характеризующихся общностью технических и инженерных решений, способов организации производства. Третий технологический уклад объединяет тепловые электростанции, топливную и угольную промышленность, черную металлургию и др., что составляет примерно 58% производства в Украине, четвертый уклад представлен тяжелым машиностроением, судостроением, цветной металлургией и составляет 38% отечественного производства. К пятому технологическому укладу, господствующему сегодня в развитых странах, относятся роботостроение, телекоммуникации, информационные услуги, электронная промышленность, программное обеспечение, к шестому укладу, активно развивающемуся в мире, относятся нанотехнологии, геновая инженерия, альтернативная энергетика, новая медицина и фармакология.

насчитывалось 8900 [Статистичний щорічник, 1996: с. 154–155]. Несмотря на произошедшее сокращение промышленного производства, к концу 2000 года, по данным Госкомстата Украины, функционировало 10502 промышленных предприятий (без малых) [Статистичний щорічник, 2001: с. 100–101]. После изменения методики учета и введения в статистическую терминологию в 2001 году категории «промышленные предприятия – юридические лица» прямое сопоставление стало вообще невозможным. Вместо одного среднего или крупного предприятия, функционировавшего в прошлом, нередко появлялось несколько новых «юридических лиц» (вследствие дробления промышленных гигантов на куски с целью перепродажи, перепрофилирования, сбыта на «металлолом» и пр.). Более того, количество этих предприятий – юридических лиц год от года росло, с 47348 в 2001 году до 54925 в 2007 году (за последующие годы эти сведения отсутствуют). Данные о распределении предприятий по размерам позволяют рассчитать количество средних и крупных промышленных предприятий. В 2007 году их насчитывалось порядка 7415, в том числе 824 крупных. Независимо от выбора базы расчета, налицо тенденция сокращения количества крупных и средних промышленных предприятий (на 17% к указанному в 1995 году числу предприятий; на 29% – к заявленному их количеству в 2000 году). И хотя малые предприятия составляют 86,8% всех предприятий в промышленности, именно средние и крупные предприятия определяют промышленный потенциал страны. Неслучайно на них занято, соответственно, 25,1% и 63,5% наемных работников промышленности [Статистичний щорічник, 2012: с. 310, 312]. Кроме того, следует подчеркнуть, что в отличие от мировых тенденций (в развитых странах главными инициаторами внедрения инноваций выступают малые предприятия), в нашей стране главными субъектами инновационной деятельности являются не малые, а крупные и средние предприятия [Одотюк, 2009: с. 162–163].

Продолжается старение основных фондов: степень износа основных средств по видам экономической деятельности достигла в 2010 году 74,9%, в т.ч. в обрабатывающей про-

мышленности – 66,8%, в сфере транспорта и связи – 94,4% [Статистичний щорічник, 2012: с. 93]. Доля убыточных предприятий в промышленности выросла с 2% в 1990 году до 38% в 2011 году. Рентабельность предприятий упала с 16,8% в 1990 году до 4,8% в 2011 году [Статистичний щорічник, 2002: с. 114; Статистичний щорічник, 2012: с. 106]. Производительность труда по ППС в Украине на протяжении 2001–2008 годов была на уровне 12–16% от производительности труда в США, 30–33% – от производительности труда в Чехии и Венгрии и т.д. [Соколик, 2011: с. 99].

Рост ВВП за счет введения новых технологий в Украине оценивается всего в 0,7%, в развитых странах этот показатель достигает 60% и даже 90% [Україна–2015, 2008: с. 40]. Крайне низким остается число инновационно активных предприятий. На фоне заметной тенденции к уменьшению их количества в начале нулевых годов, увеличение доли инновационно активных промышленных предприятий за последние три-четыре года (табл. 1.4) является позитивным сдвигом. Однако даже достигнутый в 2012 году уровень (17,4%) намного ниже порогового значения (25%) и гораздо ниже аналогичного показателя развитых стран (70–80%). В большинстве стран Центральной и Восточной Европы уровень инновационной активности колеблется от 20 до 40%, в Германии он составляет 70%, в Канаде – 65%, в Бельгии – 60% и т.д. [Федулова, 2013: с. 18]. В целом, несмотря на определенную волнообразность динамики инновационной активности промышленных предприятий, существенных изменений за последние годы не наблюдается. Так, удельный вес предприятий промышленности, которые занимались инновационной деятельностью, также как удельный вес предприятий, которые внедряли инновации, в 2012 году был практически на уровне 2000 года, что говорит об отсутствии позитивной динамики в этом направлении за годы рыночных реформ. О принципиальном характере изменений в инновационной деятельности промышленных предприятий красноречиво говорят следующие данные. В 1994 году в Украине насчитывалось 2181 предприятие, внедряющее инновации, в 2005 году – 810, в 2011 году – 1327 (или 60,8% от уровня 1994 года). Удельный вес предприятий,

Таблица 1.4

**Динамика инновационной активности
промышленных предприятий в Украине***

Показатели инновационной активности	Количество предприятий, шт./ Удельный вес в общей численности промышленных предприятий, %						
	2000	2005	2007	2009	2010	2011	2012**
Предприятия, занимавшиеся инновационной деятельностью	1 705/ 18,0	1 193/ 11,9	1 472/ 14,2	1 411/ 12,8	1 462/ 13,8	1 679/ 16,2	1 758 / 17,4
Предприятия, внедрившие инновации	1 491/ 14,8	810 / 8,2	1 186/ 11,5	1 180/ 10,7	1 217/ 11,5	1 327/ 12,8	1 371 / 13,6
Предприятия, реализовывавшие инновационную продукцию		1 022/ 10,2	1 035/ 10,0	994 / 9,0	964 / 9,1	1 043/ 10,1	
Предприятия, реализовывавшие инновационную продукцию за пределы Украины		385 / 3,8	357 / 3,5	334 / 3,0	343 / 3,2	378 / 3,7	

*Источник: Наукова та інноваційна діяльність в Україні, 2011: с.185, 234, 235; Наукова та інноваційна діяльність в Україні, 2012: с. 175, 228, 239.

** Источник: Інноваційний розвиток промисловості, 2013: с. 4.

внедряющих инновации, в общем количестве промышленных предприятий сократился практически наполовину: с 26,0% в 1994-м до 12,8% в 2011 году. Количество освоенных новых видов продукции (несмотря на кратковременное, но заметное увеличение в 2000–2002 годах) в целом за двадцатилетний период многократно уменьшилось и составило в 2011 году всего 23,5% от уровня 1991 года. Количество внедренных новых видов технологических процессов уменьшилось за это время примерно втрое и составило в 2011 году 34,4% от уровня 1991года, в том числе малоотход-

ных и ресурсосберегающих технологий – 28,3% [Федулова, 2013: с. 17].

Более того, на фоне реального роста промышленного производства в 1998–2007 годах происходило сокращение и без того крайне низкого показателя наукоемкости производства с 1,1% до 0,4% [Одотюк, 2009: с. 63]. Сектор высокотехнологического производства в структуре обрабатывающей промышленности на протяжении последних лет не превышает 10%, что вдвое меньше среднего показателя в экономически развитых странах. По доле высоких технологий Украина уступает Венгрии и Польше в 1,9–2,2 раза (основным странам ЕС – в 2,5–3,2 раза) [Одотюк, 2009: с. 6, 98]. Неслучайно Л.Федулова, признанный эксперт в сфере инновационной политики, считает, что «сегодня мы наблюдаем последствия реализации самого худшего сценария развития украинской промышленности». Низкий уровень инновационной активности характерен для всех видов экономической деятельности и для всех типов инноваций (технологических, организационных, маркетинговых). «Как свидетельствует анализ, инновационные процессы в промышленности в течение всего двадцатилетнего периода существования Украины как самостоятельного государства находились в состоянии устойчивой стагнации» [Федулова, 2013: с. 16]. Итак, весь трансформационный цикл оказался неинновационным. Рухнули надежды и на обновление основного капитала на новой технико-технологической основе в рамках «окон возможностей» в условиях глобального кризиса.

Как оценивают сегодня инновационность украинской экономики международные эксперты? Прежде всего следует отметить, что учитывая определенный рост эффективности производства на основе повышения интенсивности использования ресурсов за последние годы, международные аналитики повысили статус Украины по критерию доминирующих факторов экономического развития. Из группы стран, находящихся *в состоянии перехода* от первой – факторной – наиболее низкой стадии экономического развития (*factor-driven stage of development*) ко второй – эффективной стадии (*efficiency-driven*), Украину перевели

в группу стран, находящихся непосредственно *на стадии* эффективного развития. Согласно данным Всемирного экономического форума о глобальной конкурентоспособности 2012–2013 Украина улучшила позиции по сравнению с 2011–2012 годами. Индекс ее глобальной конкурентоспособности³ вырос с 4,00 до 4,14 баллов по 7-балльной шкале. Если в 2011–2012 годах Украина занимала 82 место среди 142 стран, то в 2012–2013 годах она поднялась на 73 место (среди 144 стран). По расчетам глобальной конкурентоспособности 2013–2014 Украина заняла 84 место среди 148 государств с индексом 4,05 балла. Поскольку количество стран, рейтинги которых рассчитываются, растет, важно прежде всего отслеживать динамику интегрального индекса конкурентоспособности страны и его составляющих. Так, по данным сайта ВЭФ (<http://www.weforum.org/issues/global-competitiveness>) индекс конкурентоспособности Украины в 2007–2014 годах колебался от 3,98 балла в 2007-м до 4,14 баллов в 2013 году, уступая не только экономически развитым странам, но и бывшим странам соцлагеря. Для сравнения: в 2014 году индекс конкурентоспособности Швейцарии составил 5,67 балла, Германии – 5,51 балла, США – 5,48 балла, Японии – 5,40 балла, Великобритании – 5,37 балла, Польши – 4,46 балла, Казахстана – 4,41 балла, России – 4,25 балла. В таблице 1.5 приведены рейтинги и баллы трех субиндексов (интегральных составляющих) глобального индекса конкурентоспособности Украины за последние три года.

В 2013 году оценка всех трех групп субиндексов незначительно повысилась по сравнению с предыдущим годом, в текущем году несколько снизилась. Наименее развитыми остаются инновационные факторы. В целом они обеспечивают 10% конкурентоспособности страны, стимулы роста – 50%, базовые условия – 40% [The Global Competitiveness

---

³ Глобальный индекс конкурентоспособности ВЭФ является интегральным показателем, рассчитанным на основе 117 субиндексов, две трети из которых базируются на результатах ежегодного опроса руководителей высшего уровня национальных компаний, а треть взяты из официальной статистики.

Таблица 1.5
Динамика интегральных составляющих (субиндексов)
глобального индекса конкурентоспособности Украины

Годы исследования	Базовые условия		Стимулы эффективности		Инновационные факторы	
	рейтинг	балл	рейтинг	балл	рейтинг	балл
2011–2012 (142 страны)	98	4,18	74	4,00	93	3,21
2012–2013 (144 страны)	79	4,35	65	4,11	79	3,43
2013–2014 (148 стран)	91	4,3	71	4,0	95	3,4

Report, 2014: p. 376–377]. Причем за последние годы наблюдается ухудшение большинства показателей блока «инновации». Так, уровень способности осуществлять инновационную деятельность снизился с 3,8 балла в 2008 году до 3,2 балла в 2014-м, а наличие последних технологий в стране – с 4,8 балла в 2013-м до 4,3 балла в 2014 году

Неслучайно по глобальному индексу инноваций, который рассчитывают аналитики Корнельского университета, международной бизнес-школы INSEAD и Всемирной организации интеллектуальной собственности⁴, позиции Украины ухудшились на 8 пунктов (с 63 места в 2012 году она перешла на 71 место в 2013-м, а индекс снизился с 36,1 балла до 35,8 балла). Для сравнения: по глобальному индексу инноваций в 2013 году Швейцария занимала первое место (66,6 балла), Великобритания – третье (61,2 балла), США –

⁴ Это глобальное экспертно-аналитическое исследование проводится с 2007 года и представляет собой наиболее полный комплекс показателей инновационного развития стран, включенных в исследование (институты, человеческий капитал и исследования, инфраструктура, развитость рынка, развитость бизнеса, развитие технологий и экономики знаний, развитие творческой деятельности). Глобальный индекс инноваций составлен из 84 переменных и рассчитывается как взвешенная сумма оценок двух групп показателей: имеющихся ресурсов и условий для осуществления инноваций и достигнутых практических результатов их осуществления. Индекс может варьировать от нуля до ста.

пятое (60,3 балла), Япония – 22-е (52,2 балла), Польша – 49-е (40,1 балла), Россия – 62-е (37,2 балла), Казахстан – 84 место среди 142 стран (32,7) [The Global Innovation Index 2013, s.a.].

По индексу экономики знаний (рассчитывается на основе четырех показателей: индекса экономического и институционального режима, индекса образования, индекса инноваций и индекса информационно-коммуникационных технологий (ИКТ))⁵ Украина несколько ухудшила свои показатели за последнее десятилетие. Если в 2000 году индекс экономики знаний в Украине достигал 6,33 балла (54-е место в рейтинге стран), то в 2012-м он снизился до 5,73 балла (56-е место среди 145 стран). Для сравнения: по индексу экономики знаний в 2012 году Германия занимала 8-е место (8,90 балла), Швейцария – 10-е (8,87 балла), США – 12-е (8,77 балла), Великобритания – 14-е (8,76 балла), Япония – 22-е (8,28 балла), Польша – 38-е (7,41 балла), Россия – 55-е (5,78 балла), Казахстан – 73 место (5,04 балла). Следует подчеркнуть, что индекс знаний, рассчитываемый как средняя величина трех субиндексов – индекса образования, индекса инноваций и индекса ИКТ – в Украине и в России заметно выше индекса экономики знаний (6,33 и 6,96 балла, соответственно) [Knowledge Economy Index, 2012: p. 2; Индекс экономики знаний, s.a.]. Это говорит, во-первых, о том, что рейтинги Украины в международных сравнениях в значительной мере «вытягиваются» благодаря высоким показателям образования населения и, во-вторых, о явном недоиспользовании имеющегося у нас интеллектуального потенциала. Помимо недоиспользования накопленного образовательного потенциала происходит его уменьшение. Снизилась и оценка инновационных факторов. Определенная позитивная динамика прослеживается по институциональной системе и развитию ИКТ (табл. 1.6).

⁵ Индекс экономики знаний как комплексный показатель, характеризующий уровень развития экономики, основанной на знаниях, был разработан группой аналитиков Всемирного банка в рамках специальной программы «Знания для развития» для оценки способности стран создавать, воспринимать и распространять знания. Индекс рассчитывается по 10-балльной шкале на основе 109 различных показателей.

Таблица 1.6

Сравнительная динамика составляющих индекса экономики знаний Украины*

Показатели	2000		2012	
	Ранг	Индекс, баллы	Ранг	Индекс, баллы
Экономический и институциональный режим	103	3,08	93	3,95
Образование	17	8,47	21	8,26
Инновации	46	6,35	59	5,76
ИКТ	82	4,71	77	4,96

* Інноваційний розвиток промисловості, 2013: с. 8.

Даже этот краткий обзор данных основных международных исследований подтверждает, к сожалению, низкий уровень инновационности отечественной экономики и фиксирует негативный тренд в ее развитии. Такие оценки полностью совпадают с экспертными оценками. По данным экспертного опроса, проведенного специалистами Института экономики промышленности НАН Украины (2006, $N = 137$) в рамках проекта Академии наук Украины “Организационно-экономическое и институциональное обеспечение активизации инновационной деятельности в промышленности Украины”, абсолютное большинство экспертов (87%) отметили, что инновационность развития экономики Украины пребывает на низком и очень низком уровне [Активізація, 2007: с. 288]. В этом опросе главное внимание было сосредоточено, во-первых, на инновационном развитии промышленности, рассматриваемом, естественно, в контексте инновационного развития всей экономики, во-вторых, на вопросах организационно-правового и социально-экономического обеспечения этого развития, хотя состояние, тенденции и основные проблемы ИРЭ анализировались сквозь призму человеческого потенциала, инновационной активности работников и других социальных факторов. Поэтому прежде чем приступить к анализу результатов экспертного опроса 2013 года, всецело посвященного изучению социального потенциала инновационного развития украинской экономики, целесообразно обобщить ключевые социальные проблемы

и преграды на пути инновационного развития, выявленные в результате опроса специалистов по проблемам инновационного и социально-экономического развития в 2006 году. Это позволит сравнить текущее состояние ИРЭ Украины с состоянием и проблемами, зафиксированными социологами семь лет назад, а значит, дополнить динамику инновационности отечественной экономики «социологическим сканером».

1.4. Инновационное развитие экономики Украины в человеческом измерении

Украина ставит амбициозные цели долгосрочного развития благодаря переходу экономики на инновационную социально ориентированную модель развития. Но официально декларируемый курс на инновационное развитие экономики (ИРЭ) не сопровождается реальными подвижками в этом направлении. Более того, по мнению ряда экспертов-специалистов в области инновационного развития, ИРЭ Украины просто отсутствует. Разобраться в причинах такого положения, определить реальное состояние ИРЭ в его человеческом измерении, барьеры и факторы, тормозящие и стимулирующие ИРЭ, увидеть роль и место человека в этих процессах позволяют социологические исследования. Ограниченность статистической информации не дает целостной картины позитивных и негативных изменений в формировании предпосылок инновационного развития, отсутствует комплексная оценка социальных, культурных, человеческих, духовных, интеллектуальных, институциональных ресурсов и возможностей их рационального использования для целей ИРЭ Украины. Результаты социологических опросов в этом плане являются уникальным источником информации, необходимой для решения и научных, и социальных проблем, и проблем информационного обеспечения управленческих решений.

В этом параграфе представлены результаты экспертного опроса, проведенного сектором проблем социальной безопасности Института экономики промышленности НАН Украины в 2006 году, цель которого состояла в определении социальных, организационно-экономических и институциональных механизмов активизации инновационной деятельности в Украине. Актуальность проведенного исследования, его результаты не утратили своей значимости и

ценности, к тому же открывают дополнительные возможности для их использования в контексте активизации социального потенциала ИРЭ, объединяя усилия экономистов и социологов Украины для решения этой крайне важной проблемы.

Результаты экспертного опроса* дают комплексное представление о роли и значимости потенциала населения и потенциала человека в инновационных процессах, раскрывают важнейшие социальные факторы инновационного развития и барьеры на его пути, позволяют выявить основные мотивы инновационной активности занятого на производстве населения, а также социальные группы, в которых она локализована. Важными аспектами ИРЭ является степень распространенности инновационного типа поведения среди занятого населения страны, качество социального и трудового потенциала Украины, их соответствие целям ИРЭ, что в комплексе определяет готовность общества к инновационному развитию.

Важными источниками формирования, реализации и активизации ИРЭ являются качественный человеческий потенциал, конкурентный человеческий капитал, конкурентоспособные человеческие и трудовые ресурсы, отражающие направленность и уровень развития общественного производства. Человек, отдельный работник, социально-профессиональные группы и сообщества рассматриваются не просто как ресурсы, потребляемые для целей производства, а в качестве стратегических ресурсов, без которых нельзя достичь конкурентного производства.

Человеческий потенциал в контексте ИРЭ мы рассматриваем как сформированные потребности, способности и готовность разных социальных групп осуществлять социально-значимую деятельность в экономической сфере на основе производства и применения новаций. Сущностное ядро человеческого потенциала — человеческие способности к выполнению определенных видов деятельности. Такие спо-

---

* Экспертный опрос был проведен в 2006 году Институтом экономики промышленности НАН Украины. В опросе приняли участие 137 специалистов: исследователи и ученые, занимающиеся решением проблем инновационного развития, представители вузовской науки, имеющие публикации в сфере инновационной деятельности, менеджеры, изобретатели и специалисты по внедрению инноваций [Активізація, 2007: с. 328].

способности состоят как минимум из двух компонент: 1 – знаний специальных технологий решения традиционных и нетрадиционных задач; 2 – умений (навыков) применять эти технологии. Сформированные и реализуемые в социальных практиках способности социальных субъектов (человека, социальных групп, общества) являются основой продуцирования инноваций. Именно здесь человеческий потенциал соединяется с инновационным развитием, обеспечивая их взаимосвязь и взаимообусловленность. Через накопление и реализацию профессионально-образовательных, интеллектуальных, трудовых, культурных, организационно-управленческих и других ресурсов происходит воспроизводство человеческого капитала, что является основой конкурентоспособности и работника, и предприятия, и отрасли, и экономики страны в целом. Инновационная активность раскрывает потребности, способности и готовность человека и общества обеспечивать собственную конкуренто- и жизнеспособность, что крайне актуально в условиях нестабильности, когда инновации оказываются наиболее приемлемыми и адекватными способами реагирования на вызовы нестабильной среды.

Аспекты взаимосвязи человеческого потенциала и ИРЭ Украины многоплановы. В рамках экспертного опроса 2006 года эта взаимосвязь анализировалась по следующим параметрам:

- обеспеченность экономики кадрами инновационного типа;
- уровень творческой и инновационной активности разных социальных групп населения Украины;
- оценка необходимых и реальных качественных черт работников промышленности с целью использования их в обеспечении ИРЭ; их способность трудиться на уровне высоких мировых стандартов;
- сравнительная оценка качественных характеристик конкурентоспособности работников, занятых в сфере производства в Украине и развитых странах;
- распространенность типов трудового поведения, ориентированных на инновационные преобразования;
- способности и готовность общества к накоплению, реализации и развитию инновационного потенциала.

Для понимания роли и значения социального контекста в инновационном развитии важны общие оценки уровня инновационного климата в экономике Украины с выделением места и весомости социального потенциала инновационного развития в его формировании. Так, при оценке инновационного климата в Украине с позиций потребностей и условий его формирования эксперты отметили, что существует значительный разрыв между общественными потребностями в инновационном развитии и условиями их удовлетворения (табл. 1.7).

Таблица 1.7

**Экспертные оценки инновационного климата
украинской экономики, %**

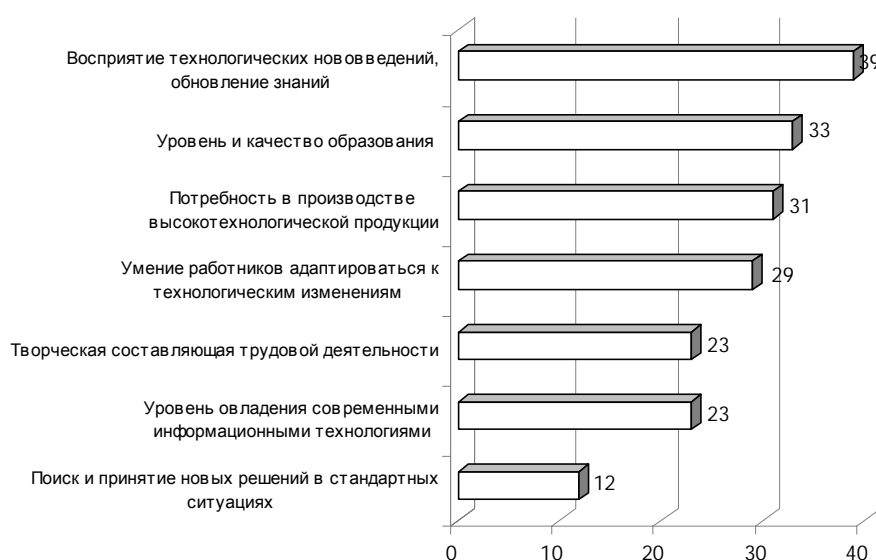
Составляющие инновационного климата	Оценка достигнутого уровня				
	очень низкий	низкий	средний	высокий	Очень высокий
Понимание представителями органов управления необходимости и приоритетности ИРЭ	8	30	42	18	1
Усилия руководства отечественных предприятий, направленные на активизацию ИРЭ	12	48	34	4	–
Уровень подготовки и заинтересованности работников к инновационной деятельности	7	54	30	5	1
Развитие науки, внедрение ее достижений	8	37	40	11	–
Уровень поддержки обществом ученых и новаторов	34	45	16	4	–
Популяризация научно-технических идей, достижений	25	42	26	4	–
Уровень конкуренции в инновационных сферах деятельности	20	42	28	7	–
Уровень кооперации в инновационных сферах деятельности	23	47	26	2	–
Качество инновационного менеджмента	17	53	20	6	1
Объективная общественная потребность развития инноваций	4	8	17	38	31
Условия активизации инновационной деятельности	15	48	25	6	–

Высокую и очень высокую объективную потребность экономики в инновационном развитии подчеркнула преобладающая часть экспертов (соответственно $38 + 31 = 69\%$). Но препятствия на этом пути связаны с несовершенством и неразвитостью институциональных возможностей и способностей общества влиять на эти процессы. Уровень конкуренции в инновационной сфере деятельности по мнению 62% экспертов низкий и очень низкий ($20 + 42\%$), вследствие чего она, по-видимому, не выступает катализатором инновационного развития. По мнению большинства экспертов (60%) руководство отечественных предприятий практически не прилагает усилий, направленных на активизацию ИРЭ, поэтому эксперты оценили существующие условия для этого как низкие и очень низкие (63%), а по оценкам 38% опрошенных представители органов управления вообще не понимают приоритетности инновационного развития. В итоге и человеческий, и научный, и организационно-управленческий потенциал имеют низкий уровень задействованности в формировании благоприятного инвестиционного климата в Украине. Уровень подготовки и заинтересованности работников к инновационной деятельности 60% экспертов оценили как низкий и очень низкий. Это значительно снижает возможности трансформации человеческого потенциала в человеческий капитал, препятствует формированию квалифицированных кадров нового типа. Научный потенциал страны не реализуется в должном объеме, в том числе по следующим причинам: из-за низкого и очень низкого уровня поддержки обществом ученых и новаторов, слабого развития науки и внедрения ее достижений, низкой популяризации научно-технических идей, на что указали, соответственно 78% , 45% и 66% опрошенных экспертов.

Степень готовности к инновационным изменениям самого общества предполагает реализацию потенциала для достижения целей ИРЭ, когда способности и возможности общества находятся уже в стадии использования для достижения конкретных целей и решения определенных задач. Насколько же само общество готово к инновационному развитию? Наиболее значимым основанием для реализации

инновационного потенциала общества, по мнению 39% экспертов, выступает высокий уровень восприятия технологических нововведений и систематическое обновление полученных знаний (рис. 1.2). Каждый третий эксперт выделил уровень и качество образования (33%), потребность в производстве и потреблении высокотехнологической продукции (31%), умение работников предприятий адаптироваться к технологическим изменениям (29%).

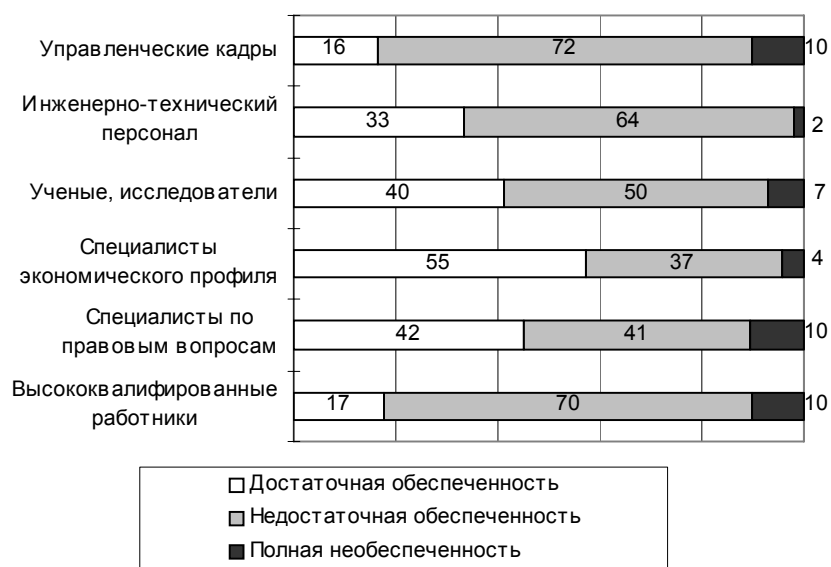
Определяющую роль в ИРЭ играет конкурентоспособность предприятия/отрасли, во многом зависящая от кадрового состава, квалификации, конкурентоспособности персонала и менеджмента. Кадровый потенциал инновационного типа имеет свою структуру и должен соответствовать запросам инновационной экономики. Экспертные оценки позволяют раскрыть его состав и соответствие требованиям ИРЭ. Так, отвечая на вопрос анкеты: «Насколько сфера иннова-

Рис. 1.2. Экспертная оценка приоритетности составляющих готовности общества к инновационному развитию, %

ционной деятельности обеспечена кадрами инновационного типа (склонными и способными к инновациям)?», большинство экспертов отметили низкую обеспеченность сферы инновационной деятельности управленческими кадрами, инженерно-техническим персоналом и высококвалифицированными работниками (рис. 1.3).

Лучше всего инновационная деятельность обеспечена специалистами экономического профиля. На достаточную обеспеченность этими кадрами указали 55% экспертов. Следует особо подчеркнуть слабую обеспеченность сферы инновационной деятельности инженерно-техническими кадрами, что связано со снижением качества общего и профессионального образования, его недостаточной ориентированностью на удовлетворение потребностей ИРЭ. Только каждый третий (33%) эксперт указал, что инновационная

Рис. 1.3. Экспертные оценки степени обеспеченности сферы инновационной деятельности кадрами инновационного типа, %

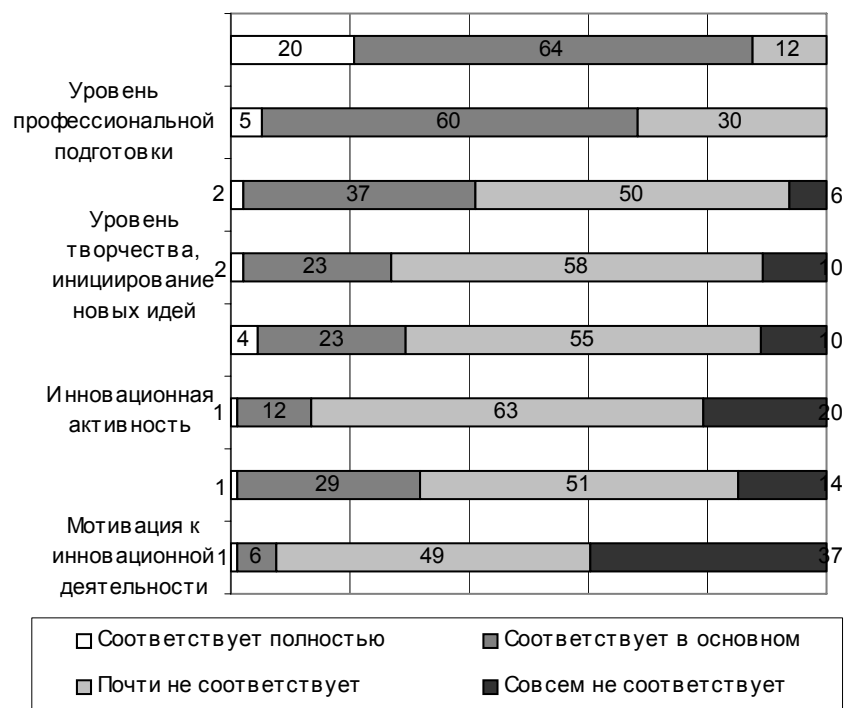
сфера достаточно обеспечена необходимым инженерно-техническим персоналом.

Ключевым звеном кадрового потенциала ИРЭ являются ученые, исследователи, имеющие склонности и способности к инновационной деятельности. Хотя обеспеченность такими кадрами 40% экспертов определили как достаточную, иного мнения придерживаются 57% опрошенных аналитиков. Такое распределение оценок отражает слабую систему мотивации научных работников, отсутствие должной государственной поддержки и стимулирования научных кадров инновационного типа. Вместе с тем наличие значительной доли ученых с инновационным типом мышления и поведения (40%), способных довести до внедрения в производственную практику инновационных идей, является необходимым условием для осуществления инновационного прорыва.

Количество специалистов по праву, которые занимаются юридическим сопровождением инновационной деятельности, обеспечивают защиту авторских прав и интеллектуальной собственности 42% экспертов оценили как достаточное, практически столько же (41%) дали противоположную оценку. Это свидетельствует о наличии серьезного барьера для ИРЭ, для инновационной активности всех остальных кадров, причастных к созданию инновационных продуктов и их внедрению.

Важным фактором обеспечения ИРЭ на уровне трудового коллектива, предприятия является конкурентоспособность отдельных работников и их групп. Последняя существенно зависит от механизма функционирования человеческого ресурса в производственно-коммерческом процессе и определяет конкурентоспособность персонала [Фатхутдинов, 2006: с. 156]. В процессе формирования и развития конкурентоспособности персонала проявляется единство экономических и социальных процессов: работодатель ориентируется на достижение своих целей (повышение конкурентоспособности организации, получение прибыли) путем наиболее полного использования конкурентных преимуществ наемных работников. Работники, в свою очередь, заинтересованы в повышении конкурентоспособности своего предприятия, поскольку находят в этом возможность для повышения своей

индивидуальной конкурентоспособности. Конкурентоспособность работника определяется качеством рабочей силы, соответствующим рыночной потребности в функциональном качестве труда, и рассматривается как показатель «селекции» наемных работников по уровню их потенциальной и фактической эффективности труда, способности к профессиональному развитию. Эффективная инновационная деятельность требует высокой конкурентоспособности и развитости таких качеств у работников промышленного производства, которые способствуют развитию конкурентного

Рис. 1.4. Экспертные оценки соответствия качественных характеристик большинства работников промышленности требованиям инновационной деятельности, %

человеческого капитала предприятий для реализации ИРЭ. Результаты экспертного опроса позволили оценить степень соответствия качеств работников промышленности требованиям инновационной деятельности (рис. 1.4).

Уровень общего образования и уровень профессиональной подготовки в основном и полностью соответствуют требованиям инновационной деятельности по мнению 84% и 65% экспертов соответственно. Но для успешной инновационной деятельности наличия одних этих характеристик явно недостаточно. Такие важные качества, как склонность к нововведениям, инновационная активность, уровень творчества, инициирование новых идей не соответствуют потребностям ИРЭ, что свидетельствует о низких качественных характеристиках человеческого капитала предприятий промышленности. Такое важное качество, как культура труда, выступающее основой культурного капитала персонала предприятия и необходимое для продуктивной трудовой деятельности работника развито, по мнению 65% экспертов, недостаточно. 30% экспертов оценили культуру труда большинства работников промышленности как соответствующую (полностью или в основном) этим требованиям. 86% экспертов считают, что мотивация к инновационной деятельности на предприятиях промышленности Украины почти или совсем не соответствует требованиям инновационной активности, что тормозит ИРЭ в целом.

Анализ данных сравнительной таблицы необходимых и реальных качеств работников промышленности позволяет углубить представленные выше характеристики работников в плане соответствия имеющегося человеческого потенциала требованиям ИРЭ (табл. 1.8).

Самыми важными чертами для работников промышленности являются высокая профессиональная компетентность, способность довести до внедрения инновационную идею, самостоятельность, инициативность и активность. Такое мнение высказали соответственно 85%, 79% и 72% экспертов. Но при оценке реальной развитости ситуация оказалась иной. Если наличие высокой профессиональной компетентности очень нужной считают 85% экспертов, то достаточно развитой у работников промышленности ее счи-

Таблица 1.8

Экспертные оценки степени необходимости и развитости наиболее значимых для инновационной деятельности качеств работников промышленности*, %

Наиболее значимые для инновационной деятельности черты работников промышленности	Необходимые качества			Реальные качества		
	Степень необходимости			Степень развитости		
	очень нужны	скорее нужны	почти не нужны	достаточно развиты	мало развиты	не развиты
Высокая профессиональная компетентность	85	12	–	40	50	1
Общее мировоззрение, уровень культуры	37	56	5	15	72	4
Самостоятельность, инициативность, активность	72	26	1	10	65	16
Предприимчивость	45	48	6	8	66	18
Творчество, новаторство, оригинальность в труде	61	13	1,5	5	58	9
Способность довести до внедрения инновационную идею	79	15	3	5	59	27
Способность к выполнению трудовых функций на уровне мировых стандартов	47	42	9	6	43	40
Стаж и опыт работы	20	61	16	50	35	3

* Распределение ответов на вопрос: «Определите, какие черты наиболее значимы для инновационной деятельности и оцените степень их развитости у работников промышленности».

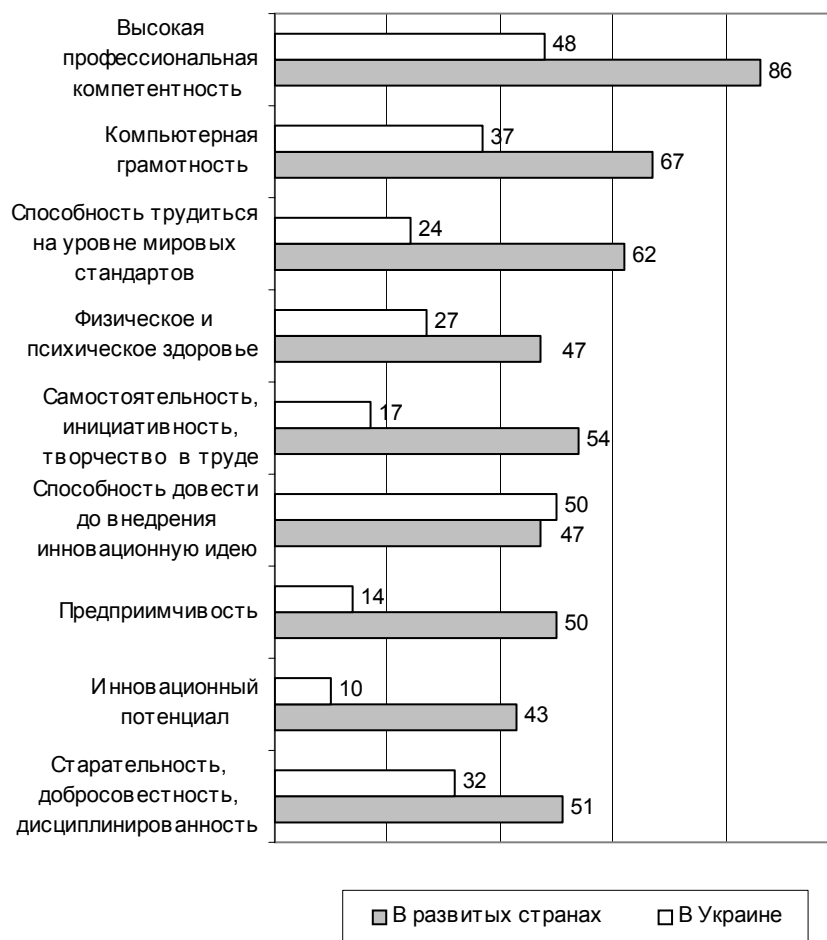
тают лишь 40% экспертов. Соотношение экспертных оценок степени необходимости и развитости таких значимых для инновационной деятельности качеств работников промышленности как самостоятельность/инициативность, способность довести до внедрения инновационную идею, творчество/новаторство, предприимчивость оказалось еще более контрастным – реальная развитость этих черт работников (колонка «очень нужны») была оценена по отдельным позициям в 7, 16, 12 и 6 раз ниже запроса на их наличие (колон-

ка «достаточно развиты») для осуществления инновационной деятельности предприятия. 50% экспертов достаточно высоко оценили наличие стажа и опыта работы у работников промышленности, однако для целей ИРЭ ее высокую необходимость отметили только 20% экспертов. Это говорит о том, что сегодня в производственном процессе используются преимущественно традиционные навыки, которыми владеют работающие; ориентация на освоение нового выражена слабо, что для успешной инновационной деятельности явно недостаточно.

Таким образом, низкие качественные характеристики конкурентоспособности и внутренняя неготовность работников к инновационной активности снижают возможности накопления и реализации социального потенциала ИРЭ. Разрыв между необходимыми для инновационной активности и реальными качественными характеристиками работников промышленности по большинству позиций весьма существенный, и это необходимо учитывать при разработке конкретных мер по реализации стратегии ИРЭ.

Экспертный опрос позволил сравнить наиболее значимые характеристики конкурентоспособности работников Украины и развитых стран (рис. 1.5). Наиболее значимой характеристикой конкурентоспособности работников и в Украине, и в развитых странах является их высокая профессиональная компетентность. Разница состоит в том, что на нее как на значимую характеристику конкурентоспособности работников в Украине указала половина экспертов (48%), а в развитых странах – большинство (86%). Более половины экспертов среди важных характеристик конкурентоспособности работников в развитых странах выделили компьютерную грамотность, способность к выполнению трудовых функций на уровне мировых стандартов, старательность, добросовестность, дисциплинированность (67%, 62% и 51% экспертов соответственно). На аналогичные характеристики конкурентоспособности работников в Украине указали значительно меньше экспертов (37%, 24% и 32%). Аналогично значимость физического и психического здоровья для конкурентоспособности работников в развитых странах отметила почти половина экспертов (47%), а для конкурентоспо-

Рис. 1.5. Наиболее значимые характеристики конкурентоспособности работников Украины и развитых стран мира, по мнению экспертов, %

способности работников в Украине – только 27%. По остальным позициям (инициативности, предприимчивости, способности довести инновационную идею до внедрения, инновационно-

му потенциалу в целом) в оценках экспертов наблюдаются еще более значимые различия (рис. 1.5).

Характеристики конкурентоспособности работников непосредственно влияют и определяют уровень конкурентоспособности рабочей силы общества. По экспертным оценкам наиболее важными для ИРЭ являются такие составляющие конкурентоспособности рабочей силы, как уровень квалификации, профессиональное мастерство, опыт работы по специальности (на них указали 62% экспертов), адаптированность к восприятию технологических нововведений (45% экспертов), творческий потенциал и стоимость рабочей силы (43% и 31% экспертов). В целом 51% экспертов оценили уровень конкурентоспособности рабочей силы как средний, более трети (36%) – как низкий, что значительно тормозит ИРЭ.

В таблице 1.9 представлены оценки экспертов, которые раскрывают уровень творческой и инновационной активности разных групп населения и дающие понимание потенциальных и ресурсных возможностей для инновационного прорыва в Украине.

По мнению экспертов, наиболее высокий уровень творческой и инновационной активности присущ двум социальным группам: среди занятого населения – квалифицированным специалистам с высшим образованием (42%), среди населения Украины в целом – молодежи (39%). Только в этих группах абсолютное большинство экспертов (соответственно 86% и 79%) оценили инновационную активность в целом на высоком и среднем уровне. На среднем уровне половина экспертов оценила творческую и инновационную активность рабочих в промышленности, а также городского населения (соответственно 52% и 50%). В целом на высоком и среднем уровне, по мнению большей части экспертов, эта активность выражена среди руководителей предприятий, работников образования, квалифицированных рабочих, рабочих в промышленности и городских жителей (соответственно 63%, 69%, 61%, 63% и 58%). По ряду социальных групп преобладают низкие оценки. Так, 51% экспертов считают, что творческая и инновационная активность населения страны в целом является низкой. 55% аналитиков ее

Таблица 1.9

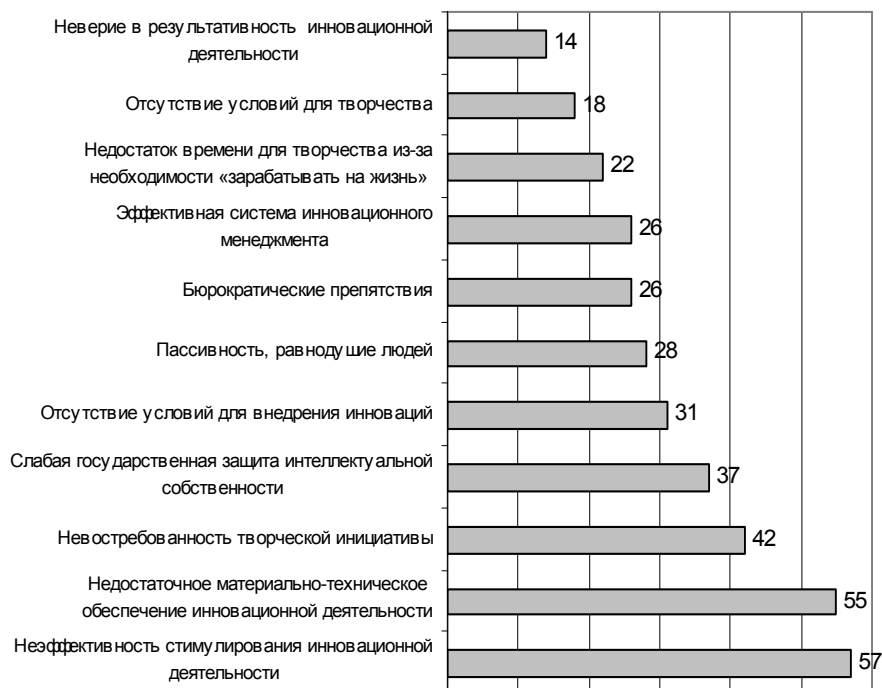
**Экспертные оценки уровня творческой
и инновационной активности
разных социальных групп населения Украины, %**

Социальные группы	Уровень творческой и инновационной активности				
	очень высокий	доста- точно высокий	сред- ний	низкий	очень низкий
	высокий			низкий	
Население Украины	1	5	35	36	15
	6			51	
Молодежь (в возрасте от 18 до 35 лет)	7	32	40	18	1
	39			19	
Руководство предприятий и управленцы	3	22	37	27	8
	25			35	
Работники органов государственного управления	2	12	34	29	16
	14			55	
Работники образования	4	29	36	21	7
	33			28	
Квалифицированные специалисты с высшим образованием	5	37	46	11	–
	42			11	
Специалисты со средним специальным образованием	–	10	39	35	11
	10			46	
Квалифицированные рабочие	1	22	38	25	10
	23			35	
Подсобные рабочие, обслуживающий персонал	–	–	2	28	59
	-			87	
Рабочие в промышленности	–	11	52	26	4
	11			30	
Сельское население	1	1	12	37	36
	2			73	
Городское население	–	8	50	36	2
	8			38	

оценивают на низком уровне у работников органов государственного управления, две трети и более экспертов среди сельского населения и подсобных рабочих (соответственно, 73% и 87%). Следует особо подчеркнуть преобладание низких оценок инновационной активности среди экспертов работников государственного управления, что, безусловно, является весомым сдерживающим фактором ИРЭ Украины.

Спектр препятствий инновационной активности работающих достаточно широк (рис. 1.6).

Главными барьерами инновационной активности работающих в Украине, по оценкам большинства экспертов, выступают неэффективность стимулирования инновационной активности работников (57%), недостаточное материально-техническое обеспечение инновационной деятельности

Рис. 1.6. Основные барьеры инновационной активности работающих в Украине, по мнению экспертов, %

(55%). Второй по значимости блок барьеров образовали такие факторы, как невостребованность творческой инициативы и несовершенство системы государственной защиты интеллектуальной собственности – на них указали, соответственно, 42% и 37% экспертов. Примерно каждый третий эксперт отметил отсутствие условий для внедрения инноваций, а также пассивность, равнодушие самих людей (соответственно 31% и 28%). Каждый четвертый аналитик в качестве барьера инновационной активности выделял неэффективную систему инновационного менеджмента и бюрократические преграды (по 26%), а каждый пятый (22%) – недостаточность времени для творческой деятельности, поскольку нужно «зарабатывать на жизнь».

Последний фактор несколько противоречит ответам на специально поставленный вопрос анкеты: «Влияет ли инновационная активность на расширение возможностей жизнеобеспечения?». 42% экспертов ответили на него однозначно утвердительно, еще 43% подтвердили это, но с оговоркой необходимости создания дополнительных условий. Отрицают такое влияние 13% экспертов. Таким образом, реализованная инновационная активность способна расширять возможности жизнеобеспечения населения, а значит, и субъектов инновационной активности. Однако жизненные обстоятельства вынуждают работников зарабатывать на жизнь иными способами, вне инновационной деятельности. Простым разрешением этого противоречия является создание эффективной системы стимулирования деятельности инноваторов.

Как справедливо утверждает В. Батура, для инновационной экономики необходим «инновационный человек», способный в полной мере использовать достижения науки и техники и ориентированный на создание и внедрение инноваций во все сферы общественной жизни [Батура, 2011: с. 14–17]. Эффективное использование такого человеческого потенциала исключительно важно, что подтверждает пример Японии и Сингапура, где он стал практически единственным источником национального богатства. Экспертный опрос выявил три основных источника инновационной активности человека: творческие способности, потребности в самореали-

зации и творческом развитии, а также компетентность и полученные знания (на них указали, соответственно, 35%, 28% и 21% экспертов). Наличие или отсутствие этих качеств во многом определяют выбор того или иного типа поведения занятого населения.

Экспертам было предложено оценить степень распространенности среди работающего населения Украины определенных типов трудового поведения: *традиционно-исполнительского* (четкое исполнение обязанностей и указаний, низкий уровень проявления собственной инициативы), *пассивно-равнодушного* (инерционность в выполнении своих обязанностей, стремление ограничить свои функции); *творческого, активного* (инициативное, творческое, заинтересованное отношение к делу, нацеленность на успех) и *инновационного* (склонность к нововведениям, продуцирование новых идей). Самым распространенным, по мнению двух третей экспертов, оказалось пассивное и традиционно-исполнительское поведение (соответственно, 75% и 73%). Только 13% экспертов уверены, что среди населения Украины распространено творческое, активное поведение, и лишь 4% отметили распространенность инновационного трудового поведения, что значительно ограничивает возможности перехода на инновационную модель развития экономики.

Для обеспечения стратегических инновационных планов мотивация и стимулирование инновационной деятельности должны носить долговременный характер. В системе управления и стилях руководства необходимо ориентироваться на обеспечение конструктивного межстатусного взаимодействия по вертикали, чтобы закрепить в сознании работников социальную престижность инновационной деятельности, уверенность в поддержке, понимании и поощрении творческих поисков со стороны администрации. Выявление и минимизация препятствий развитию инновационной активности персонала позволит усилить деятельностную компоненту социального потенциала ИРЭ Украины.

Существующие барьеры инновационной активности обуславливают низкую мотивацию труда, ее несоответствие потребностям инновационной деятельности. У работников промышленности не развиты способности и склонности к

инновациям. Этому не способствует и уровень их общей, экономической, правовой культуры, культуры труда. Нужно также отметить, что сложившаяся система среднего общего и профессионального образования недостаточно формирует у будущих работников креативные способности. Качество рабочей силы не связывается напрямую с культурными стандартами. Так, если способность трудиться на уровне высоких мировых стандартов оценена, по мнению 47% экспертов, как очень важная, то на ее наличие на уровне мировых стандартов указали всего 6% экспертов. Ни работники, ни работодатели, ни вся система производства в Украине не нацелены на высокие стандарты качества на инновационной основе. Необходимо создавать условия, благоприятные не только для высокопрофессиональной подготовки населения, но и для развития общекультурных и креативных качеств каждого члена украинского общества. Немаловажную роль в этом играет проведение систематической и комплексной работы по воспитанию, образованию молодежи, по формированию качеств инновационной активности, что должно обеспечиваться не только воспитательными мерами, но и всей системой организации экономической и социальной жизни украинского общества.

Успех перехода общества к инновационной модели развития определяется не только способностями, но и готовностью социума к реализации и развитию инновационного потенциала. Сопоставление способности и готовности общества к ИРЭ отражает уровень его потенциальных возможностей осуществить инновационный прорыв. Оценки экспертов свидетельствуют о значительном разрыве между способностью и готовностью общества к ИРЭ. Наиболее значимыми признаками, характеризующими способности общества к инновационному развитию, являются восприятие занятым населением технологических нововведений и систематического обновления полученных знаний (на что указали 65% экспертов), наличие высокого уровня образования (61% экспертов), присутствие творческой составляющей в трудовой деятельности (34% экспертов), а также высокий уровень овладения современными информационными технологиями (32% экспертов). Но перечисленные характеристики способ-

ности общества к инновационному развитию выше его готовности – по отдельным позициям почти вдвое – что свидетельствует о значительном недоиспользовании социального потенциала ИРЭ.

Проведенные исследования выявили потребность в создании благоприятного инновационного климата как на промышленных предприятиях, так и в экономике страны в целом. Чрезвычайно важным является формирование у населения, особенно занятого на производстве, позитивного отношения к разным нововведениям и готовности самому принимать в них участие. Необходимо всячески стимулировать деятельность инноваторов и со стороны государства, и со стороны общества, усиливать социальную мотивацию и социальную направленность инновационной экономической деятельности. Внедрение инноваций должно приносить конкретные выгоды и предприятию, и работникам, и государству, – только тогда реализация инновационного потенциала общества будет способствовать его самовозрастанию за счет расширения возможностей жизнеобеспечения большинства населения. Инновационный прорыв невозможен не только без устранения барьеров инновационной активности, но и без воспитания креативной личности, «инновационного» человека и его активной деятельности в режиме «выгодно, престижно, качественно, экономно». Для реализации социального потенциала ИРЭ необходимо бережно накапливать и развивать конкурентный человеческий капитал, повышать уровень трудовой и инновационной культуры экономически активного населения. Следует переосмыслить роль человека в экономическом развитии в целом: не как фактора производства, а как его субъекта, способного создавать и проводить преобразования, связанные с иницированием и реализацией инновационных идей. Иными словами, выход страны на инновационно-постиндустриальную орбиту нужно искать в социализации ИРЭ и осознании ведущей роли человека в формировании национального богатства.

Глава 2

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНЫХ БАРЬЕРОВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ УКРАИНЫ

2.1. Определение ключевых понятий

Точность и научная строгость понимания основных категорий во многом предопределяет логику разрабатываемой программы исследования и конструктивность научного дискурса. Формирование адекватного понятийно-терминологического аппарата не только дисциплинирует исследователя, но и позволяет глубже проникать в суть изучаемого предмета.

С позиций экономической социологии в контексте поиска неэкономических факторов инновационного развития важно раскрыть его социальный потенциал как специфический ресурс социума, совокупность возможностей отдельных социальных групп и общества в целом, которые могут быть использованы для решения этой задачи. Само понятие «социальный потенциал» нуждается в социологическом осмыслении, уточнении его сущности и составляющих, выявлении общего и отличного от таких близких понятий как «социальные ресурсы», «социальный капитал», «человеческий капитал». Понятно, что речь идет о многоуровневом и многокомпонентном понятии, отражающем потенциал общества, социальных групп, отдельных индивидов и саму сущность социального в его различных ипостасях.

Поиск адекватного определения ключевого комплексного термина «социальный потенциал инновационного развития экономики» требует учета основных методологических принципов терминологической работы (отражения, системности, предвидения) и соблюдения ряда требований, предъявляемых к научному определению. Как писал специалист в области понятийно-терминологических исследо-

ваний Э.Алаев, «если понятию трудно дать четкое и логически непротиворечивое определение, то это означает, что само понятие еще не устоялось, «не завершено познанием», и, следовательно, сам объект или явление не изучены еще до такой степени, чтобы наука могла их правильно интерпретировать» [Алаев, 1983: с. 270]. Принцип отражения означает, что реально существующие явления отражаются в человеческом сознании в виде определенных представлений, понятий и далее получают свои терминологические имена. При этом понятия и термины должны быть согласованы и взаимосвязаны между собой так же, как взаимосвязаны отражаемые ими явления (процессы, отношения, состояния). Принцип системности логично связан с принципом предвидения, предполагающим учет не только существующих, известных явлений, но и возникновение их новых аспектов и форм, которые, возможно, придется дефинировать в будущем [Алаев, 1983: с. 272–273]. Среди требований, которым должно соответствовать конструируемое определение, следует прежде всего выделить правильную ориентацию (понятийную «валидность»), краткость, четкость и отсутствие «круга» в определении, то есть «определяемое понятие не должно повторяться как один из элементов определения» [Алаев, 1983: с. 279]. Четкость определения предполагает не только однозначность его понимания, но и возможность «развертывания» и «свертывания» термина по принципу матрешки. Краткость формулировки не исключает того, что одно и то же понятие может иметь несколько определений, которые различаются по своей полноте или же расставляемым исследователем акцентам.

Исходя из изложенных методологических предпосылок разработки понятийно-терминологического аппарата, раскроем алгоритм определения нашего термина «социальный потенциал инновационного развития экономики». На первом этапе необходимо определиться с исходным понятием потенциала и близкими ему по значению понятиями ресурсов и капитала. Следующим этапом должно быть определение понятия социального потенциала. Далее необходимо выяснить, что представляют собой понятие «экономическое развитие» и его разновидность «инновационное экономиче-

ское развитие», которое, естественно, должно опираться на четкое понимание базисного понятия «инновация». Только после этого можно перейти к определению социального потенциала экономического развития вообще и, наконец, к цели нашей работы – определению многокомпонентного сложного термина «социальный потенциал инновационного развития экономики».

В научной литературе на сегодняшний день нет устоявшихся понятий потенциала, ресурсов и капитала. В одном контексте их можно отождествлять, в другом их следует различать. Наблюдается не просто отсутствие единого понимания сути, содержания и показателей потенциала как главного для нашего исследования в этой триаде понятий, а наоборот, излишний плюрализм предлагаемых подходов. Нередко используемые дефиниции вводятся без всякого определения, как бы априори. Встречается и их полное смешение, доходящее до необоснованного понятийного синтеза (так, некоторые исследователи употребляют некорректный с точки зрения автора термин «ресурсный потенциал»).

В понятийно-терминологическом словаре по социально-экономической географии понятие «ресурс» определено как «энергия, вещество, информация, вырабатываемые вне данной системы и служащие для нее исходным материалом функционирования, развития, существования» [Алаев, 1983: с. 59–60]. В энциклопедическом словаре ресурсы (от фр. *ressource* – вспомогательное средство) трактуются как денежные средства, ценности, запасы, возможности, источники средств, доходов [Советский энциклопедический словарь, 1981: с. 1122]. Если ресурсы рассматривать как наличие чего-то (функционально важных предметов, ценностей, знаний, качеств и т.п.), то потенциал выступает оценочной характеристикой ресурсов, характеризует возможность их применения, использования. Аналитики определяют потенциал (от лат. *potentia* – сила) как реальные возможности, наличные силы, запасы, средства, которые могут быть использованы [Малая советская энциклопедия, 1959: с. 466]. При этом и ресурсы, и потенциал могут быть явными и скрытыми, задействованными и незадействованными. Капитал отражает функциональный, целевой аспект примене-

ния ресурсов: это ресурсы, используемые с целью приращения, достижения определенной выгоды, прибыли. Другими словами, если потенциал представляет собой реальные возможности, то капитал – реализуемые (реализованные) возможности для достижения конкретных результатов. Среди экономистов распространено понимание совокупного экономического потенциала как обобщающей количественно-качественной характеристики наличия и использования всех видов ресурсов, которыми располагает страна для достижения определенных целей своего развития. Думается, что такое определение потенциала в качестве обобщающей количественно-качественной характеристики наличия и использования конкретных ресурсов заслуживает внимания. Понятно также, что совокупный потенциал представляет собой систему потенциалов, каждый из которых может быть представлен системой (совокупностью) субпотенциалов.

При определении *социального* потенциала автор исходила из понимания родственных терминов: «общество», «социальный», «социальность». Общество – это сложная система, состоящая не только из множества социальных субъектов (индивидов, групп, общностей) и различного рода отношений, связей между ними, но и из разных социальных конфигураций и образований, возникающих в процессе и результате этих взаимосвязей. Социальное как концентрированная характеристика сути социальных отношений в широком смысле слова – это неотъемлемый атрибут существования самого человеческого общества, совместной жизнедеятельности людей. Социальное можно рассматривать как особую материю, из которой соткано поле человеческих взаимодействий, это то, что относится как к отдельной человеческой личности, являющейся единичным представителем той или иной социальной общности, так и к этой социальной общности. Как научное понятие социальное относится ко всем сторонам и формам проявления социальности, под которой автор понимает фундаментальную философскую и социологическую категорию, отражающую человеческий субстрат жизнедеятельности и взаимодействия людей. О социальном можно говорить в нескольких плоскостях – как о социальном (атрибуте человеческих взаимодействий), об-

щественном (относящемся ко всему обществу) и социологическом (предмете социологической науки). В рамках экономической социологии следует выделять следующие смысловые значения социального. Во-первых, родовое понятие всего «человеческого», проявляющееся во многих относительно обособленных видах активности (экономической, культурной, политической и т.д.). Во-вторых, комплекс специфических характеристик социального статуса – места человека среди людей. В-третьих, относящееся к социальной или непроизводственной сфере как одной из сфер жизнедеятельности общества, связанной с удовлетворением особого рода социальных потребностей в образовании, культуре, здравоохранении, социальном обеспечении и пр., что определяет качество и уровень жизни людей, их благосостояние и потребление.

Поскольку социальный потенциал неотделим от человеческого потенциала, изначально виделось, что он включает в себя человеческий, личностный потенциал* и потенциал социальности. Под последним понимался, во-первых, потенциал социальных отношений как потенциал системы общественного устройства, во-вторых, потенциал отдельных социальных групп, потенциал отношений между разными социальными группами и, в-третьих, потенциал или возможности, порожденные уровнем и качеством развития социальной сферы общества. Размышления над этой аналитической конструкцией привели к некоторым уточнениям: социальную сферу правильнее рассматривать не как элемент, а как фактор формирования социального потенциала; что касается личностного потенциала, то его надо рассмат-

---

*Термины «человек», «индивид», «личность» в научной литературе часто употребляются в сходном значении. При этом «человек» – это наиболее общий термин (хотя в узком значении он употребляется как единица наблюдения), если же о человеке говорят как о члене какой-то социальной группы, больше подходит термин «индивид» (индивидуальность подчеркивает отличия одного человека от другого). «Личность» как понятие характеризует внутренний мир человека как члена общества (индивидом человек рождается, личностью становится) [Алаев, 1983: с.158]. Термин «человеческий потенциал» прочно укоренился в концепции «человеческого развития», получившей широкое научное признание, в том числе благодаря трудам А.Сена и ежегодным докладам ПРООН «О человеческом развитии».

ривать исключительно на социетальном уровне, раскрывая социальные характеристики населения, социальный тип личности.

Социальный потенциал в виде абстрактной теоретической формулы можно рассматривать как совокупный потенциал социальных субъектов, социальных отношений и социальных институтов. Кроме того, следует различать социальный потенциал в широком и узком смысле слова, то есть как возможности общества в целом (социальный = общественный) и как конкретный вид потенциала, которым располагает общество наряду с экономическим, финансовым, военным и прочими видами потенциала. Поскольку человек живет и действует одновременно во многих сферах жизни, можно говорить о конкретно-видовом, в том числе социальном потенциале деятельности вообще, и о социальном потенциале деятельности в конкретной сфере жизнедеятельности общества (например, в экономической).

Прежде чем переходить к анализу понятия социального потенциала развития экономики, несколько слов о существующих в научной литературе подходах к пониманию социального потенциала. Чаще всего встречается определение социального потенциала как характеристики возможностей социального субъекта в достижении определенных результатов. Наряду с этим имеются суженные и неоднозначные трактовки. Так, в социологической энциклопедии социальный потенциал определяется как «интегральное понятие, характеризующее возможности государства, фирм, общественных организаций, объединений, личности, групп, населения, отраслей хозяйства, регионов, различных сфер жизнедеятельности и общества в целом в решении перспективных задач социального развития» [Социологическая энциклопедия, 2003: с. 236]. В этом определении значение социального потенциала, несмотря на широкий круг субъектов-носителей этого потенциала, сужено до задач социального развития (если только последние не рассматривать в широком смысле).

Оригинальный подход сквозь призму трактовки человека как «креатора» предложила российская исследовательница социального капитала и социального потенциала С.Штырбул. Она определяет последний как систему отношений, «кото-

рые не ограничиваются рыночными и обеспечивают формирование новых стимулов и мотивов экономического развития, инноваций, обеспечивают новые формы соединения факторов производства и аллокации ресурсов» и представляют собой синергетический эффект от суммы ее составляющих: культурного потенциала, природного потенциала, меры социальной защищенности членов общества, национальных традиций, экономической роли государства и гражданского общества, системы отношений солидарности [Штырбул, 2010: s.a.]. Социальный потенциал многомерен в зависимости от различных параметров и охватывает практически все сферы общественной жизни. Он рассмотрен в ее концепции как категория, снимающая противоречия категории «социальный капитал» (между рыночной (капитал) и нерыночной (социальный) компонентами). При этом социальный капитал понимается в традиционном духе как включенность в систему отношений, обеспечивающая доступ к ресурсам других субъектов за счет общей ценностно-нормативной базы, повышения уровня доверия и солидарности в обществе.

Исследованию социального потенциала развития экономики был посвящен специальный проект Российского Гуманитарного научного фонда. В рамках этого проекта справедливо подчеркивалась важность мобилизации социального ресурса развития экономики и рассматривались наиболее часто употребляемые, но до конца не увязанные между собой понятия «социальное воспроизводство», «социальный потенциал», «социальный капитал», «социальный ресурс», «социальное партнерство» и др. Однако наряду с принципиальным пониманием сущности социальных ресурсов, социального потенциала как качества сформировавшихся в обществе социальных связей (сетей) и социальных институтов, обслуживающих функционирование экономики, от которых зависит, выступают ли они фактором сдерживания или способствуют активизации ее развития, соседствует смысловая двусмысленность социального потенциала. И. Маслова определяет его как «имеющееся в наличии общества (территории, города, района) население в качестве носителя демографического, трудового, образовательного, интеллектуального потенциалов и потенциала культуры, которые

могут быть оценены с помощью совокупности соответствующих статистических показателей» [Маслова, s.a.].

Следуя заданной логике поиска адекватного определения ключевого понятия, важно понимать, что является социальным потенциалом развития экономики вообще, а что – социальным потенциалом инновационного развития экономики. В этом контексте необходимо учитывать близость понятий «инновационная экономика», «экономика знаний», «постиндустриальная экономика», «ноосферная экономика» и т.п.; разграничивать инновационную экономику как модель (тип, путь) экономического развития и как сектор (инновационный сектор) реальной экономики; различать инновационный и инерционный пути экономического развития.

Прежде всего следует отметить разницу между ростом и развитием как важнейшими динамическими категориями экономической науки и экономической социологии. Если экономический рост характеризуется прогрессивными количественными изменениями в состоянии экономического объекта (например, рост валовой продукции), то экономическое развитие – прогрессивными качественными изменениями (рост производительности труда, эффективности производства). Развитие, как правило, связано со структурными изменениями экономического объекта [Алаев, 1983: с. 142]. Основатель теории инноваций, инновационного экономического развития Й.Шумпетер подчеркивал, что простой рост экономики (населения, богатства) не является процессом развития, поскольку не предполагает никаких качественно новых явлений. Развитие означает спонтанные дискретные изменения экономической жизни, обусловленные не внешними обстоятельствами, а переменами, происходящими непосредственно в сфере промышленности и коммерции, то есть идущими изнутри экономической жизни как результат нарушения равновесия традиционного экономического круговорота [Шумпетер, 2011: с. 73, 74]. Знаменитый афоризм Й.Шумпетера «постоянное усовершенствование почтовых дилижансов никогда не приведет к появлению железнодорожного поезда» емко показывает невозможность экономического развития за счет движения бесконечно малыми шагами [Шумпетер, 2011: с. 74]. Развитие в полном смысле слова означает осуществление новых комбинаций, то есть

инноваций в классическом шумпетерианском понимании [Шумпетер, 2011: с. 75].

Не вдаваясь в анализ деталей существующих определений инноваций, а исходя из их общего понимания как внедрения новой идеи и классической шумпетеровской трактовки пяти видов инноваций (введение нового товара или нового качества товара; введение нового метода производства, нового способа коммерческого обращения с товаром; открытие нового рынка сбыта; открытие нового рынка сырья; реорганизация отраслей промышленности (экономики)), перейдем к определению инновационного развития экономики (ИРЭ). ИРЭ – это такая модель развития, которая основывается на способности генерировать новые идеи (в том числе изобретения), внедрять их в практику и распространять во все сферы жизнедеятельности общества, прежде всего в сферу общественного производства. Инновационный путь развития означает превращение инноваций в главный фактор, пусковой механизм качественного роста и развития экономики.

В общем виде социальный потенциал ИРЭ представляет собой способность общества реализовывать инновационную модель экономического развития. Конкретизация этого понятия требует уточнения составляющих (элементов) этого потенциала, что вызывает новые исследовательские вопросы. Как точнее назвать и что конкретно понимать под потенциалом сложившихся социальных отношений? Ряд исследователей полагает, что социально-экономический строй не имеет принципиального значения для обеспечения ИРЭ. Вместе с тем большинство ученых согласны с тем, что существующие социальные отношения (и встроенные в них социальные институты) как рамочные условия играют исключительно важную роль, способствуя либо тормозя формирование и реализацию инновационной модели. Поскольку экономическое развитие общества определяется характером и направленностью деятельности людей в экономической сфере, важно также определить содержание мотивационных составляющих (потребности, интересы, мотивы инновационной деятельности) и найти их место в структуре социального потенциала инновационного развития экономики. В состав последнего, как минимум, входят следующие элементы (суб-

потенциалы): социально-политический, социально-экономический, институциональный, социокультурный, научный и образовательный потенциалы. Несколько открытым остается вопрос, целесообразно ли выделение социального потенциала населения (понимаемого в узком смысле слова как социальные характеристики людей) в качестве самостоятельного элемента или же он входит в перечисленные выше составляющие?

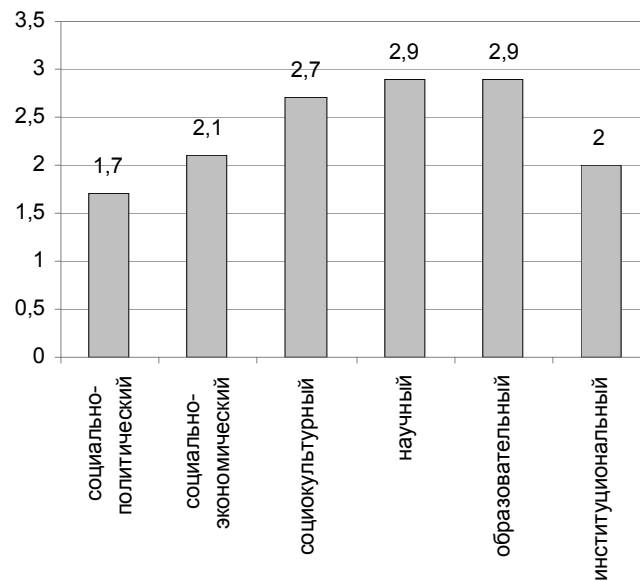
Несмотря на естественную незавершенность познавательного и мыслительного процесса, на данном этапе мы определяем социальный потенциал экономического развития как совокупный потенциал социальных субъектов, социальных отношений и социальных институтов, обеспечивающих развитие экономической сферы жизнедеятельности общества. Под социальным потенциалом инновационного экономического развития понимается совокупная способность членов общества создавать (воспринимать), внедрять и распространять нововведения, обеспечивающие экономическое развитие, а также организационно-институциональные возможности общества поддерживать инновационные практики социальных субъектов экономической деятельности.

Поскольку совокупный социальный потенциал ИРЭ, как уже отмечалось, представляет собой систему субпотенциалов, было важно выявить достигнутый уровень развития и значимость роли, которую в ИРЭ должны играть конкретные элементы (составляющие) этих потенциалов. Мы попытались выделить в рамках каждого из указанных потенциалов его наиболее важные составляющие, что позволило получить не только достаточно полную картину реального состояния этих элементов, но и рассчитать индексы совокупного социального потенциала и входящих в его состав субпотенциалов¹ (рис. 2.1). Не предваряя предстоящий комплексный анализ выделенных субпотенциалов, отметим

¹ Интегральный индекс (совокупного) социального потенциала рассчитывался по формуле $I = \frac{\sum \alpha \cdot \beta}{\sum \alpha}$, где β – показатели достигнутого уровня развития конкретных элементов, выбранных для возможно более полного отображения соответствующего вида социального потенциала и представленных в одинаковых единицах измерения по 5-балльной шкале; α – весовой коэффициент (нормативная значимость роли этого элемента в ИРЭ), определяемый экспертно.

следующее. Социально-политические, социально-экономические и институциональные составляющие совокупного социального потенциала ИРЭ оценены на низком уровне. Несколько лучше (на уровне ближе к среднему) оцениваются социокультурный, научный и образовательный потенциалы ИРЭ. Интегральный индекс социального потенциала ИРЭ заметно ниже среднего уровня и составляет всего 2,3 балла (по 5-балльной шкале).

В рамках социально-политического потенциала анализировались такие составляющие как заинтересованность власти в реальном обеспечении инновационного развития, ее способность разрабатывать и реализовывать программы ИРЭ, консолидация общества ради экономического и социального развития, а также понимание и отстаивание властью национальных интересов Украины (табл. 2.1). Мы исходили из

Рис. 2.1. Индексы социально-политического, социально-экономического, социокультурного, научного, образовательного и институционального потенциалов ИРЭ (по 5-балльной шкале)

того, что социально-политический потенциал как совокупность действующих сегодня социально-политических факторов (реальных возможностей, обусловленных действием этих социально-политических факторов), должен отражать фактически существующий в обществе социально-политический климат и наличие/отсутствие политической воли для осуществления ИРЭ.

Под социально-экономическим потенциалом понимаются возможности доступа к образованию, выбору профессии, современным информационно-коммуникационным технологиям, инновациям в целом, обусловленные материальным статусом людей; характер занятости населения; востребованность инноваций в обществе и производстве и т.п. Поэтому в качестве важнейших составляющих социально-экономического потенциала выделены следующие социально-экономические характеристики украинского общества: соответствие структуры занятости населения требованиям ИРЭ; материальные возможности работников по повышению своего образовательного-квалификационного уровня; покупательная способность населения в приобретении инновационных товаров; потребность крупных собственников (в руках которых сегодня находится, по сути, вся экономика Украины) в инновациях и наличие инноваторов-предпринимателей (предпринимателей в шумпетеровском понимании) в украинской бизнес-среде.

Институциональный потенциал характеризует институциональную среду как способствующую или сдерживающую ИРЭ. Речь идет об институтах предпринимательства, конкуренции, партнерства государства и бизнеса, интеллектуальной собственности, трансферта изобретений и технологий, доверия государству и власти, проводимой ими политике и т.п. Среди многочисленных институтов, определяющих правила организации экономической жизни и возможность осуществления инновационного развития, в качестве наиболее важных для оценки институционального потенциала были выбраны следующие блоки: конкуренция как катализатор инновационного развития; защита прав интеллектуальной собственности; стимулирование и поддержка государством инновационной активности; развитость институ-

Таблица 2.1

**Показатели социально-политического,
социально-экономического и институционального
потенциалов ИРЭ Украины (балл)***

<i>Составляющие потенциала</i>		<i>Оценка достигнутого уровня</i>	<i>Значимость нормативной роли в ИРЭ</i>	<i>Индекс потенциала</i>
Социально-политического	Заинтересованность власти в реальном обеспечении инновационного развития	1,7	4,7	1,7
	Способность власти разрабатывать программы ИРЭ	1,8	4,1	
	Способность власти реализовывать программы ИРЭ	1,5	4,5	
	Консолидация общества ради экономического и социального развития	1,5	4,4	
	Понимание и отстаивание властью национальных интересов Украины	1,8	4,8	
Социально-экономического	Соответствие структуры занятости требованиям ИРЭ	1,6	4,0	2,1
	Материальные возможности работников по повышению образовательного и квалификационного уровня	2,3	4,0	
	Покупательная способность населения в приобретении инновационных товаров	2,2	4,1	
	Потребность крупных собственников в инновациях	2,4	4,1	
	Наличие инноваторов-предпринимателей в украинской бизнес-среде	2,0	4,6	
Институционального	Конкуренция как катализатор инновационного развития	2,0	4,2	2,0
	Защита прав интеллектуальной собственности	1,9	4,4	
	Стимулирование и поддержка государством инновационной активности	1,6	4,5	
	Развитость институтов инновационной инфраструктуры	1,7	4,4	
	Законодательное обеспечение инновационной деятельности	2,6	4,2	

*Все показатели рассчитаны по 5-балльной шкале, где «1» означает «очень низкий уровень» («практически незначимую роль»), «2» – «низкий уровень» («малозначимую роль»), «3» – «средний уровень» («роль средней значимости»), «4» – «высокий уровень» («значимую роль»), «5» – «очень высокий уровень» («очень значимую роль»).

тов инновационной инфраструктуры и законодательное обеспечение инновационной деятельности.

Социокультурный потенциал ИРЭ – это особый субпотенциал, ибо культура как характеристика качества социальности применима к любому социальному субъекту, процессу или явлению и выступает внутренним регулятором поведения людей. Важнейшими элементами этого потенциала являются инновационная культура; творческое отношение людей к работе; их стремление к постоянному повышению своего образовательно-квалификационного уровня; ценности самореализации и достижения материального благополучия посредством профессиональной деятельности (табл. 2.2). Ценностно-ментальные особенности населения определяют не только инновационность мышления и поведения людей, но и в значительной мере обуславливают другие социально-политические и институциональные параметры, например социальную сплоченность (в том числе понимание гражданами согласованной общественной позиции относительно необходимости, возможности, условий реализации инновационной модели развития), законопослушность и многие другие факторы.

Исключительно важным фактором, необходимой предпосылкой ИРЭ является интеллектуальный потенциал общества, состоящий из научного и образовательного потенциалов, тесно связанных между собой. Для удобства оценивания степени их развитости и роли в ИРЭ мы выделили их как самостоятельные блоки, содержание которых соответственно определяется их названием. Так, в качестве наиболее важных параметров для оценки научного потенциала экспертами (не статистикой!) предложены следующие: наличие отечественных научных школ; возможности научно-исследовательских коллективов генерировать фундаментальные идеи и возможности этих коллективов превращать новые идеи в инновации. Среди характеристик образовательного потенциала для экспертной оценки предложены уровень образования населения, качество системы образования в стране и способность работников использовать инновационные знания и технологии.

Следует особо подчеркнуть не только взаимосвязь, но и взаимопроникновение составляющих социального потен-

Таблица 2.2

**Показатели социокультурного, научного
и образовательного потенциалов ИРЭ Украины, баллы***

Составляющие потенциала		Оценка достигнутого уровня	Значимость нормативной роли в ИРЭ	Индекс потенциала
Социокультурного	Инновационная культура	1,7	4,5	2,7
	Творческое отношение людей к работе	2,8	4,4	
	Стремление людей к постоянному повышению своего образовательно-квалификационного уровня	2,8	4,4	
	Ценность самореализации в профессиональной деятельности	3,0	4,4	
	Ценность достижения материального благополучия посредством профессиональной деятельности	3,4	4,3	
Научного	Возможности научно-исследовательских коллективов генерировать фундаментальные идеи	3,2	4,5	2,9
	Возможности научно-исследовательских коллективов превращать новые идеи в инновации	2,3	4,4	
	Наличие отечественных научных школ	3,2	4,2	
Образовательного	Уровень образования населения	3,5	4,2	2,9
	Качество системы образования в стране	2,7	4,5	
	Способность работников использовать инновационные знания и технологии	2,4	4,4	

*Все показатели рассчитаны по указанной в табл. 2.1 шкале.

циала ИРЭ как на уровне выделенных субпотенциалов, так и внутри их на уровне отдельных конкретных элементов. Кроме того, все выделенные составляющие социального потенциала должны играть значимую или очень значимую

роль в ИРЭ. Однако недостаточный уровень развитости на сегодняшний день многих из них становится, по сути, барьером на пути этого развития. Так, нынешний уровень консолидации общества, достигнутой инновационной культуры и ряд других факторов, безусловно, тормозят этот процесс. Такие факторы отражают существующий низкий уровень развития соответствующих характеристик социальных субъектов, социальных отношений и институтов. Вместе с тем в процессе работы над их повышением они способны изменить свое качество и, соответственно, влияние на инновационное развитие с негативного на нейтральное или положительное. То есть, преодоление социальных факторов-барьеров этого типа (препятствий «мягкого» типа) должно осуществляться путем их усиления. Другой тип социальных барьеров – «жестких», связанных с явлениями, имеющими социально негативный смысл и последствия, может быть устранен лишь путем радикального уменьшения их проявления или вообще разрушения (например коррупции, нечестности в человеческих взаимоотношениях, системы семейно-кланового олигархического капитализма). Следует подчеркнуть, что эти социальные барьеры препятствуют не только инновационному экономическому развитию, но и любому развитию вообще.

Прежде чем перейти к анализу перечисленных составляющих социального потенциала ИРЭ, проанализируем полученные по результатам экспертного опроса данные, касающиеся обеспеченности нашей страны необходимыми ресурсами для эффективного социально-экономического развития. Лучшее всего Украина обеспечена природными и человеческими ресурсами. 92% экспертов указали, что ими она обеспечена достаточно или в средней степени. Действительно, по существующим оценкам, природно-ресурсный потенциал Украины в расчете на душу населения в 1,5–2,0 раза превышает ресурсный потенциал США, в 4 раза – Германии, в 12–15 раз – Японии [Україна–2015, 2008: с. 27]. Слабее выглядит обеспеченность материально-техническими ресурсами: по мнению одной группы экспертов (56%) страна обеспечена ими в достаточной или средней степени, по мнению другой (44%) – в недостаточной. Хуже всего обеспечение технологическими и социальными ресурсами. 71%

экспертов считают, что Украина недостаточно обеспечена технологическими ресурсами, 21% – в средней мере. Неслучайно авторы национальной стратегии развития подчеркивают, что технологический потенциал в Украине продолжает разрушаться, а технологическое отставание от передовых стран за последние годы «достигло критической черты, за которой наступает потеря самой способности создавать конкурентоспособную наукоемкую продукцию» [Україна–2015, 2008: с. 32]. Что касается социальных ресурсов, то большинство аналитиков (70%) заявили, что мы не обеспечены или недостаточно обеспечены ими (13% и 57% соответственно). Только 22% опрошенных оценивают обеспеченность экономики ими на среднем уровне. Большая часть экспертов указала на недостаток финансовых ресурсов (17% – на необеспеченность, 48% – на недостаточную обеспеченность). Вместе с тем треть аналитиков (35%) считают, что украинская экономика обеспечена финансами на среднем и достаточном уровне.

Обращает на себя внимание существенное расхождение в оценках наших человеческих и социальных ресурсов, что лишний раз подтверждает необходимость разведения этих понятий. 60% экспертов полагают, что Украина достаточно обеспечена человеческими ресурсами и только 9% (несколько человек) уверены, что и социальными ресурсами она обеспечена достаточно. Как же используются социальные ресурсы в Украине, что представляет собой сегодня социальный потенциал инновационного развития – реальные возможности или барьеры?

2.2. Институциональные барьеры инновационного развития экономики Украины

Анализ институциональных барьеров на пути инновационного развития следует начать с четкого определения институциональности и производных от этого понятия категорий «социальный институт», «институциональная среда», «институциональные факторы», «институциональный потенциал» и т.д. Этот понятийно-категориальный аппарат активно используется в рамках институционального подхода отечественными и зарубежными социальными ис-

следователями, стремящимися к реалистичному и всестороннему пониманию современных процессов.

В социологии существует две различные позиции к содержательно-смысловому определению общего лишь по форме термина «институт»: 1) общесоциологический, или макроструктурный подход к институтам как к социальным структурам (общностям, образованиям) и 2) институциональный, или нормативно-деятельностный (нормативно-поведенческий) подход к социальным институтам как к правилам и нормам социального поведения. При макроструктурном подходе акцент делается на целостной социальной структуре, в рамках которой нормы и правила поведения являются лишь одним из ее элементов. При нормативно-поведенческом подходе главное внимание наоборот сосредоточено на нормах и правилах деятельности. Необходимость обеспечения регуляции, поддержания этих правил и контроля над их соблюдением порождает определенные социальные структуры (социальные организации, вырастающие на базе и в рамках институциональных правил и обеспечивающие их «дееспособность»). Например, при макроструктурном подходе государство выступает одним из главных институтов общества, а при институциональном – особой организацией, создаваемой на основе социального контракта для решения целого ряда задач: спецификации и защиты прав собственности, осуществления правоохранительной деятельности, производства общественных благ, связанных с обороной, здравоохранением, образованием и т.п. (в результате делегирования гражданами части своих прав государству) [Олейник, 2002: с. 344–345].

Отдавая должное общесоциологическому макроструктурному подходу, широко используемому при характеристике и анализе общества как социального целого, экономическая социология берет на вооружение прежде всего нормативно-деятельностный подход к институтам как наиболее адекватный ее основной задаче – изучению экономического поведения людей. Этот подход главное внимание концентрирует на нормах и правилах, по которым строятся социальные отношения, и осуществляется поведение людей в реальном мире, с учетом его неопределенности, сложности и объемности современных информационных потоков. Инсти-

туциональный подход близок к социокультурному подходу и отчасти пересекается с ним, особенно при интерпретации неформальных институтов. В целом институциональный анализ – это качественный анализ формы и содержания социальных процессов сквозь призму их упорядоченности.

Институциональность следует рассматривать как социальность (понимаемую как атрибут взаимодействия людей), упорядоченную по определенным правилам, разделяемым большинством населения или социальной группы. Институты как созданные людьми социальные конструкты представляют собой правила и нормы, по которым строятся социальные отношения и осуществляется взаимодействие между людьми. Институты формируются исторически на определенной социокультурной почве. Будучи порождением социокультурной системы, они связывают прошлое с настоящим и будущим, формируя тем самым *path dependence*. Структура социальных институтов как социальных структур, встроенных в социальные отношения, также разнообразна, как и структура социальных отношений. Если в горизонтальном плане структура институтов может рассматриваться с позиций воспроизводственного цикла, «секторального», отраслевого подхода и т.п., то в вертикальном плане речь идет о различном уровне укорененности институтов в социокультурной ткани общества.

По степени социокультурной укорененности и характеру происхождения различают формальные и неформальные институты. Формальные институты (конституции, законы, указы, административные распоряжения, статуты, контракты и т.п.) как правила, придуманные людьми, относятся преимущественно к институционально-управленческим факторам. Призванные урегулировать социальные интересы взаимодействующих субъектов (нередко противостоящие), они представляют собой чисто институциональный «срез» механизма социальной регуляции (институционально-правовой или нормативно-юридический). Неформальные институты (неформальные общепринятые нормы поведения, традиции, обычаи, табу) как результат выработанных на протяжении жизни не одного поколения и потому объективно закрепленных в сознании людей неформальных норм организации социальной жизни тяготеют прежде всего к социокультурной системе общества и ее ценностно-

нормативному ядру. Они лежат, по сути, на пересечении социокультурных и институциональных систем, отражая стоящие за ними ценности и нормы. Неформальные институты задают как бы «внутреннюю» возможность и императивность поведения, а формальные – «внешнюю», определяя, соответственно, внутреннюю и внешнюю регуляцию, мотивационные и стимулирующие аспекты поведения. Несмотря на кажущуюся мягкость неформальных ограничений, по своему воздействию на поведение человека они могут быть более сильными и жесткими, нежели формальные правила*.

Институциональная среда представляет собой совокупность формальных и неформальных институтов всех уровней, которые, будучи взаимосвязаны между собой содержательно и функционально, определяют поле и систему координат возможных действий различных социальных субъектов, в том числе субъектов хозяйственной деятельности. Неслучайно А.Олейник называет институциональную среду, под которой понимает характеристики внешней среды, значимые для экономической деятельности, экономической конституцией [Олейник, 2003: с. 32]. Под институциональными факторами понимается действие конкретных институтов, какой-то их группы или институциональной системы в целом. Понятия институциональной системы и институциональной среды очень близки между собой, однако первое является более строгим и структурированным. Кроме того, институциональная система, подобно любой другой социальной системе, должна обладать всеми свойствами системы как таковой (зависимостью каждой из ее важных частей от остальных частей, зависимостью каждой из этих частей от всей системы и зависимостью всей системы от ее частей). При определении институционального потенциала ИРЭ мы, естественно, исходили из изложенных выше понятий социального потенциала ИРЭ и социальных институтов. Под институциональным потенциалом ИРЭ понимается способность действующих социальных институтов обеспечивать

---

*Подробнее вопросы социальных институтов, их сущности, функций, особенностей и т.п. проанализированы автором в монографии «Социально-экономическое поведение населения Украины в условиях институциональных перемен» [Петрушина, 2008: с. 244–294].

благоприятные условия для генерирования, внедрения и распространения нововведений в обществе и прежде всего в сфере материального производства.

Все социальные исследователи разделяют понимание исключительно важной роли в развитии общества и всех его подсистем институциональной составляющей. Так, Д.Норт подчеркивал, что «существующая институциональная система имеет критически важное значение для экономического успеха – и в сравнении между развитыми странами и государствами «третьего мира», и в историческом разрезе» [Норт, 1997: с. 94]. Понимание ключевой роли институциональных факторов в развитии общества и экономики красной нитью проходит в работах украинских и российских экономистов и социологов: Н.Иванова, Б.Малицкого, В.Соловьева, Л.Федуловой, Ю.Шкворца, А.Шнышко и др. [Иванов, 2013; Малицкий, 2009; Соловьев, 2006; Федулова, 2013; Шкворець, 2006; Шнишко, 2009 и др.]. Внимание к институциональной составляющей социального потенциала ИРЭ обусловлено не только тем, что теоретики институционального подхода в экономической социологии и экономической теории обосновали первоочередную значимость институционального контекста для социального и экономического развития, но и тем, что анализ международных рейтингов украинской экономики свидетельствует о слабости прежде всего ее институциональной системы.

Оценка институционального потенциала на низком уровне (2,0 балла по 5-балльной шкале) отечественными экспертами (табл. 2.1) полностью совпадает с оценкой институциональных факторов украинской экономики международными экспертами (табл. 2.3). Так, в 2012 году среди составляющих индекса экономики знаний самый низкий уровень имел индекс экономического и институционального режима (3,95 балла по 10-балльной шкале), самый высокий – индекс образования (8,15) [Knowledge Economy Index, 2012: p. 9]. Аналогично среди составляющих индекса глобальной конкурентоспособности украинской экономики самую низкую оценку имеет характеристика институциональной среды – 3,0 балла (по 7-балльной шкале), согласно которой наша страна занимает 137-е место среди 148 стран. Такую же низкую

оценку – в 3,0 балла – среди основных показателей, по которым рассчитывается индекс глобальной конкурентоспособности, получили, помимо «институтов», только «инновации» [The Global Competitiveness Report, 2014: p. 376]. В таблице 2.3 поданы оценки и соответствующие места в рейтинге стран основных институтов из представленного в докладе о глобальной конкурентоспособности перечня конкретных характеристик институциональной среды (всего 21 параметр). Все выделенные институты и характеристики институциональной среды оцениваются низко, за исключением открытости государственной политики, получившей балл ниже среднего. Самую низкую оценку получил параметр «расточительность государственных расходов». В сравнительном анализе институциональная система Украины выглядит не только существенно слабее развитых стран, в частности США, но уступает и России.

Прежде чем кратко остановиться на экспертных оценках конкретных элементов институционального потенциала ИРЭ, попробуем, насколько возможно, по имеющимся данным разных социологических исследований представить целостную картину институциональной среды отечественной экономики. На сегодняшний день в украинском обществе ситуация критически сложная. Вместо социально ориентированной рыночной экономики в стране утвердился бюрократически-олигархический капитализм, определяющую роль в котором играют неэкономические факторы и прежде всего монопольно коррумпированные субъекты, реализующие свои частные интересы в ущерб общенациональным [Ещенко, Арсеев, 2012: с. 325].

Рядовые граждане остро ощущают эти негативы и соответственно оценивают социальные условия в обществе. Так, по данным репрезентативного всеукраинского опроса – омнибуса ИС НАН Украины 2013 ($N = 1800$) – люди оценивают сегодняшнее время как время воров (40%), политиканов (39%), бюрократов (37%), авантюристов и приспособленцев (31% и 29% соответственно). Только 13% украинских граждан считают наше время временем тружеников. Не менее показательны ответы граждан на вопрос о том, в чьих интересах прежде всего осуществляются экономические реформы. По данным всеукраинского репрезентативного

Таблица 2.3

Характеристика институциональной среды украинской экономики международными экспертами
 [The Global Competitiveness Report, 2014: p. 377, 327, 383]

Институты	Оценка в баллах, по 7-балльной шкале			Рейтинг /148 стран		
	Украина	Россия	США	Украина	Россия	США
Права собственности	2,5	3,0	5,2	143	133	33
Защита интеллектуальной собственности	2,5	2,9	5,2	133	113	25
Нецелевое использование государственных средств	2,4	2,5	4,6	122	113	29
Доверие общества к политикам	2,2	2,7	3,3	117	84	50
Незаконные выплаты и взятки	2,8	3,2	4,9	130	109	38
Независимость судебной власти	2,2	2,9	5,0	139	119	32
Фаворитизм в решениях госслужащих	2,3	2,6	3,3	133	111	54
Расточительность государственных расходов	1,9	2,8	3,1	143	99	76
Эффективность законодательства в урегулировании споров	2,3	3,0	4,7	144	118	26
Открытость государственной политики	3,5	3,8	4,4	130	101	48

опроса, проведенного в марте 2012 года Центром социальных и маркетинговых исследований SOCIS ($N = 3200$), наибольшие доли населения считают, что эти реформы осуществляются в первую очередь в интересах представителей власти и отечественных олигархов (40% и 37% соответственно). Значительно меньше опрошенных отметили, что реформы осуществляются в интересах крупных предпринимателей и отдельных групп населения (14% и 12%), еще меньше – в интересах большинства населения (9%). После 20 лет кардинальных изменений и радикальной перестройки системы социальных отношений большинство наших сограждан (73%), по данным омнибуса–2013, считают построенное общество несправедливым. Справедливым нынешнее

общество назвали лишь 4% граждан (люди оценивали характер общества по 5-балльной шкале, где «1» соответствует абсолютно несправедливому обществу, «5» – очень справедливому). Аналогичные оценки получены и при ответе респондентов на вопрос, удалось ли Украине стать демократическим, правовым и социальным государством. Более половины населения уверены, что Украине не удалось стать демократическим государством (51%), ответ «удалось» выбрали 12% опрошенных. Еще больше граждан отметили, что Украине не удалось стать правовым и социальным государством (65% и 60%), вариант «удалось» выбрали, соответственно, 7% и 8% (оценивание проходило по 5-балльной шкале, где «1» означало «совсем не удалось», «5» – «полностью удалось»). По данным этого же опроса, 69% жителей Украины полагают, что действующая власть не отстаивает общенациональные интересы. При этом 27% респондентов указали, что она эту задачу не решает вовсе, 42% – решает только для видимости! Лишь каждый пятый (22%) оценил действия власти в этом направлении на среднем уровне. Тех, кто считает, что действующая власть полностью или хорошо отстаивает общенациональные интересы, – всего 4%!

Негативными характеристиками нынешней экономической ситуации в стране является утрата государством необходимого контроля над экономикой, его неспособность поддерживать конкуренцию, гарантировать стабильность экономической системы, обеспечивать развитие экономики на уровне современных вызовов технологических изменений, а также ограниченность финансовых возможностей государства по развитию человеческого потенциала [Ещенко, Арсеев, 2012: с. 326]. Неудивительно, что сами украинские граждане устойчиво оценивают экономическую ситуацию в стране достаточно низко: в 2012 году средний балл по 11-балльной шкале составил 2,8 пункта.

Не способствует позитивным переменам в украинском обществе нелегитимность основных институтов рыночной экономики: частной собственности на крупные предприятия и землю. Хотя в целом в Украине сохраняется одобрительное отношение населения к развитию частного предпринимательства, приватизации малых предприятий, первооче-

редное значение с точки зрения институциональной легитимности современного социально-экономического строя имеет легитимность/нелегитимность частной собственности не на малые предприятия, а на крупные.

Существенным сдерживающим фактором развития остается тотальное недоверие населения власти и государству, что является закономерным следствием негативного опыта рыночных реформ и расхождений между обещаниями и действиями власти. Уровень доверия в обществе Верховной Раде, Правительству и Президенту Украины сегодня ниже, чем астрологам (5%, 8%, 11% и 14% соответственно). Почти три четверти населения (73%), по данным указанного выше опроса центра SOCIS, не верит, что Украина в течение 10 лет сможет войти в число 20 экономически наиболее развитых стран мира. Верят в это 17% украинских граждан. За этими цифрами просматривается как указанный феномен тотального институционального недоверия, так и здравый смысл в отношении объективной оценки кризисной ситуации в украинском обществе.

Среди неформальных институтов, которые в значительной степени определяют качество институциональной среды, кроме уже указанного института доверия особое место принадлежит честности и порядочности в поведении людей. Совокупные данные мониторинговых исследований свидетельствуют, что в нашем обществе, к сожалению, существует проблема нечестного поведения (табл. 2.4).

Готовность к нечестному поведению не уменьшилась за годы рыночных трансформаций. Более того, среди молодежи по сравнению с людьми старшего возраста значимо большей (на уровне статистической значимости различий) является доля тех, кто считает, что большинство людей в состоянии пойти на нечестный поступок ради выгоды (78% и 70%). Проявления этого мы наблюдаем на всех уровнях и во всех сферах жизни общества. Люди не верят в возможность создания в Украине стабильных, прозрачных, законодательно защищенных правил и норм ведения бизнеса, как в других экономически развитых странах. Таких, по данным опроса центра SOCIS, почти втрое больше, чем тех, кто на это надеется (62% и 21% соответственно). Подобному вос-

Таблица 2.4

**Рационально-оценочные суждения украинских граждан
в плане нечестности в поведении**

<i>Рационально-оценочные суждения</i>	<i>Согласен</i>	<i>Не согласен</i>	<i>Не знаю</i>
Большинство людей способны соврать, чтобы продвинуться по службе	78	10	12
Большинство людей в состоянии пойти на нечестный поступок ради выгоды	70	16	14
Почти каждый может солгать, чтобы избежать неприятностей	68	19	13

приятию институциональной среды созвучны оценки людей по поводу порядка в обществе. Недостаток соблюдения действующих в стране законов в последние 10 лет, по данным социологического мониторинга, постоянно испытывают примерно 70% наших сограждан!

Институциональной «нормой» реальной экономической жизни стала коррупция, которая по меткому определению А.Пасхавера, наряду с дозированной демократией является распространенной технологией власти [Пасхавер, 2007: s.a.]. Взятничество и коррупция поразили все слои украинского общества. О массовом распространении этих практик в повседневной жизни рядовых граждан, в том числе во взаимоотношениях с должностными лицами, говорят данные опроса «Омнибуса-2013»: четверть опрошенных в течение последнего года были вынуждены для решения неотложных жизненных вопросов давать взятки: часто их давали 5%, иногда – 22% граждан. Такая потребность была у 7% опрошенных граждан, однако их «подвело» неумение давать взятки. В целом каждый третий украинский гражданин столкнулся с необходимостью при решении своих проблем давать должностным лицам деньги или подарки! Впрочем, у значительной части населения (44%) потребности во взяточнических действиях не было, 22% респондентов вообще выступает против этого. Поражает распространенность в массовом сознании восприятия злоупотреблений должностным положением и явлений коррупции как будничных проявлений украинских реалий. Четверть опрошенных центром SOCIS граждан (26%) при ответе на вопрос о привлечении

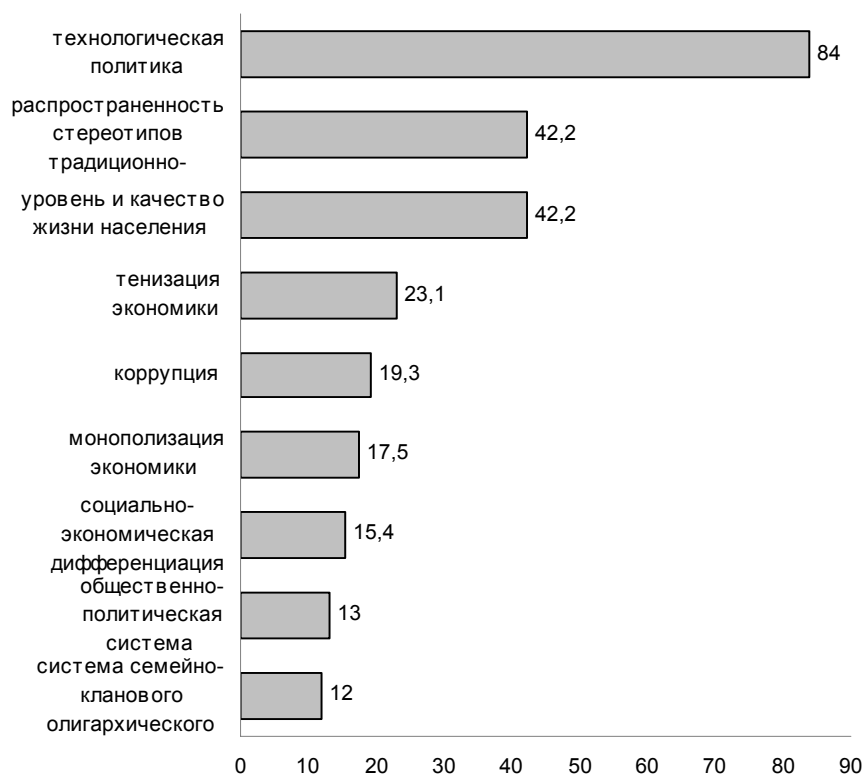
иностранных инвестиций заявили, что они, даже если будут, в украинскую экономику не попадут! Их разворуют! Большинство населения (66%) также не верит, что в случае привлечения финансовых ресурсов для внедрения инновационных технологий они будут использованы эффективно и по назначению, надеется на это пятая часть (19%).

Такое состояние формальных и неформальных институтов в украинском обществе сдерживает любое развитие, тем более инновационное, особо нуждающееся не просто в благоприятной институциональной среде, а в среде, способной бережно возвращать ростки новых идей, поддерживать их на пути коммерциализации и способствовать массовому распространению инноваций. Поэтому, говоря об институциональных факторах ИРЭ, следует выделять три аспекта: 1) общую институциональную среду; 2) институциональные барьеры, препятствующие ИРЭ; 3) тот сегмент общей институциональной среды, который призван непосредственно «работать» на обеспечение инновационного развития.

По данным нашего исследования, факторами, в наибольшей степени препятствующими ИРЭ, являются система семейно-кланового олигархического капитализма, сложившаяся в Украине общественно-политическая система, социально-экономическая дифференциация населения, монополизация и теннизация экономики, коррупция, а также нынешний уровень и качество жизни населения. На рис. 2.2. приведены индексы этих факторов², визуализирующие высокую степень их негативного влияния на ИРЭ в современной Украине.

---

² Значение индекса рассчитано как разница между долями позитивных и негативных ответов на вопрос о влиянии перечисленных факторов на ИРЭ (к которой добавляют 100, чтобы избежать появления отрицательных величин). Значение индекса может изменяться в пределах от 0 до 200. Оно равно 200, если все респонденты дали положительные ответы; индекс равен 100, если количество положительных и отрицательных оценок одинаково; если среди респондентов преобладают позитивные оценки, значение индекса превышает 100, а если негативные – оно будет меньше 100. Чем меньше 100 значение индекса, тем выше степень негативного влияния указанного фактора. Чем выше 100 значение индекса, тем сильнее позитивное влияние соответствующего фактора.

Рис. 2.2. Факторы, негативно влияющие на ИРЭ Украины (индексы)

Итак, если проводимая ныне технологическая политика влияет на ИРЭ скорее негативно, чем позитивно (12 экспертов высказались за негативное влияние, восемь – за позитивное, пятеро считают, что она вообще не оказывает никакого влияния), то такие факторы как уровень жизни людей или стереотип инерционного поведения влияют преимущественно негативно (и по одному, и по другому фактору 19 экспертов высказались негативно, четверо – позитивно, трое – нейтрально). В отношении социально-экономической дифференциации только четверо экспертов отметили, что она никак не влияет, большинство (19) однозначно указали на ее негативную роль в ИРЭ. Аналогично большинство экспертов

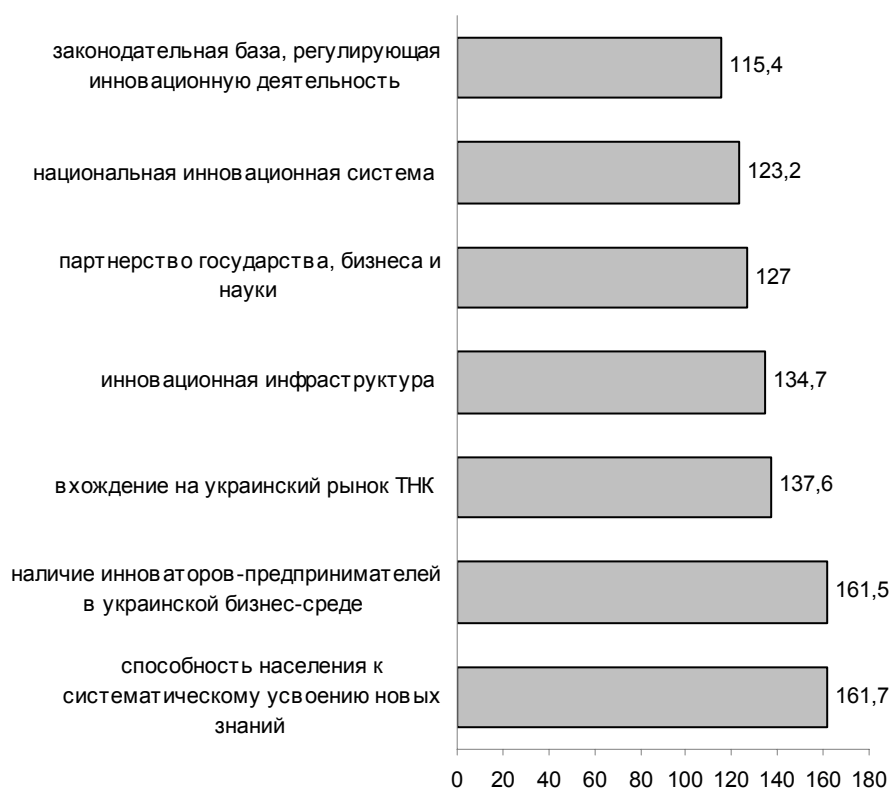
(по 22, или 85%) указали на негативное влияние на ИРЭ олигархического капитализма, нынешней общественно-политической системы, тенезации экономики и коррупции. Это говорит о том, что данные факторы не просто препятствуют ИРЭ, а выступают жесткими барьерами, без преодоления которых ИРЭ реализовать невозможно. Неслучайно отказаться от заимствованной украинской властью неолиберальной философии хозяйствования, исключающей инновационное развитие, призывают как авторы «Стратегии инновационного развития Украины на 2010–2020 годы в условиях глобализационных вызовов», так и специалисты Центра им. Г.М.Доброва, которые уже более 20 лет изучают проблемы ИРЭ Украины [Малицкий, 2009].

Какие же факторы (в большей или меньшей мере) способствуют ИРЭ? Наиболее влиятельными эксперты считают способность населения к систематическому усвоению новых знаний, наличие инноваторов-предпринимателей, вхождение на украинский рынок ТНК, инновационную инфраструктуру, партнерство государства, бизнеса и науки. Индексы этих и других факторов, позитивно влияющих на ИРЭ, представлены на рис. 2.3.

Перечень факторов, способствующих ИРЭ, лишь подчеркивает первостепенную значимость для обеспечения этого процесса роли человеческого и институционального потенциалов. Способность населения к систематическому усвоению новых знаний является одним из элементов инновационной культуры общества, социокультурного потенциала ИРЭ в целом, максимально эффективно использовать который можно лишь при условии создания необходимых предпосылок и активизации основных движущих сил инновационного развития. Что означает, как минимум, наличие основных субъектов инновационной деятельности, наличие у этих субъектов необходимых способностей и наличие такой институциональной среды, которая бы безальтернативно порождала однозначную заинтересованность хозяйствующих субъектов в инновационной деятельности.

Высокая оценка степени позитивного влияния наличия инноваторов-предпринимателей на ИРЭ справедливо подчеркивает ведущую роль в инновационном развитии настоящего предпринимательства – предпринимательства в шumpетерианском смысле (реализация различного рода

нововведений – новых продуктов, технологий, форм организации хозяйственных связей и т.п.). Как отмечают отечественные исследователи П.Бубенко и В.Гусев, «необходимо понимать, что основными субъектами инновационной деятельности являются предприниматели – не ученые и инженеры, которые создают новое знание, не посредники, которые помогают коммерциализации этих знаний, не государственные институции, которые определяют правила игры на рынке и финансируют некоторые начальные этапы инновационного цикла» [Бубенко, Гусев, 2009: с. 33]. При

Рис. 2.3. Факторы, позитивно влияющие на ИРЭ Украины (индексы)

крайней важности и необходимости активной работы всех участников инновационного процесса его результативность прежде всего определяется поведением тех, в чьих руках сосредоточены экономические ресурсы. Чтобы владельцы предприятий были заинтересованы в инновационном развитии, а значит могли брать на себя ответственность за риски внедряемых нововведений, они должны быть уверены в стабильных, прозрачных и законодательно защищенных правилах организации бизнеса и в ближайшей, и в отдаленной перспективе. В условиях массовой коррупции, теннизации экономики, беззакония олигархических кланов априори отсутствует заинтересованность в инновационной деятельности. Ведь последняя, даже имея потенциально значимые для экономики и общества результаты, обычно требует длительного времени, не дает сиюминутной отдачи и, кроме того, сопряжена с риском неудач. Поэтому в рамках сложившегося хозяйственного порядка большинство владельцев экономического капитала отдадут предпочтение рентной максимизации экономической прибыли в краткосрочной перспективе. Рентоориентированное поведение основано на использовании любых рычагов власти (криминальной, административной, политической, монополярной) для получения денежного дохода от владения какими-либо активами и диктата своих условий. Для переориентации экономических интересов бизнеса с рентоориентированного поведения на инновационное³ необходимо радикально изменить нынешнюю институциональную систему так, чтобы сам рентный механизм ведения бизнеса стал невозможным в законном поле и крайне невыгодным с точки зрения затрат. А созданная институциональная среда не только не препятствовала бы расширению инновационной деятельности, но

---

³ Представление об изначальной инновационности бизнеса – не более чем романтическая иллюзия. «Бизнес затевается и ведется не ради участия в конкуренции. Он ведется с целью получения – хотя бы временного – монопольного преимущества... Поэтому когда временное монопольное преимущество дает не развитие инноваций, а связь с административным ресурсом, мотивация у бизнеса в развитии инноваций ослаблена» [Нецадин, Тульчинский, 2011: с. 134].

и обеспечивала бы ее субъектам конкретные экономические преимущества.

На сегодняшний день в Украине потребность крупных собственников в инновациях оценивается на достаточно низком уровне (2,4 балла по 5-балльной шкале), еще ниже оценка реального наличия инноваторов-предпринимателей в отечественной бизнес-среде – 2,0 балла (табл. 2.1). Ниже среднего уровня экспертами оценены заинтересованность бизнесменов в ИРЭ (2,6–2,7 балла по 5-балльной шкале, где «1» означает «совсем не заинтересованы», «2» – «скорее не заинтересованы», «3» – «насколько заинтересованы, настолько и не заинтересованы», «4» – «скорее заинтересованы», «5» – «очень заинтересованы») и их способности к инновационной деятельности (2,3–2,4 балла по 5-балльной шкале, где «1» означает «очень низкий уровень», а «5» – «очень высокий»). Для сравнения: заинтересованность инженерно-технических работников в ИРЭ оценена на уровне 3,4 балла, руководящих работников госаппарата, ответственных за разработку и реализацию инновационного развития – на уровне 2,2 балла, способности высококвалифицированных инженеров и научных кадров технического профиля к инновационной деятельности оценены на уровне 3,5–3,6 балла, работников госаппарата – на уровне 2,1 балла.

Действительно, «в современной Украине крупные корпорации, особенно в добывающих отраслях, слабо заинтересованы в инновационном развитии и в лучшем случае используют отдельные инновации» [Федулова, 2013а: с. 41–42]. И это при том, что технологии мирового уровня, которым у нас сегодня соответствует не более четверти имеющихся технологий, сосредоточены исключительно на крупных предприятиях [Україна–2015, 2008: с. 32]. Малый и средний бизнес, работающий в наукоемких отраслях, зажат множеством административных и финансовых ограничений. Однако даже в таких неблагоприятных условиях некоторые малые и средние предприятия продолжают производить высокотехнологичную продукцию. «Объясняется этот парадокс, – пишет Л.Федулова, – потребностью отечественных ученых и инженеров изобретать и пытаться внедрять свои изобретения, а также тем обстоятельством, что в условиях современ-

ного НТР внедрение многих технологий и ноу-хау не требует больших затрат и строительства огромных заводов. Во многих случаях достаточно предприятий с несколькими десятками или сотнями людей, которые выпускают уникальную продукцию, не имеющую аналогов в мире. Поэтому субъектами инновационного развития в Украине являются работники малых и средних предприятий в высокотехнологичных отраслях, а также многие ученые, инженеры, преподаватели, специалисты различного профиля, студенты» [Федулова, 2013а: с. 42]. Понятно, что развитие малого наукоемкого бизнеса требует не точечно-избирательной, а массовой поддержки со стороны государства.

Что касается ТНК, то несмотря на отсутствие таких структур в отечественной экономике, вхождение их на украинский рынок эксперты оценивают весьма оптимистично (14 – позитивно, пять – негативно, пять – нейтрально). Это обусловлено как пониманием того, что только крупным компаниям с мощными ресурсами под силу обеспечить технологический прорыв, так и фактическим положением дел в современном мире, движущей силой инновационно-технологического развития которого в условиях глобализации выступают ТНК⁴. На сегодняшний день украинский рынок высоких технологий, по оценкам специалистов, фактически находится под контролем ведущих держав мира и их ТНК [Шнипко, 2009: с. 162].

Остальные факторы, благоприятно влияющие, по мнению экспертов, на ИРЭ, являются чисто институциональными. Особая роль среди них принадлежит национальной инновационной системе (НИС), эффективность которой зависит от эффективности всех институциональных факторов. Понятие НИС было введено К.Фрименом в 1987 году для обозначения появившихся в начале 1980-х годов в развитых странах мира, включая СССР, целых сетей различных внедренческих структур: технопарков, центров транс-

---

⁴ В начале этого века ТНК, количество которых за последние 30 лет увеличилось примерно в 9 раз и превысило 63 тысячи, контролировали почти половину мирового промышленного производства, около 80% Мирового банка патентов и лицензий на новую технику, технологии и ноу-хау [Федулова, 2013: с. 31].

ферта технологий, бизнес-инкубаторов и т.п. Этот термин активно используют в научном языке исследователи инноваций. Фактически под ним понимается система институтов и институциональных структур, задачей которых является обеспечение инновационного развития. К основным элементам НИС Украины относятся: 1) государственное управление инновационной деятельностью; 2) региональная поддержка инновационной деятельности; 3) общественная инфраструктура поддержки инновационной деятельности; 4) научное обеспечение формирования и реализации государственной инновационной политики; 5) законодательное обеспечение инновационной деятельности; 6) источники финансирования инновационной деятельности [Соловьев, 2006: с. 293]. Хотя сама идея создания и целевая функция НИС состоит в обеспечении ИРЭ, большинство экспертов (14) уверены, что в Украине она никак не влияет на ИРЭ (положительное влияние отметили девять экспертов, негативное – трое). Специалисты в сфере инновационной политики оценивают нашу НИС как неэффективную, а ее институты – как несоответствующие требованиям инновационного развития [Федулова, 2013b: с. 18]. По сути, национальная система ИРЭ в Украине отсутствует. Как подчеркнул Президент НАН Украины Б.Патон, «инновация – это система, управление которой должно осуществляться по законам функционирования сложных нелинейных систем. К сожалению, в Украине успешно функционируют лишь отдельные элементы этой системы (например, технологические парки), и только в последние годы начала создаваться инфраструктура национальной инновационной системы» [Патон, 2008: с. 19].

Остановимся подробнее на выделенных в рамках нашей структуры социального потенциала ИРЭ институциональных составляющих, которые одновременно выступают составляющими НИС (табл. 2.1). На самом низком уровне среди выделенных элементов институционального потенциала ИРЭ оценена, по сути, сердцевина НИС – стимулирование и поддержка государством инновационной активности (1,6 балла), что перекликается с экспертной оценкой социально-политического потенциала (1,7 балла). Такая крайне низкая оценка реальной роли государства в ИРЭ противо-

речит пониманию и экспертами, и всем научным сообществом чрезвычайно значимой, во многом определяющей роли, которую государство должно играть в обеспечении инновационного развития. Понятно, что следует различать «инновационное развитие» и «развитие инноваций» как задачи макро- и микроуровней (безусловно, взаимосвязанные между собой). Если на микроуровне государство призвано прежде всего обеспечить необходимые институциональные предпосылки, институциональный климат, стимулирующий и поддерживающий генерирование и широкое внедрение инноваций, то на макроуровне оно ответственно за разработку и реализацию инновационной политики на национальном уровне. Кроме того, государство выступает в роли самостоятельного участника экономических отношений и субъекта государственной собственности (промышленных предприятий, научных, учебных учреждений и пр.). По мнению экспертов, главными задачами государства по обеспечению ИРЭ должны быть следующие: обеспечение партнерства государства, бизнеса и науки; защита интеллектуальной собственности; предоставление грантов на научно-исследовательские работы; льготное налогообложение инновационных предприятий, проектов; предоставление госзаказов на производство инновационных продуктов (табл. 2.5).

Что касается концептуального понимания роли государства в обеспечении ИРЭ, то, по мнению большинства экспертов (81%), она состоит в определении приоритетов инновационного развития и его совместного финансирования с частным бизнесом (табл. 2.6). Однако «сегодня в Украине, как проинформировал Б.Патон, – расходы бизнеса на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы составляют около 35% от общих ассигнований в науку (в развитых странах этот показатель достигает 70%) [Патон, 2008: с. 20]. Итак, ключевыми функциями государства при переходе на инновационный путь развития являются: стратегическое планирование и законодательное обеспечение, эффективное бюджетирование и налоговое стимулирование, создание инновационного климата в целом. Поскольку ИРЭ невозможно обеспечить без системного подхода и учета всех многочисленных составляющих этого процесса, особую

Таблица 2.5
Первоочередные меры государства по обеспечению ИРЭ,
экспертные оценки (N = 26)

<i>Первоочередные меры государства*</i>	<i>n</i>
Контроль выполнения законов, регулирующих инновационную деятельность	10
Предоставление государственных грантов на научно-исследовательские работы	14
Обеспечение информации о рынке инновационной продукции	3
Увеличение мощности государственных научных учреждений	4
Льготы в налогообложении (инновационных предприятий, проектов)	13
Защита интеллектуальной собственности	16
Предоставление государственных заказов (на инновационные продукты)	12
Материальное стимулирование инноваторов	10
Моральное поощрение инноваторов	3
Ограничение чрезмерной монополизации экономики, обеспечение конкурентной среды	7
Обеспечение партнерства государства, бизнеса и науки	18

важность приобретает система государственного стратегического планирования. Надо не бояться слова «планирование», а эффективно использовать этот важный институт экономического развития.

Недостаточно эффективно используются также возможности института партнерства государства, бизнеса и науки (четверо экспертов оценили его сегодняшнее влияние на ИРЭ негативно, почти втрое больше (11) – позитивно, однако столько же экспертов (11) полагают, что этот институт не оказывает никакого влияния). Помимо активизации партнерства государства, науки и бизнеса⁵, думается, принципиально важно осуществлять это при широком участии гражданского общества на основе его консолидации.

⁵На сегодняшний день, по данным доклада о глобальной конкурентоспособности, Украина по показателю «сотрудничество между университетами и промышленностью в сфере R & D» занимает 77-е место среди 148 стран с индексом 3,4 балла по 7-балльной шкале [The Global Competitiveness Report, 2014: p. 537].

Таблица 2.6

**Роль государства в обеспечении ИРЭ,
экспертные оценки (N = 26)**

Роль государства	<i>n</i>
Государство должно определять приоритеты инновационного развития и преимущественно (в основном) его финансировать	2
Государство должно определять приоритеты инновационного развития и частично его финансировать совместно с частным бизнесом	21
Государство не должно вмешиваться в инновационную политику фирм и организаций	0
Другое	3

Более половины экспертов (14) считают созданную в Украине инновационную инфраструктуру фактором, позитивно влияющим на ИРЭ (негативно ее оценивают пятеро, нейтрально – семеро экспертов). При этом уровень развитости институтов инновационной инфраструктуры они оценивают очень низко (1,7 балла, см. табл. 2.1). Государственные структуры (органы власти), к сожалению, предоставляют разные данные по количеству инновационных центров: бизнес-инкубаторов, технопарков, центров трансфера технологий и т.п. По данным Украинской ассоциации бизнес-инкубаторов и инновационных центров, из 16 зарегистрированных технопарков реально работают восемь, а эффективно – всего два-три. По данным этой же ассоциации, ныне в Украине существуют всего 10 активных бизнес-инкубаторов. Однако, чтобы оставаться рентабельными, им приходится заниматься чисто коммерческой деятельностью [Інновації в Україні, 2011: с. 19–20]. В целом, отмечается в Государственной целевой экономической программе «Создание в Украине инновационной инфраструктуры» на 2009–2013 годы, инновационная инфраструктура в Украине функционально неполная и недостаточно развитая. Она не охватывает всех звеньев инновационного процесса. «В инновационной среде практически отсутствуют венчурные фонды и центры трансфера технологий. Не поддерживается должным образом деятельность изобретателей, рационали-

заторов, ученых, имеющих завершенные научно-технические разработки» [Шнипко, 2009: с. 176].

Не лучше в Украине обстоят дела с защитой прав интеллектуальной собственности. С одной стороны, это один из факторов, способствующих ИРЭ, с другой – его эффективность эксперты оценивают низко (1,9 балла). О серьезных проблемах в этой сфере говорят следующие факты. На практике в Украине реализовывается менее 1% зарегистрированных объектов интеллектуальной собственности (в Финляндии – 30%). Доход от продажи лицензий в пересчете на 1 человека составляет около 1 долл. в год (в России – 10 долл., в США – более 150 долл.) [Бубенко, Гусев, 2009: с. 34]. По уровню защиты интеллектуальной собственности Украина находится на 133-м месте среди 148 стран с индексом 2,5 балла (по 7-балльной шкале) – среди таких стран как Мавритания и Монголия. По количеству заявок (2,9), поданных по процедуре Договора о патентной кооперации (РСТ) на миллион населения, Украина занимает 52-е место. Для сравнения: Швеция – первое место (302,7), Швейцария – второе (290,1), Финляндия – третье (283,8), США – 12-е (141,1), Сингапур – 13-е (124,4), Венгрия – 28-е (23,3), Россия – 43-е место (6,1) [The Global Competitiveness Report, 2014: p. 411, 537].

Неурегулированным остается вопрос оценки объектов интеллектуальной собственности, защиты прав государства на результаты научных исследований, осуществленных за бюджетные деньги, что создает предпосылки для бесконтрольной утечки и присвоения приоритетной научно-технической информации. «Годовые объемы вывезенных так называемых ничейных интеллектуальных продуктов, – указано в справке, подготовленной для заседания Совета национальной безопасности и обороны Украины, – исчисляются десятками миллиардов гривен. Это научные отчеты, научно-техническая документация предприятий, приобретенная без учета рыночных цен и т.п. Наиболее распространенными каналами утечки незапатентованных идей и технологий являются проекты УНТЦ (Украинский научно-технический центр). За время его деятельности на территории Украины профинансировано более 800 проектов, результаты которых переданы иностранной стороне. Подобные иностранные кор-

порации и фонды, как правило, финансируют только последний этап исследований, значительно сокращая свои расходы и получая преимущественное право на использование конечного продукта. Деятельность иностранных инновационных компаний и венчурных фондов реализуют концепцию рынка технологий, а в связи с развитостью внутреннего рынка скупают их за бесценок. ... отсутствие государственной системы контроля за импортом технологий способствует насыщению технологического потенциала страны устаревшими, энергозатратными, экологически опасными технологиями, что угрожает превратить Украину в рынок устаревшего оборудования» [Шнипко, 2009: с. 162].

Что касается конкуренции как катализатора инновационного развития, то помимо низкой экспертной оценки этого института рыночной экономики (2,0 балла) отметим необходимость его анализа во взаимосвязи с институтом кооперации, сотрудничества и взаимопомощи, без которых в принципе невозможно осуществлять инновационную деятельность, тем более в условиях современного глобализированного мира⁶.

Самую высокую оценку среди институциональных составляющих социального потенциала ИРЭ получило законодательное обеспечение инновационной деятельности (2,6 балла). В Украине в этой сфере создана по-настоящему мощная правовая база. По количеству принятых законов, регулирующих инновационную активность, Украина опережает все постсоветские страны. Но качество этих законов, как и контроль их выполнения остаются на низком уровне [Шкворець, 2006: с. 41–43]. Поэтому законодательное поле украинской экономики оказывается скорее тормозом, чем стимулом и институциональной поддержкой инновационной деятельности.

---

⁶ Как правильно подчеркивает Н.Иванов, «тенденции объединения противостоят тенденции обострения конкурентной борьбы как на внутреннем, так и на мировом рынке, и усиления влияния транснациональных корпораций, интересы которых часто противоречат интересам развития национальных экономических систем» [Иванов, 2013: с. 23].

Проведенный анализ показал, что для осуществления инновационного развития Украины необходимо радикальное изменение существующего институционального порядка, преодоление «жестких» социальных барьеров и обеспечение реальной государственной поддержки ИРЭ, что возможно лишь при условии прихода к власти сил, действительно заинтересованных в реформировании общества, адекватном потребностям большинства населения, а не только олигархических кланов.

2.3. Социальные и экономические барьеры на пути инновационного развития экономики Украины

По результатам экспертного опроса Украина обладает необходимыми для эффективного социально-экономического развития общества человеческими ресурсами. Из 26 экспертов 15 уверены, что государство сегодня достаточно обеспечено ими для модернизации экономики, 8 экспертов оценили наличие человеческих ресурсов на среднем уровне. В то же время двое из опрошенных специалистов отметили недостаточную обеспеченность экономического развития социальными ресурсами, в широком понимании охватывающими всю совокупность социальных условий существования человека в обществе и систему социально-экономических отношений. Указанные противоречия объясняются главным образом отсутствием инновационного развития в экономике, высоким уровнем безработицы при значительной численности высококвалифицированных и мотивированных специалистов и рабочих в социальной структуре общества. Системными барьерами, препятствующими модернизации экономики Украины и всестороннему использованию трудового и человеческого потенциала, являются невысокая востребованность знаний населения и желания творчески реализовывать их в работе, низкий уровень жизни и высокая степень неравенства.

Как свидетельствуют результаты мониторинга ИС НАН Украины 2012 года [Українське суспільство 1992–2012], для 66% опрошенных важно повышение образовательного уровня (интеллектуальное развитие). Интересная работа, к которой относится и реализация инновационных проектов

с постоянным обновлением технологий и знаний, занимает достойное место в жизни населения. Важной для себя интересную работу назвали 78% опрошенных, причем среди представителей младшего поколения так считали 91% опрошенных, что дает основания надеяться на сохранение молодым поколением трудовых ценностей. Следовательно, можем говорить о желании населения творчески работать при условии востребованности такого желания экономикой.

На этом фоне большинство экспертов указывали на несоответствие структуры занятости требованиям ИРЭ и одновременно на невысокий уровень способности к инновационной деятельности профессиональных групп, от знаний и приложенных усилий которых зависит успех модернизации экономики (табл. 2.7). Способность к разработке и внедрению инноваций оказалась самой высокой у непосредственных участников инновационной деятельности – научных кадров технического профиля (3,3 балла по 5-балльной шкале), высококвалифицированных инженеров (3,3 балла) и научных кадров гуманитарного профиля (3,2 балла). У этих профессиональных групп была самой высокой и экспертная оценка роли, которую они играют сегодня в ИРЭ. Низкая оценка способностей к инновационной деятельности и нынешней роли в ней профессиональных групп, обеспечивающих управление экономикой (менеджеры и экономисты, руководители госаппарата, юристы), объясняется, исходя из ответов экспертов на другие вопросы анкеты, скорее отсутствием институционального регулирования экономики, неразвитостью инфраструктуры инновационной деятельности, кризисом в экономике в целом, нежели отсутствием знаний у специалистов и их незначительными трудовыми усилиями. Один из экспертов так прокомментировал этот блок вопросов: «Все они [названные категории работников] способны к инновационной деятельности при условии создания соответствующих стимулов, институтов и возможностей».

Отдельно большинство экспертов (21) отмечали недостаточное представительство бизнесменов-инноваторов в украинской бизнес-среде, роль которых в ИРЭ эксперты оцени-

Таблица 2.7

**Экспертная оценка роли и наличного уровня способности
к инновационной деятельности отдельных
профессиональных групп, средний балл**

<i>Профессиональные группы</i>	<i>Роль в ИРЭ («1» – практически незначительная, «5» – очень значительная)</i>	<i>Достигнутый уровень способности к инновационной деятельности («1» – очень низкий, «5» – очень высокий)</i>
Крупные бизнесмены (собственники)	2,4	2,4
Средние и мелкие бизнесмены (собственники)	2,3	2,1
Высококвалифицированные инженеры	3,5	3,0
Научные кадры технического профиля	3,6	3,3
Научные кадры гуманитарного профиля	2,8	3,2
Менеджеры и экономисты	2,3	2,1
Юристы	1,8	1,6
Руководящие работники госаппарата, ответственные за разработку и реализацию инновационного развития	1,8	2,1
Высококвалифицированные рабочие	2,7	2,4

вали на уровне 4,2 бала по 5-балльной шкале. Потребности крупных собственников в инновациях эксперты оценили в среднем на уровне 2,4 балла. Вероятно, что сегодня в Украине крупный бизнес не заинтересован во внедрении инноваций, сосредоточившись в сфере добычи сырья, его переработки низкой степени готовности и торгово-коммерческой деятельности.

Эксперты низко оценили уровень заинтересованности большинства категорий работников в ИРЭ. По всем рассмотренным категориям, кроме инженерно-технических работников, численность экспертов, отмечавших, что те или иные работники не заинтересованы в ИРЭ, превышала численность тех, кто указывал на заинтересованность в нем.

На общем фоне низкой оценки заинтересованности работников разных категорий в ИРЭ самыми лучшими оказались оценки у инженерно-технических работников, средних и

мелких бизнесменов (собственников) и высшего управленческого персонала. Самыми низкими эти оценки были для рабочих, руководителей госаппарата, ответственных за разработку и реализацию инновационного развития, а также руководителей низшего звена.

У каждой из этих категорий могут быть разные причины низкой заинтересованности в ИРЭ. Для руководящих работников госаппарата, ответственных за разработку и реализацию инновационного развития, среди этих причин, по-видимому, будет нежелание ломать устоявшиеся бюрократические схемы управления, поскольку ИРЭ требует постоянного обновления законодательства и непрерывного его совершенствования, непрямая заинтересованность в работе экономики. Крупные бизнесмены (собственники) не могут реализовывать инновационные проекты в условиях неопределенности и ориентации на мгновенную отдачу на авансированный капитал из-за стремления скорее вывезти его за границу, чем инвестировать на длительный срок в экономику, в которой они рискуют оказаться аутсайдерами из-за огромных затрат на исследования и внедрение инноваций. Средние и мелкие собственники не имеют средств для инновационного развития из-за невозможности привлекать дополнительные финансовые средства и неблагоприятных условий кредитования. Для рабочих инновационное развитие может обернуться потерей рабочих мест, замещенных новейшим оборудованием. Но общим «антимотивом» инновационной деятельности для всех категорий работников можно считать сырьевой характер экономики Украины, при котором внедрение инновационных основ развития потребует напряжения всех усилий, и очень ограниченный перечень инноваций, которые может себе позволить страна без стратегических ориентиров развития, имеющая только декларативные претензии на модернизацию.

Материальное благосостояние является важнейшей составной частью экономического развития, поскольку именно материальные возможности формируют, с одной стороны, производителей и творцов инноваций и инновационных продуктов, с другой – платежеспособный спрос на инновационные товары и услуги. Для Украины сейчас характерна

ситуация массовой малообеспеченности населения, которая приобрела хроническую форму, и наличие в социальной структуре значительных групп населения, не имеющих необходимых средств для поддержания своей способности к полноценному участию в инновационном развитии экономики и общества. По данным опроса 2013 года [Українське суспільство 1992–2013], проведенного институтом социологии НАН Украины, средний доход в домохозяйствах 93% опрошенных (7% респондентов не ответили на вопрос о размере дохода своей семьи) составил 1551 грн на человека в месяц, то есть был почти в полтора раза выше официально установленного размера прожиточного минимума (1108 грн на человека в месяц на момент опроса). Но среднедушевые доходы в домохозяйствах 42% респондентов оказались ниже официально установленного прожиточного минимума, у трети (35%) – от одного прожиточного минимума до двух. И лишь 15% респондентов называли доход, более чем вдвое превышавший официальный социальный стандарт. Низкий уровень оплаты труда в Украине, отсутствие действенной системы социальных гарантий заставляет людей ежедневно бороться за выживание и тратить крайне ограниченные средства на питание, оплату коммунальных услуг, одежду. Недостаточные для удовлетворения необходимых потребностей средства ощутимо ограничивают приобретение инновационных товаров (современных компьютеров, средств связи, бытовой техники), а также не дают возможности населению постоянно обновлять необходимые для повышения профессионального уровня и саморазвития знания. Потребителями инновационных товаров и услуг сегодня может быть лишь незначительная часть населения Украины, имеющая для этого достаточные финансовые ресурсы, что существенно снижает инновационный потенциал страны.

Средний балл экспертной оценки покупательной способности населения в приобретении инновационных продуктов составил 2,1 по 5-балльной шкале, тогда как ее роль в ИРЭ эксперты считали высокой и оценивали на уровне 4,1 балла. Кроме того, по мнению большинства экспертов сегодняшние уровень и качество жизни населения негативно влияют на ИРЭ. Все без исключения эксперты отмечали отрицательное влияние на него социально-экономической дифферен-

Таблица 2.8

**Экспертная оценка влияния уровня жизни
и социально-экономической дифференциации на ИРЭ***

Показатели	Негативное влияние					Отсут- ствие влияния	Позитивное влияние				
	-5	-4	-3	-2	-1		0	1	2	3	4
Уровень и качество жизни населения	6	4	5	2	2	3	2	1	1	–	–
Социально-экономическая дифференциация населения	7	8	3	4	4	–	–	–	–	–	–

* В таблице приведена численность экспертов, которые оценили влияние уровня жизни и дифференциации населения на ИРЭ. Влияние данных показателей оценивалось по 5-балльной шкале, где «1» («-1») – минимальная степень влияния, а «5» («-5») – максимальная.

циации населения, причем более половины из них оценивали это влияние крайне негативно (табл. 2.8).

Малообеспеченность часто сопровождается угнетенным состоянием, апатией, безразличием к устройству своего будущего, что становится психологическим тормозом для постоянного обновления знаний и причиной пессимистического отношения к жизни в целом. Расхожее мнение, что голод и нищета — лучший стимул к труду, бездейственно и цинично. Работник не может быть эффективным, если не обеспечены его основные физиологические потребности; в этом случае он просто не имеет сил для работы, особенно для творческой высококвалифицированной, требующей энергии и концентрации. Кроме того, малообеспеченность или вообще отсутствие средств в условиях сокращенных и недостаточных государственных программ поддержки безработных и регулирования структурной безработицы заставляет человека соглашаться с далекими от достойных условиями и оплатой труда. В итоге за страной закрепляется неконкурентоспособное место на глобальном рынке труда, которое может привлекать иностранных инвесторов низкой стоимостью избыточной высококвалифицированной рабочей силы, но в долгосрочной перспективе выталкивает страну

в лучшем случае в лагерь имитаторов инноваций, а в худшем – превращает ее в полигон для вредных производств и складирования вредных отходов.

Степень того, насколько финансовые ресурсы определяют потребление инновационных товаров, иллюстрирует возможность доступа к современным информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) среди респондентов из семей с разным уровнем среднедушевых доходов (табл. 2.9). По мере роста среднедушевых доходов увеличивалась доля респондентов, имеющих навыки работы на компьютере и домашний доступ к Интернету. Так, среди опрошенных представителей домохозяйств с доходами ниже официально установленного прожиточного минимума навыками работы на компьютере обладали 43%; в подгруппе с доходами от одного до двух прожиточных минимумов – 61%, среди опрошенных с доходами выше его двойного размера – 72%. Доли пользователей домашнего Интернет в этих подгруппах составили 33%, 51% и 59% респондентов соответственно. Добавим, что размер среднедушевого дохода даже выше официально установленного прожиточного минимума, который, по мнению большинства социологов и экономистов, сегодня значительно отстает от минимальной стоимостной оценки необходимых потребностей современного человека, не гарантирует возможности пользования современными ИКТ. Среди респондентов с доходами от одного до двух официально установленных прожиточных минимумов наличие потребности при отсутствии возможности пользования домашним Интернетом отмечали 8%, а среди опрошенных с доходами выше его двойного размера – 6%.

Таблица 2.9

Практики пользования современными ИКТ в подгруппах респондентов с разным уровнем дохода, 2013, %

Практики пользования ИКТ	Размер среднедушевого дохода, грн на человека в месяц			В целом
	До 1108	1109–2216	Свыше 2217	
Наличие навыков работы с компьютером	43	61	72	55
Пользование Интернетом дома	33	51	59	45

Дифференцирующая роль наличного дохода прослеживается и в молодежной подгруппе, где доля пользователей современных ИКТ высока. В возрастной группе младше 30 лет навыками работы на компьютере обладают 84% респондентов, а пользователями домашнего Интернета являются 70%. И если доля пользователей компьютера в подгруппах опрошенной молодежи с разным уровнем среднедушевого дохода колебалась незначительно, то доля пользователей домашнего Интернета, хоть и превышала половину респондентов в каждой подгруппе, существенно отличалась. Она составляла 59% молодых членов домохозяйств с доходами ниже официально установленного прожиточного минимума и 86% – в подгруппе с превышающими его вдвое доходами. Кроме того, среди молодых респондентов из домохозяйств со среднедушевыми доходами ниже официально установленного прожиточного минимума были самыми высокими доли тех, кто отмечал, что вообще не имеет потребности и никогда не пользовался Интернетом или имеют потребность, но не имеет возможности пользоваться им. Таких респондентов в малообеспеченной подгруппе молодежи оказалось 20% и 17% соответственно.

Основной причиной низкого уровня жизни населения Украины остается низкая оплата труда, широкое распространение безработицы и отсутствие социальной защиты со стороны государства. Уровень безработицы в Украине, рассчитанный по методологии МОТ, составляет сегодня 8,0% среди экономически активного населения в возрасте 15–70 лет и 8,6% среди лиц трудоспособного возраста [Економіка України, 2013: с. 6]. Распространенными являются также неполная занятость и невыплата или несвоевременная выплата заработной платы, что снижает возможности работников обеспечивать себе и своим семьям удовлетворительные условия существования, восстановления и развития трудового и человеческого потенциала. Сегодня в Украине практически нет программ своевременной переподготовки специалистов (в основном из-за того, что в условиях экономического кризиса и отсутствия инновационного развития невостребованными становятся как работники перспективных специальностей, так и вообще любые работ-

ники). Молодые специалисты, выпускники университетов не имеют гарантий трудоустройства по специальности и часто вынуждены соглашаться на работу, не соответствующую полученной специальности, что ведет к их дисквалификации. Все больше молодых выпускников вузов Украины ориентированы на работу за рубежом, но и там их возможности трудоустройства по специальности резко ограничены из-за отсутствия опыта практической работы по специальности. Такой опыт работы сложно получить в процессе обучения в университете или сразу после его окончания из-за ограниченного количества рабочих мест, на которые работодатели неохотно берут работников без опыта, и низкого спроса на высококвалифицированный труд в условиях сырьевой ориентации экономики.

По данным социологического опроса, проведенного в 2012 году, каждый двадцатый респондент (5%) находит для себя выход из неблагоприятной ситуации на рынке труда в заработках за границей, куда он планирует выехать в ближайший год. Среди работавших на момент опроса респондентов этот показатель составил 6%. Угрожающим является то, что среди молодежи 10% планировали выезд на заработки за пределы страны. Вряд ли стоит ожидать, что наши молодые сограждане пополнят ряды высококвалифицированных работников других стран, рынки труда которых в условиях финансово-экономического кризиса ощущают острый дефицит рабочих мест. Скорее им придется соглашаться на те рабочие места и оплату, от которых отказываются граждане этих стран. Большинство таких рабочих мест не предполагают совершенствования знаний и трудовых навыков, раскрытия творческих способностей работников, а зачастую требуют монотонной работы с применением значительных физических усилий, что нередко ведет к потере трудоспособности.

Совершенствование технологий и ИРЭ может как сокращать социально-экономическое неравенство в обществе, так и способствовать его углублению. Внедрение новых технологий и машин на производстве устраняет опасные виды труда, сокращая разрыв между низко- и высококвалифицированными работниками, но при этом ведет к высвобождению

большой численности работников, которые могут пополнить ряды безработных, если не будут переобучены и востребованы на модернизированном производстве. Инновационные товары расширяют возможности потребления, но в первую очередь для более обеспеченных групп населения, поскольку часто оказываются более дорогостоящими. Малообеспеченные слои населения не имеют возможностей для потребления не только инновационных товаров и услуг, но испытывают недостаток необходимых средств для ежедневного существования. Однако система государственных дотаций и субсидий для продуцирования инноваций, постоянного повышения образования и квалификации работников может способствовать более равномерному экономическому развитию и распределению его результатов. Доступные для большинства населения технологические новинки и инновационные услуги, особенно в таких сферах, как медицина и образование, помогут формированию общества, готового к постоянному технологическому обновлению и поддержанию безопасных условий своего существования.

ИРЭ предполагает не только выгоды, но и специфические риски, которые не всегда распределяются в обществе справедливо. Эти риски при любом экономическом развитии несет все общество, и особенно его непривилегированные слои. Сопровождающие современное производство катастрофы техногенного характера и природные аномалии наиболее ощутимы для тех слоев населения, которые не могут компенсировать их воздействие переездом из опасных мест или использованием других технических средств, снижающих неблагоприятное воздействие развития производства на окружающую среду. Стремительное техническое совершенствование современного производства может обернуться стрессом для значительных профессиональных групп, не готовых работать в условиях постоянного обновления условий производства, часто вредных для здоровья человека. Однако внедрение одних лишь социально и экологически безопасных технологий может существенно снижать прибыли предпринимателей. В этом случае критериями инновационного развития становятся благополучие и безопасность всего общества, что должно стать основой справедливого

экономического развития. Большая часть экспертов (16) уверены, что без справедливого распределения рисков и выгод ИРЭ Украины невозможно; допускают его 9 экспертов.

Впрочем, риском является отсутствие ИРЭ страны. В условиях глобальной конкуренции страна, которая отказывается от ИРЭ или не может его обеспечить, становится потребителем и заложником морально и физически устаревших технологий, приобретаемых у более развитых стран. Исчерпавшие возможности собственного совершенствования технологии становятся опасными для внедрения, не поддаются контролю. Кроме того, заимствование чужих технологий ведет не только к деградации технологического, но и социального потенциала государства. ИРЭ страны на основе разработки и внедрения собственных технологических и технических достижений имеет диалектический характер. Потребляя имеющийся знания и готовность к творческому труду населения, ИРЭ в своем процессе развивает их, делает более благоприятными условия жизни людей. Однако это будет реальным только в случае справедливого распределения выгод и рисков ИРЭ.

Рассмотренные социальные и экономические барьеры на пути ИРЭ создают ситуацию, делающую невозможной модернизацию экономики Украины и ведущую к деградации все еще высокого профессионального и творческого потенциала украинского общества. Главное ее отличие – низкая степень использования социально-экономического потенциала, уровень которого в оценках экспертов по 5-балльной шкале составил 1,9 балла, причем ни один из экспертов не оценил эту степень как «высокую» или «очень высокую». Рассмотренные системные барьеры обусловлены хроническими кризисными явлениями в экономике страны, отходом государства от регулирования социально-экономических процессов, в том числе и инновационной сферы экономики, разработки стратегий социально-экономического развития страны.

В условиях глобального финансово-экономического кризиса возможности инновационного развития стран будут сокращаться, поскольку уменьшается государственное финансирование сферы исследований и поддержка внедрения

инноваций. В то же время человеческий, трудовой и социальный потенциал – это те составляющие экономического развития, которые невозможно воспроизвести за короткое время, если они постоянно приносятся в жертву достижению краткосрочных целей, особенно когда последние сводятся к получению прибыли. Для его сохранения, восстановления производства и развития необходимо преодолеть кризисные явления в экономике Украины, модернизировать промышленность и научную деятельность, что, в свою очередь, невозможно без использования знаний специалистов и стремления населения к самореализации в творческом труде, которые сегодня не востребоваы, а при сохранении кризисных экономических тенденций могут оказаться остаточными.

2.4. Социально-политический потенциал инновационного развития экономики Украины

Социально-политический потенциал инновационного развития экономики (СПИРЭ) в современную эпоху служит наглядным показателем способности общества к реализации инновационной модели экономического развития в условиях глобализации экономики и повышения конкуренции в продвижении новых товаров и услуг на глобальный рынок. СПИРЭ играет важную роль на всех трех этапах в инновационном процессе (получение нового знания – разработка новой технологии – создание нового продукта). Поэтому состояние и перспективы СПИРЭ не могут не быть предметом особой заботы со стороны государства, заинтересованного в обеспечении высоких темпов экономического роста. В этом контексте озабоченность правящих властных структур проблемами инноватики является логическим продолжением признания того, что «выход на путь инновационного развития предусматривает наличие политической системы (или ее элементов), которые не только не препятствуют, но и всячески содействуют ему» [Галкин, 2011: с. 4].

В государствах-лидерах инновационности забота об улучшении СПИРЭ, как правило, находится в центре внимания государственной инновационной политики как важной составляющей социально-экономической политики, направ-

ленной на развитие и стимулирование инновационной деятельности. Обеспечить тесную связь инновационных процессов с инновационной политикой ради воплощения в жизнь инновационной модели экономического развития возможно только тогда, когда соответствующие государственные социально-политические институты сделают меры по поддержке СПИРЭ приоритетной задачей своей социальной политики. Последняя должна стимулировать социальный запрос на инновации в разных сферах жизнедеятельности общества «снизу», а не навязывать принудительное внедрение нововведений правящей бюрократией «сверху». Необходимо органическое взаимодействие экономики и политики, осознание и реализация экономических потребностей и интересов в политической форме и политическими мерами.

Опыт экономически развитых стран свидетельствует о том, что в период наиболее высокой инновационности их экономик доля заработной платы трудящихся составляла не меньше 2/3 валового внутреннего продукта, а чрезмерное неравенство было сокращено [Геловани, Бортков, Дубовский, 2014: с. 317]. В экономической социологии чрезмерное неравенство рассматривается как «неспособность общества в равной степени использовать экономические потенциалы всех трудоспособных групп населения и обеспечивать приемлемый уровень жизни группам населения, нуждающимся в социальной поддержке» [Моисеева, Файзуллин, 2008: с 163]. Такое неравенство ввергает значительную часть населения в состояние бедности, обуславливая падение мотивации к повышению образовательного уровня и интеллектуального роста, снижение экономической и инновационной активности. Вполне понятно, что соотношение доходов верхних и нижних 10 процентов населения, достигающее в Украине 40 : 1, одно из самых высоких в мире, что отнюдь не способствует улучшению СПИРЭ и инновационной деятельности в целом.

Влияние социально-политической среды на инновационную деятельность приобрело особое значение на пороге XXI века, который внес весьма существенные коррективы в инновационный процесс и поставил под сомнение традиционные представления о нововведениях с точки зрения «созидатель-

ного разрушения». В связи с этим французский политический деятель Жак Аттали отмечает: «Современная форма капитализма подвергается тем же опасностям, что и формы прошлых веков: над ней нависла угроза, креативный класс отворачивается от нее, технический прогресс замедляется, промышленность все менее рентабельна, финансовые спекуляции выходят за рамки разумного. Неравенство увеличивается, назревает народное возмущение, накапливается огромный долг» [Аттали, 2014: с. 117].

В этом контексте исследование социально-политического потенциала ИРЭ Украины в условиях резкого обострения глобальных кризисных явлений и дестабилизации социально-политической ситуации в нашей стране, а также выработка и внесение научно обоснованных рекомендаций по этой проблеме становится актуальной академической и практической задачей. Особенно с учетом того, что в настоящее время углубление и расширение социально-экономических и политических противоречий в Украине сопровождается деиндустриализацией экономики, падением рентабельности промышленности, усилением социального и экономического неравенства, обнищанием населения и деградацией наемной рабочей силы, созданием «экономики казино» и подчинением реального производства интересам финансовой олигархии.

Чрезмерная социальная поляризация украинского общества из-за отсутствия действенной государственной политики в направлении ее преодоления за три последних года, как свидетельствует социологический мониторинг Института социологии НАН Украины (2013), значительно усилилась. Доля людей, которые считают себя бедными и нищими, впервые с 2000 года преодолела 50-процентный барьер. В 2012 году к категории нищих себя отнесли 5% украинских граждан, к категории бедных – 46%. Соответственно выросла часть тех, кто недоволен своей жизнью – с 40% в 2010-м до 46% в 2013 году. Как известно, недовольные люди и работают хуже, и не склонны к креативной деятельности. Таким образом, чрезмерное неравенство в Украине влечет за собой чрезмерную бедность, а последняя, с одной стороны, приводит к деградации СПИРЭ, а с другой – к снижению потребительского спроса более чем половины

населения, что также тормозит рост производства инновационных товаров и услуг массового потребления. К сожалению, перспектива в этом плане не вселяет оптимизма. Согласно результатам мониторинга ИС НАН Украины, на улучшение жизни в 2010 году надеялись 31% респондентов, не надеялись 26%. В 2013 году первых стало 12%, вторых – почти 60%. Поэтому, для преодоления чрезмерной бедности и неравенства, ставших существенным барьером на пути ИРЭ, требуется принятие срочных эффективных мер со стороны государственных социально-политических учреждений.

Продвижение путем инновационного развития также требует всестороннего учета позитивных и негативных последствий конкретных инноваций, согласованных консолидированных усилий государства и всего общества, уверенности потенциальных инноваторов в том, что они не станут жертвами собственных изобретений и рационализаторских предложений, которые часто приводят к чрезмерной интенсификации труда и сокращению рабочей силы. Например, чрезмерное повышение скорости движения конвейера на одном из автосборочных заводов в Лордстауне (США) закончилось в свое время тем, что молодые рабочие, не выдержав стрессовой ситуации и нечеловеческой нагрузки на работе, дотла разбили кувалдами эту инновацию, за что получили название «луддитов XX века» в американской периодической и социологической литературе. Жертвы современной «оптимизации численности персонала», как теперь по-научному называют сокращение кадров, должны быть уверены, что государство и общество в этом случае позаботятся о приобретении ими новой профессии и об их трудоустройстве.

Вполне понятно, что достичь целей модернизации экономики в условиях дезорганизации общества, потери доверия населения к основным социально-политическим институтам, что характерно для современной Украины, практически невозможно. Больше половины населения, как свидетельствует мониторинг ИС НАН Украины, не доверяет основным государственным институтам в нашей стране, причем с каждым годом уровень доверия к ним падает. В частности, с 2010-го по 2013 год доверие населения Президенту Украины снизилось с 31% до 11%, правительству – с 20% до 8%, Верховной Раде – с 13% до 5%, при этом о полном доверии

к ним говорят лишь 2%, 1% и 1% респондентов соответственно. Государство должно вернуть доверие населения к своим основным институтам, если оно действительно намерено сделать свою политику ведущим инструментом инновационного социально-экономического и политического развития страны.

Многие исследователи состояния инновационной деятельности в Украине приходят к выводу об инновационном дефолте нашей страны. Это является прямым следствием копирования властными элитами в Украине неолиберального варианта модернизации, который привел к сомнительным результатам на Западе и доказал полную несостоятельность в странах с «переходной экономикой», крайне нуждающихся в активной роли государства в реализации рыночных реформ, а не в превращении государства в «ночного сторожа». Выбранный Украиной курс на догоняющее развитие существенно усложняет решение судьбоносной задачи для страны сегодня – перевода ее экономики на рельсы инновационного развития. Тем не менее у нашей страны нет иного выбора, кроме попытки совершить инновационный прорыв в начале XXI века и выйти на конкурентоспособные рубежи в глобальной экономике, чтобы со временем занять достойное место в мировом хозяйстве. В противном случае Украина, которая не так давно была одной из развитых в промышленном отношении европейских стран, превратится в одну из заурядных периферийных стран, будет вытеснена на обочину капиталистического мира, утратит способность к восстановлению государственного суверенитета и, в итоге, окажется в числе несостоявшихся, полностью недееспособных государств с непредсказуемыми социальными последствиями для всех народов, проживающих на ее территории. Во избежание развития событий в Украине в соответствии с таким мрачным сценарием нынешнюю социально-политическую среду следует сделать не «жестким» барьером, а благоприятным фактором реализации ИРЭ Украины.

Социально-политический потенциал государства заложен в четырех фундаментальных обязанностях, которые со времен Древнего Рима рассматривались в качестве основы легитимности государственной власти. К ним относятся: 1) защита населения от угроз, особенно таких, как иностранное вторжение. Если же государству это не удастся, оно теряет

легитимность; 2) обеспечение благосостояния общества путем создания условий для роста экономики и заботы о малоимущих, больных и детях; 3) обеспечение правосудия; 4) обеспечение распространения истины, помогающей обществу понимать окружающий мир с помощью СМИ, религии, науки [Малган, 2011: с. 72].

Выполнение государством перечисленных обязанностей является основой его легитимности в целом. Утрата способности к реализации названных фундаментальных функций наносит легитимности государства невосполнимый ущерб, что мы и наблюдаем сейчас в Украине. Именно это обстоятельство, как свидетельствует опрос экспертов, служит сегодня одним из основных социально-политических препятствий на пути ИРЭ Украины.

В рамках изучения социального потенциала ИРЭ в нашем исследовании были проанализированы такие его социально-политические составляющие как заинтересованность власти в реальном обеспечении инновационного развития, ее способность разрабатывать и реализовывать программы ИРЭ, консолидация общества ради экономического и социального развития, а также понимание и отстаивание властью национальных интересов Украины. Почти все эти составляющие социально-политического потенциала эксперты оценили как значимые и очень значимые для ИРЭ. Однако в реалиях украинского общества они были оценены экспертами на низком и очень низком уровне.

Самую низкую оценку получил показатель *консолидации современного украинского общества ради экономического и социального развития* (1,5 балла). При этом подавляющее большинство экспертов (81%) считает, что без консолидации общества ИРЭ вообще невозможно (как, кстати, и без доверия – 85%). При этом значимость консолидации в ИРЭ оценена экспертами в 4,4 балла. То есть реально существующий уровень консолидации почти в 3 раза (2,9) ниже нормативного уровня его значимости. Аналогичная ситуация выявлена и по такой составляющей социально-политического потенциала, как «способность власти реализовывать программы ИРЭ»: реальная оценка способности власти реализовывать программы ИРЭ в три раза ниже той роли, которую, по мнению экспертов, эта составляющая социального потенциала должна играть в ИРЭ (см. табл. 2.10).

Поскольку социально-политические и социально-экономические потенциалы ИРЭ крайне зависимы друг от друга, мы, для наглядного сравнения, привели их в одной таблице.

Таблица 2.10

Показатели социально-политического и социально-экономического потенциалов ИРЭ Украины, баллы*

Составляющие потенциала		Оценка достигнутого уровня	Значимость нормативной роли в ИРЭ	Разница (разы)
Социально-политическая	Заинтересованность власти в реальном обеспечении инновационного развития	1,7	4,7	2,8
	Способность власти разрабатывать программы ИРЭ	1,8	4,1	2,3
	Способность власти реализовывать программы ИРЭ	1,5	4,5	3,0
	Консолидация общества ради экономического и социального развития	1,5	4,4	2,9
	Понимание и отстаивание властью национальных интересов Украины	1,8	4,8	2,7
	Среднее значение	1,66	4,5	
Социально-экономическая	Соответствие структуры занятости требованиям ИРЭ	1,6	4,0	2,5
	Материальные возможности работников по повышению квалификационного уровня	2,3	4,0	1,7
	Покупательная способность населения в приобретении инновационных товаров	2,2	4,1	1,9
	Потребность крупных собственников в инновациях	2,4	4,1	1,7
	Наличие инноваторов-предпринимателей в украинской бизнес-среде	2,0	4,6	2,3
	Среднее значение	2,1	4,16	

* Все показатели рассчитаны по 5-балльной шкале, где «1» означает «очень низкий уровень» («практически незначительную роль»), «2» – «низкий уровень» («малозначимую роль»), «3» – «средний уровень» («роль средней значимости»), «4» – «высокий уровень» («значимую роль»), «5» – «очень высокий уровень» («очень значимую роль»). В графе «разница» показано насколько показатель «Значимость нормативной роли в ИРЭ» выше показателя «Оценка достигнутого уровня».

Как видно из показателя среднего значения, оценка экспертами достигнутого уровня социально-экономического потенциала значительно превышает уровень социально-политического (2,1 против 1,7). При этом обе составляющие должны играть практически равную роль в ИРЭ нашей страны; они, по мнению экспертов, имеют практически одинаковую значимость нормативной роли в ИРЭ. Но с учетом социально-политической ситуации в Украине, эксперты оценили роль социально-политического потенциала даже несколько выше (4,5 против 4,2).

Власть сегодня не заинтересована в реальном обеспечении инновационного развития! Ее заинтересованность оценена экспертами на весьма низком уровне (1,7 балла). Сегодня реальная заинтересованность власти в 2,8 раза ниже ее нормативной значимости для обеспечения ИРЭ. Такие парадоксально негативные черты сегодняшней власти остро ощущают и рядовые граждане. 69% жителей Украины считают, что действующая власть не решает вопрос отстаивания общенациональных интересов (в том числе 27% указали, что власть совершенно не решает эту проблему, а 42% отметили, что решение вопросов, связанных с отстаиванием общенациональных интересов, имеет характер видимости). Только каждый пятый дал посредственную оценку действиям властей в этом направлении (22%). Тех же, кто считает, что действующая власть полностью или хорошо отстаивает общенациональные интересы, – всего 4%. Это относится и к укреплению «согласия – единства» в Украине. Только 4–5% респондентов придерживаются мнения, что прокуратура, милиция, СБУ, суды, призванные по определению стоять на страже национальных интересов Украины, служат гражданам Украины, около 15% опрошенных отметили – никому, кроме себя, и до 80% – Президенту, руководителям органов власти, депутатам и «любому, кто заплатит». Причем показатель «любому, кто заплатит» составляет 40 процентных пунктов из этих 80%.

Негативно оценены действия власти по повышению благосостояния населения и уменьшению существующего в украинском обществе неравенства, хотя мировой опыт свидетельствует, что при превышении определенного порогового значения неравенства инновационное развитие страны становится невозможным. 83% опрошенных граждан отмети-

ли, что действующая власть не решает этих вопросов, 11% считают, что она их решает, но посредственно, и только 2% ответили «полностью, хорошо». Треть населения страны (36%) считает, что лишь меньшая часть представителей государственной власти способна сегодня развивать экономику Украины на основе внедрения новой техники и технологий; 28% уверены, что никто из них на это не способен, и лишь каждый пятый (19%) верит, что на это способны все или большая часть чиновников. Такое положение в развитии экономики Украины привело к тому, что всего 16% граждан активно включились в рыночные отношения, которые считают для себя естественными; остальная часть (65%!) либо пребывает в активном поиске себя, чтобы приспособиться к нынешней жизни (34%), либо вовсе не желает приспособиться к современной ситуации в обществе (31%).

В данном случае следует отметить, что в поисках социальной идеи, которая смогла бы объединить людей, мы еще потратим много времени, поскольку сегодня основными показателями объединения людей в украинском обществе респонденты указали, – «неудовлетворенность властью» – (34%) и «общие трудности жизни» – (33%) и к этому, основной общественной характеристикой нашего времени обозначено, – это время воров (40%!) и политиканов (39%). Поэтому не удивительно, что за три последних года увеличилась доля людей, которые считают себя бедными и нищими, впервые с 2000 г. преодолев 50% барьер. Соответственно выросла доля тех, кто недоволен своей жизнью – до 46% при 40% в 2010 г. Давно известно, что недовольные люди и работают хуже, и умирают раньше. При этом, если в 2010 г. на улучшение в ближайшем году надеялись 31%, а не надеялись 26% населения, то в 2013 г. таких (с надеждой) было уже всего 12% и 60% соответственно. В то же время сократилась численность тех, кто считает, что хотя «жить трудно, но терпеть можно» (с 53% до 47%) и наоборот стало больше людей, которые считают, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» – с 30% до 34%. Как, в данном случае, не упомянуть о нравственности, как внутренней установке индивида действовать согласно своей совести и воле (по Гегелю), если трижды за годы независимости обещанное при изменении Президентов страны «улучшение жизни уже сегодня» народ так и не почувствовал.

И это, как показывает анализ результатов мониторинговых исследований Института социологии НАН Украины, один из весомых факторов того, что за последние три года недоверие, недовольство жизнью, неуверенность в будущем у населения Украины заметно усилилась, а нравственность поведения стала размываться. Богатство (деньги) стало сегодня главным критерием успеха почти для половины (45%) населения, а благотворительность – всего лишь для 3%. По оценкам респондентов в 2013 г. только 11% украинцев при реализации своих собственных интересов всегда придерживаются правовых и моральных норм, приемлемых в обществе, а 44% – всегда готовы их игнорировать.

Особую угрозу единству народа Украины как политической нации и другим составляющим национальной безопасности страны представляет навязывание лидерами тех или иных политических сил своего понимания так называемого языкового вопроса и внешнеполитических ориентаций Украины, которые противоречат интересам большинства населения страны, его культурным и историческим традициям. Социальной нормой в Украине всегда было и остается двуязычие двух близких языков – украинского и русского. Среди граждан Украины трудно найти человека, который испытывает трудности в понимании как украинского, так и русского языков. «Практически не понимаю» украинского языка в исследовании 2013 года заявил лишь 1 респондент из каждых 100 опрошенных, а русского языка – только 1 из более чем 300 респондентов. Даже дома, в семейном кругу общаются преимущественно на украинском или русском языках примерно по 40% респондентов, а на том или другом, в зависимости от обстоятельств – 20% семей.

В 2013 году 37% респондентов высказались за предоставление русскому языку в Украине официального статуса, 14% по разным причинам отказались отвечать на этот вопрос. Против предоставления русскому языку статуса официального в Украине в 2013 году высказались 49% респондентов, хотя еще в 2010 году сторонников официального статуса русского языка было практически столько же, сколько и противников – 43% и 40% респондентов. Следует отметить, что во все предыдущие годы исследований начиная с 1996-го, число сторонников официального статуса русского языка оставалось на уровне 50% и устойчиво пре-

вышло долю противников на 10–15 процентных пунктов. Кстати, на «язык» как объединяющий фактор общества указал лишь каждый десятый респондент.

Характерно, что в условиях репрезентативной выборки мониторингового социологического исследования ИС НАН Украины не менее половины респондентов просят анкету на русском языке. В исследовании 2013 анкету на русском языке попросили больше половины респондентов. Причем среди сторонников официального статуса русского языка в Украине не менее половины этнических украинцев.

Многолетние исследования ученых Института социологии НАН Украины позволяют сделать убедительный вывод: двуязычие украинского и русского языков, объективно сложившееся в Украине, не только не разъединяет украинское общество, а наоборот, служит одним из важных факторов единства украинского народа как политической нации. И украиноязычные, и русскоязычные люди в любой языковой среде (профессиональной, интеллектуальной или бытовой) на территории Украины легко понимают друг друга. Однако правительственные меры, направленные на ограничение использования русского языка и русскоязычной литературы в средней и высшей школе, отнюдь не способствуют развитию инновационной любознательности нашей молодежи и ознакомлению с мировыми достижениями в области инновационной деятельности, особенно если учесть, что именно в России переводится колоссальный массив зарубежной научной литературы по актуальным проблемам инноватики.

Форсирование подписания соглашения об ассоциации с Европейским Союзом при одновременном свертывании сотрудничества с Россией и другими странами СНГ неизбежно приведет к банкротству многих украинских машиностроительных предприятий, которые, как известно, являются основной нишей развития инновационной деятельности. Таким образом, именно государством, как это ни парадоксально, выстраивается еще один существенный барьер на пути перехода Украины к ИРЭ и прокладывается курс на ее вытеснение на обочину мирового периферийного развития в XXI веке. Ибо дальнейшее следование этим курсом повле-

чет за собой уничтожение остатков авиационной, ракетостроительной, судостроительной, моторостроительной и других перспективных отраслей украинской промышленности, работающих сегодня на обширный российский рынок, а также лишение занятости сотен тысяч квалифицированных и высококвалифицированных работников.

За 20 лет исследований Института социологии НАН Украины численность сторонников Европейского Союза (не говоря уже о НАТО) среди населения Украины никогда не превышала численности сторонников сотрудничества с Россией и другими странами СНГ. С 1998-го по 2013 год включительно за «укрепление прежде всего восточнославянского блока (Украина, Россия и Беларусь)», как и все предыдущие годы, высказывалось в 1,5–2 раза больше украинских граждан, чем за «установление связей прежде всего с развитыми странами Запада».

В 2013 году идею присоединения Украины к союзу России и Беларуси поддерживали 49% респондентов, а идею вступления Украины в Таможенный Союз России, Беларуси и Казахстана – 45%. В то же время поддержка населением идеи вступления Украины в Европейский Союз была немного ниже – 42%, а доли противников вступления Украины в Евросоюз и Таможенный Союз составили, соответственно, 28% и 26%. Главным союзником Украины на ближайшие 5 лет почти половина нашей населения страны видит Россию и страны СНГ и только 30% – Европейский Союз. Это объясняется еще и тем, что для 42% украинцев традиции, ценности и нормы поведения восточнославянских стран ближе, чем стран Западной Европы. И только 18% респондентов придерживаются противоположной позиции. По традициям, привычкам и культуре *наиболее близкими к себе народами* более 70% украинцев называют русских, 56% – белорусов. Таковыми французов и немцев (по сути, доминирующих в Евросоюзе) назвали всего 1% и 3% соответственно. Поскольку духовно-культурные ценности законодательно отменить нельзя, а меняются они крайне медленно, большинству украинцев, которые окажутся в Евросоюзе, придется постепенно расставаться с украинской идентичностью и со временем интегрироваться в чуждую

им западноевропейскую культуру, которая все больше становится жертвой «американизации» и утрачивает свои просвещенские и инновационные корни. В условиях прогрессирующей безнравственности и коррупции в украинском обществе, в котором «рыба гниет с головы», не приходится удивляться, что нынешними «поводырями» нации полностью *игнорируется моральный аспект проблемы*.

Политический истеблишмент Украины откровенно демонстрирует стремление как можно скорее разрубить исторические узы, связывающие нашу страну с соседними государствами, и присоединиться к «богатой и успешной» Европе, оставляя в трудную минуту братские страны с вековой общей историей и культурой, которые тысячами экономических нитей были тесно связаны отношениями взаимопомощи и сотрудничества в рамках единого народнохозяйственного комплекса СССР, служившего стартовой площадкой множества эпохальных и базисных инноваций советских республик в XX веке.

Результаты социологических исследований показывают, что большинство населения Украины осознает угрозу присоединения к Евросоюзу, ведущего к искусственному отрыву от родственной ему среды и погружению *в чуждую ему духовно-культурную среду* со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Сегодня почти 50% населения Украины не воспринимают систему западных ценностей (частная собственность, обогащение, индивидуализм, стремление к личному успеху и т.п.) и лишь немногим более 25% воспринимают таковые ценности. Причем однозначное «нет» им сказали 17%, а однозначное «да» – всего 3%. «Кормить» же украинцев по европейским стандартам Евросоюз, естественно, не обещает. Само собой разумеется, что в вопросе повышения уровня жизни народ Украины может рассчитывать только на самого себя, а решение этой проблемы невозможно без преодоления инновационного дефолта и перехода на ИРЭ.

Глава 3

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

3.1. Образовательный потенциал Украины

Использование новых знаний и технологий в развитии общества, превращение интеллекта, творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического роста является основой инновационного (основанного на «новизне») развития (ИР). Учитывая это, одним из важнейших условий ИР следует признать повышение уровня образования и квалификации широких слоев населения, «воспроизводство человека как создателя нового на основе использования интеллектуального и креативного потенциала общества» [Людський капітал, 2011: с. 12]. Именно такой тип работника необходим инновационной экономике, требующей не только накопления знаний, но и развития творческой активности и способностей человека.

Знания и способности, будучи возобновляемым (неисчерпаемым) ресурсом, признаются в данном типе экономического развития общественной ценностью наравне с природными богатствами и производственными мощностями страны. Для создания подобного ресурса необходимы постоянные инвестиции в человеческое развитие (причем максимально затратными являются начальные этапы всеобщего распространения знаний). Однако результат инвестирования оправдан: в перечне стран, демонстрирующих стабильный экономический рост и прорывы в инновационных сферах, нет ни одной, где бы данные результаты не стали следствием многолетней политики, направленной прежде всего на повышение общего уровня образования и в более широком смысле – на развитие человеческого потенциала как ключевой характеристики развития общества в XXI веке.

Современные исследования в области образования свидетельствуют, что для развитых стран высокий уровень охвата высшим образованием оказался более важным фактором экономического роста, тогда как в развивающихся странах важнее массовость вовлеченности населения в образование I–II стадий* [Bredt, Sycz, 2007: p. 16]. При этом начальный этап внедрения всеобщего образования требует привлечения немалых средств в виде государственных расходов на создание инфраструктуры, обучение педагогических кадров и т.п. (именно поэтому затраты на образование в беднейших странах на данный момент составляют немалую часть бюджетных расходов). В развитых странах со сложившейся инфраструктурой в наше время расходы по этому пункту составляют до 8% ВВП [Индекс человеческого развития, 2013].

В конце XX века ряд западных экономистов исследовал влияние соответствующей политики государства, стимулирующей накопление человеческого капитала (знания), на темпы экономического роста. Роберт Э.Лукас, например, определяет процесс накопления человеческого капитала – знания – как основной источник экономического роста [см.: Лукас, 2013, с. 147], замечая при этом, что подобное накопление знания привилегированными классами, происходившее на протяжении истории, не могло качественно повлиять на экономический рост. Только накопление человеческого капитала, затрагивающее *каждого*, то есть широко распространяющееся в обществе, как это случилось во времена промышленной революции, способно, сняв ограничения на вертикальную мобильность, «открыть дорогу для роста как душевого, так и совокупного производства» [Лукас, 2013, с. 236–237]. Только при достаточно высоком уровне такого накопления, при наличии высоких достижений в социальной сфере можно вести речь о дальнейшем этапе развития, называемом инновационным.

Кроме упомянутого высокого уровня образования и профессиональной подготовки всего населения, формирования

---

*Первой стадией, или степенью образования, в международной практике называется начальное образование, второй стадией – базовое общее среднее, третьей стадией – полное общее среднее.

у него творческих способностей, ИРЭ нуждается в развитии теоретической и прикладной науки, а также в обеспечении внедрения ее достижений в производство [Людський капітал, 2011: с. 44]. Однако очевидной первоначальной предпосылкой и условием построения инновационной экономики является развитие образования всех уровней, а эффективная социальная политика государства в данной сфере должна быть направлена на гарантии доступа к этому благу всех слоев населения, независимо от материального положения, местожительства или социального статуса.

Равенство возможностей и всеобщая доступность образования любого уровня становится приоритетом современного общества – к такому выводу можно прийти, проанализировав данные о государственных расходах на образование на протяжении XX века, демонстрирующих стабильный рост почти во всех странах мира. Обеспечивая все более полный охват населения обучением, особенно на уровне обязательного школьного и расходов на одного ученика, государства создают национальный образовательный ресурс, потенциально способный стать катализатором экономического и социального развития.

Расходы на образование, включаемые в список социальных государственных расходов (последние во всех странах мира с середины XX века демонстрируют устойчивую тенденцию к повышению – с минимальной отметки в 3–5% до 38%), напрямую признаются в международных социально-экономических расчетах способствующими экономическому развитию страны [Людський капітал, 2011: с. 5]. Так, на основе результатов крупномасштабных исследований развития большого количества стран (от 98 до 119) за период с 1960-го по 1985 год было доказано, что образование является наиболее значимым фактором макроэкономического роста [Людський капітал, 2011: с. 25]. В ряде международных исследований продемонстрирована высокая степень корреляции между общим количеством лет обучения населения и доходами государства, причем этот факт подтверждался как для развитых, так и для развивающихся стран мира. Фактически увеличение средней грамотности на 1% дает прирост ВВП приблизительно 2% [Bredt, Sycz, 2007: p. 6].

На микроуровне получение образования необходимо рассматривать как долгосрочные инвестиции, отдача от которых также просчитывается математически. Г.Беккер рассчитывал ее как отношение доходов, полученных индивидом с образованием, к издержкам, потраченным на него, получив примерно 12–14% годовой прибыли (см.: [Bredt, Sycz, 2007: р. 2]). Согласно эмпирическим социологическим данным, при фиксированных дополнительных переменных (доход, социальный статус и др.) однозначно подтверждается корреляция уровня образованности не только с большей успешностью на рынке труда, но и с более высокой общественной, политической и социальной активностью, с лучшим здоровьем, с более низким уровнем преступности. Кроме того, широкий охват образованием одного поколения положительно влияет на уровень образования в последующем поколении (в сторону его повышения) [Bredt, Sycz: р. 13], то есть потребность в высоком образовательном уровне наследуется социально. Кроме того (и в прямой связи с необходимостью получения образования детьми образованных родителей), последнее, по данным ЮНЕСКО, способствует улучшению демографических показателей: снижение детской смертности на 50% объясняется именно повышением уровня образования женщин репродуктивного возраста [Молодежь и навыки, 2012: с. 2]. Впоследствии высокий уровень образования, особенно среди женщин, тесно увязывается со снижением уровня рождаемости и параллельным повышением качества жизни семьи, поскольку женщина становится полноправным субъектом рынка труда. Таким образом, исследователи фиксируют устойчивое влияние образования на основные сферы жизни общества. При этом подчеркивается как признание безусловной ценности образования, так и его позитивная практическая социально-экономическая роль.

В экономических отношениях ценность высокого уровня образования признается большинством участников – и наемными работниками, и работодателями. В сфере социально-политического устройства за институтом образования также признается одна из ключевых ролей: школьное образование формирует основные ценностные приоритеты подрастающего поколения. Образование как социальный институт,

выполняя функцию распространения знаний, закрепляет нормы общественной морали, основные аспекты мировосприятия, передавая их последующим поколениям.

Вместе с тем наряду с максимальным за всю историю человечества количеством накопленного знания в эпоху информации и высоких технологий (и возникшим в некоторых странах феноменом «overeducated», или «переобразованности»), дифференциация в возможностях получения даже начального образования проявляется как на уровне стран, так и целых регионов, и это глобальное неравенство очевидно не уменьшается, несмотря на прилагаемые усилия мирового сообщества. Напротив, количество неграмотных в мире достигает 1 млрд. человек и продолжает увеличиваться (в первую очередь за счет повышения рождаемости в развивающихся странах).

Последствиями ограничения доступности образования становится практически полное исключение из пространства мирового информационного развития целых регионов, население которых испытывает нужду не только в книгах и школьных учебниках, но и острейшую нехватку преподавателей, не говоря уже о компьютерах и доступе к Интернету. Несмотря на активность международных организаций, в период с 1999-го по 2010 год количество неграмотных взрослых в мире сократилось всего на 12% и составило на сегодня примерно 775 миллионов человек, две трети из которых – женщины [Молодежь и навыки, 2012: с. 5]. Некоторые достаточно развитые в экономическом плане страны не в состоянии обеспечить всеобщую грамотность населения. В Китае, вкладывающем в свои инновационные проекты миллионы долларов, безграмотных около 200 миллионов [Кусжанова, 2002: с. 463]. Хотя именно Китай интенсивно развивает инновационный вектор экономики: темпы роста расходов на НИОКР здесь гораздо выше, чем в других странах, в том числе в США, и на государственном уровне поставлена задача довести долю затрат на НИОКР до 2,5% ВВП к 2020 году. В общем массиве промышленных предприятий этой страны 30% осуществляют технологические инновации, что требует привлечения соответствующего количества специалистов. Удовлетворить растущие потреб-

ности промышленного производства в квалифицированных кадрах государственная система образования не в состоянии. За неимением собственного, страна активно использует иностранный образовательный ресурс, что на начальном этапе приносит достаточно высокий доход, однако в перспективе такой дисбаланс в развитии важнейшей социальной сферы имеет сомнительную перспективу. Проблема с формированием национального образовательного ресурса Китая – в глубокой дифференциации в получении образования, что отражается в низком уровне развития человеческого потенциала*: по индексу человеческого развития, который составляет 0,699 по итогам 2012 года, Китай находится на 101-м месте в мире среди 186 стран. (К слову, наша страна занимает 78-е место с индексом 0,740, Российская Федерация – 55-е, Беларусь – 50-е) [Индекс человеческого развития, 2013].

В соответствии с индексом образования, вычисляемом как показатель грамотности взрослого населения (2/3 веса) и показатель совокупной доли учащихся, получающих начальное, среднее и высшее образование (1/3 веса), Китай находится на 116-м месте в мире (0,62), тогда как Украина – на 31-м (0,86) [Индекс экономики знаний, 2013]. Разница по этим двум показателям наглядно демонстрирует преимущество нашей страны в плане перспектив развития человеческого потенциала, соответствующим требованиям инновационной экономики.

Неспособность государства к обеспечению качественным образованием своих граждан, к достижению надлежащего

---

*Основными показателями Индекса развития человеческого потенциала, вычисляемого ПРООН начиная с 1990 года, названы: достигнутый уровень образования (средняя ожидаемая продолжительность обучения детей школьного возраста и средняя продолжительность обучения взрослого населения); ожидаемая продолжительность жизни при рождении и реальные доходы (реальный ВВП на душу населения). Высокие показатели по каждому из подиндексов, как показывают многочисленные исследования, отражаются на жизни конкретного человека и всего общества, экономический рост которого должен базироваться на как можно более полном использовании человеческого потенциала (об эффективности чего свидетельствует опыт как экономически развитых стран, так и стран с переходной экономикой).

уровня отечественных научных достижений приводит к повышению социально-экономической дифференциации, и как следствие – к стагнации социального развития, что наблюдается сейчас в большинстве африканских и азиатских стран.

К их числу уже сегодня можно отнести ряд постсоветских государств, которые еще недавно обеспечивали почти 100-процентный охват населения по крайней мере первыми двумя стадиями образования. По данным Всемирного доклада по мониторингу «образования для всех» (ОДВ) за 2012 год в Таджикистане лишь около половины населения в возрасте 15–19 лет овладело 2-м этапом среднего образования, в Азербайджане около трети молодых людей не достигали 2-го этапа школьного образования; в Республике Молдова такое образование не получают около 40% представителей этой возрастной группы [Молодежь и навыки, 2012: с. 32]. Поэтому речь об информационном обществе – обществе знаний – можно вести только применительно к определенным государствам, тогда как для остальных основные требования по достижению условий формирования такого общества практически невыполнимы даже в отдаленной перспективе. Определенно недостижимыми для трети стран мира являются те этапы развития сферы образования, которые принято называть «элементарными», то есть безусловно и очевидно необходимыми. В этих странах насчитывается половина от общего количества детей, не закончивших начальную школу; по прогнозам на предстоящие 20 лет, население этих стран в возрасте от 5 до 14 лет увеличится более чем на треть, а образовательные возможности государства останутся, скорее всего, на том же уровне. Таким образом, огромное количество безграмотных XXI века пополнит ряды уже существующего «потерянного поколения», насчитывающего 200 миллионов молодых людей, которые, даже имея формальный документ об окончании школы, не овладевают необходимыми навыками элементарной грамотности в пределах родного языка. (В упомянутом выше Всемирном докладе по мониторингу ОДВ отмечается, что это – в основном жители стран с низким и средним доходом.)

Впрочем, перспектива инновационного развития становится малодоступной и для некоторых европейских государств

по той же причине – необеспеченность должного уровня охвата населения высоким уровнем образования. Так, в странах Европейского Союза в среднем 14% молодых людей получают образование лишь на уровне первого этапа средней школы: в Испании, например, из данного этапа отсеивается каждый третий ученик, что не может не вызвать особого беспокойства в связи с остротой экономической кризиса в этой стране и уровнем безработицы среди молодежи, составившим в марте 2012 года 51% [Молодежь и навыки, 2012: с. 2]. Доля молодежи (в возрасте от 18 до 24 лет), не занятой, не получающей образования («Not in Education, Employment, or Training», или NEET) в 2011 году колеблется от 4% (в Нидерландах) до 20% (в Италии и Греции) в Европе, 12% в Австралии и Новой Зеландии и 15% в США. Данные МОТ за 2010 год демонстрируют, что в развивающихся странах этот уровень еще выше, в среднем 20% молодых людей в Латинской Америке и 25% в странах Африки можно отнести к экономически неактивному населению [Eichhorst, Rodriguez-Planas, Schmidl, Zimmermann, 2012: p. 1]. Наличие большого количества молодежи в статусе NEET (при том, что данный период жизни является наиболее благоприятным для получения знаний и активного поиска их применения на рынке труда) негативно сказывается как на состоянии уже существующего образовательного потенциала, так и на его дальнейшем развитии. Социальная потребность в высоком уровне образования, о которой говорилось выше, может в таких условиях утратить актуальность, что безусловно повлияет на перспективы развития общества, не сумевшего задействовать имеющийся образовательный потенциал в целях собственного развития. О незадействованном в экономике образовательном потенциале в нашей стране как наиболее острой социальной проблеме будет сказано позже. Говоря о ситуации в мире, как и о направлениях и возможностях социально-экономического развития стран, отметим предложенную Н.Ивановым теорию, наиболее четко отражающую возможные пути такого развития и роль в каждом из них образовательного потенциала.

В мировой экономике сегодня четко вырисовываются две модели развития: инновационная и сырьевая. Первая

существует в основном благодаря созданию новых высокотехнологичных видов товаров и услуг, вторая – благодаря наличию, разработке и экспорту сырьевых запасов, востребованных на мировом рынке [Иванов; 2013: с. 26]. Модель сырьевой экономики реализуется сейчас во многих развивающихся странах, обладающих природными запасами полезных ископаемых. В недавних докладах международных организаций даже появился термин «проклятие ресурсов», характеризующий явление, присущее странам-обладателям больших запасов таких ресурсов и целенаправленно развивающих добывающие отрасли промышленности в ущерб другим сферам. Приоритетность разработки месторождений и добычи полезных ископаемых обуславливает второстепенное значение и соответственно меньшие объемы финансирования социальной сферы (в том числе системы образования). Подобная сырьевая модель, обеспечивая в ближайшей перспективе экономический (но не социальный) рост, по мере исчерпания невозобновляемых природных ресурсов в конечном счете ведет к краху экономики. Примечательно, но в развитых странах, в том числе с достаточно сильным промышленным потенциалом, схема вложения средств в прибыльные проекты с малой перспективностью для социального развития нередко приводит к схожим кризисным последствиям. Погоня за немедленным получением прибыли заставляет инвесторов вкладывать средства в краткосрочные операции без долгосрочной перспективы в ущерб работе с долгосрочными инвестициями (такими как научно-технические разработки или повышение квалификации сотрудников). Итогом подобной политики являются социально-экономический кризис, повышение вероятности потери рабочих мест и экономическая нестабильность, углубление неравенства, усугубление незащищенности стоящих у подножья социально-экономической лестницы слоев населения, являющихся неконкурентоспособными на рынке труда: то есть последствия, свойственные преимущественно экономике сырьевого типа [Мюллер, 2013: с. F4–F5].

Очевидно, что инновационный процесс может также сопровождаться дестабилизацией рынка рабочей силы по причине исчезновения необходимости в определенных про-

фессиях и появления потребности в новых специалистах. Но такая дестабилизация имеет скорее созидательное направление, ведь ее результатом становится мобилизация всей системы образования, или улучшение образовательного потенциала. При этом в противовес модели вложения инвестиций в краткосрочные проекты инновационная модель развития экономики, требуя вложений в научные разработки, в подготовку и переподготовку квалифицированных кадров, создает перспективу не только для экономического, но и для социального развития.

В современном мире многие государства активно прибегают к «импорту интеллекта» (предполагается даже, что поиски интеллекта превращаются в отдельный выгодный вид бизнеса), но при этом национальный образовательный ресурс признается гарантом стабильности социального и экономического развития. Классическим доказательством важности присутствия и использования в государстве национального образовательного потенциала служит пример Японии – государства, занимающего сегодня первые позиции в мировом пространстве по темпам развития инновационной экономики. Серьезный прорыв страна совершила, сделав ставку на собственный образовательный потенциал. А ведь еще в середине XX века японское правительство, находясь в условиях недостатка времени и ресурсов, в промышленном производстве сделало приоритетным для себя приобретение готовых иностранных технологий. Такое решение, обеспечив запуск промышленных мощностей, позволило экономике страны в кратчайшие сроки достигнуть определенного прогресса. Но уже через десятилетие страна столкнулась с ограничениями выбранной модели развития; и таковыми оказались прежде всего недоступность новых технологий, ограничение сферы экспорта производимой по лицензиям продукции и т.п. Альтернативой в данной ситуации стало активное развитие и укрепление отечественного научно-технического потенциала [Кусжанова, 2002: с. 462]. В первую очередь реформам подверглась система школьного образования; уходя от американского варианта ее устройства, были учреждены классно-урочная система, обязательное посещение занятий, экзамены по прослушанным

курсам, пересмотрены нормы наполнения классов (в сторону уменьшения до 40–45 учеников в классе), утверждена унификация классных групп (отсутствие дифференциации по способностям), внедрено централизованное управление школой и т.п. Многие исследователи утверждают, что в японской системе образования нашли отражение идеи А.В.Луначарского о гармоничном развитии личности, включающем, как известно, аспекты как интеллектуально-физического, так и морального, эстетического и художественного порядка. В Японии эта идея вполне вписалась в культурную традицию воспитания в соответствии с традиционными духовными ценностями страны [Пронников, Ладанов, 1985].

В настоящий момент в сферу образования в Японии вкладываются огромные средства, причем не только на государственном уровне: годовой доход всех «дзюку» – частных репетиторских школ, где учащиеся повторяют и дополняют школьный курс, – превышает триллион иен (сумму, сопоставимую с расходами страны на военные нужды). Япония – единственная из развитых стран мира, где зарплата учителя выше зарплаты чиновников местных органов власти. Это бесспорное доказательство признания ценности образования в обществе, обусловившее достижения страны в данной сфере. Обязательное девятилетнее образование получают почти 100% детей, 96% продолжают обучение в средней школе второй ступени, по окончании которой более 60% выпускников поступают в институты, колледжи и профессиональные училища. Япония удерживает абсолютное лидерство (296 баллов) среди 30 наиболее развитых стран мира по индексу среднего уровня владения навыками в области чтения, составленному Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Национальный образовательный потенциал Японии обеспечивает гарантию ИРЭ страны в будущем: в международном рейтинге стран мира по индексу уровня образования, согласно последним данным, страна занимает 18-е место (индекс 0,88) [Рейтинг стран мира по уровню образования, 2012].

Украина по данному индексу находится на 31-м месте среди 188 стран, располагаясь между Австрией и Италией, и выше не только Беларуси и России, но и таких стран со

сложившимися образовательными традициями, как Великобритания и Польша. Высокий ИЧР (Украина находится в группе стран с высоким уровнем человеческого развития) и индекс уровня образования в нашей стране свидетельствуют о несомненном потенциале социально-экономического развития.

Образованность населения Украины следует признать одним из ценнейших ресурсов, сформировавшимся еще во времена СССР. Высокая степень урбанизации и концентрации производства, особенно в восточных регионах, послужила стимулом развития среднего специального и особенно высшего образования. Неслучайно Советская Украина в середине 1960-х годов по коэффициенту интеллектуальности молодежи и населения в целом занимала 2-е и 3-е места в мире [Пилипенко, Позднякова-Кирбят'ева, 2012: с. 103], а сегодняшняя Украина по относительному количеству лиц с высшим образованием входит в первую десятку развитых стран мира [Данилишин, Куценко, 2006: с. 72]. До обретения независимого статуса Украина имела достаточно мощный потенциал как среднего, так и высшего образования, собственные научные школы, разрабатывавшие новые технологии и внедрявшие их в наукоемкие производства. Образовательная инфраструктура советского периода оказалась весьма мощным и значимым социальным ресурсом, став к тому же образцом для многих современных моделей развития образовательной системы. Заметим, что согласно Global Competitiveness Index 2013–2014, именно по качеству начального образования современная Украина занимает наиболее высокое место (37-е из 148 стран мира, имея 4,7 балла по 7-балльной шкале) [The Global Competitiveness Report, 2014: p. 376–377].

Система образования в СССР не только не уступала таковой в высокоразвитых странах, но во многом их опережала: в частности, неграмотность в стране была практически ликвидирована во второй половине XX века (в 1976 году вводится всеобщее обязательное среднее образование), система повышения квалификации в СССР была создана впервые в мире [Аношкина, Резванов, 2001: с. 39].

В период с 1940-го по 1989 год (включающий Великую Отечественную войну и послевоенное строительство) коли-

чество дошкольных учреждений в УССР увеличилось более чем втрое – с 6904 до 23341, количество средних школ (городских и сельских) – в два с лишним раза (с 4435 до 9543); также более чем вдвое выросло количество учителей (с 251 тыс. до 513 тыс.). При этом количество учащихся практически не изменилось (6687 тыс. и 6886 тыс. соответственно), что свидетельствует об уменьшении доли учеников, приходящихся на одного учителя: явлении, характерном для наиболее благополучных стран и в целом о прогрессивном развитии системы образования. Кроме того, именно в УССР среди учителей фиксируется самый высокий уровень образованности: к 1988–1989 годам 83,3% из них имеют диплом о высшем образовании (в городских поселениях – 85,4%, в сельских – 80,6%), и это максимальный показатель по сравнению с другими союзными республиками. В эти годы УССР занимает второе место среди республик после РСФСР по количеству пединститутов (в 29 из них учатся 146,7 тыс. студентов). Всего же в эти годы в республике насчитывалось 146 ВУЗов, где обучалось 854,0 тыс. студентов. Численность специалистов-выпускников ВУЗов в Украинской ССР совпадала с общесоюзной и составила в 1988 году 27 человек на 10 тыс. человек населения (больше – только в РСФСР и в Белорусской ССР, где этот показатель составлял 30 человек на 10 тыс. населения). Численность профессорско-преподавательского состава ВУЗов (на начало 1988/89 учебного года) в УССР – 63,5 тыс. (из них 5,2% – доктора наук, 52,4% – кандидаты наук) [Народное образование, 1989: с. 7].

В 2013–2014 годах количество общеобразовательных учебных заведений в нашей стране составило 19,3 тыс.; количество учеников в них – 4204 тыс., что в 1,7 раза меньше, чем в 1990-1991 учебном году. За это время количество учебных заведений уменьшилось незначительно – с 21,8 тыс. до 19,3 тыс. Еще одним позитивным моментом является практически неизменное количество учителей: с 1990-го года по 2013 год оно сократилось ненамного – с 537 тыс. до 508 тыс. (2013–2014.) [Общеобразовательные учебные заведения, 2014].

С начала 1990-х годов в Украине постоянно уменьшается количество учебных заведений I–II уровней аккредитации

(с 742 до 478 с 1990–1991 по 2013–2014 годы), и одновременно наблюдается небывалый рост количества учебных заведений высшего (III–IV) уровня аккредитации: в 2 с небольшим раза за тот же период (со 149 до 325), и соответствующее увеличение числа студентов – со 881,3 тыс. до 1954,8 тыс. человек. С 1990-го по 2013 год выпущено соответственно в 2,5 раза меньше специалистов I–II уровней аккредитации, а специалистов III–IV уровней аккредитации – в 3,5 раза больше.

Поствузовское образование в рассматриваемый период также активно развивается: количество аспирантов увеличилось в 2,3 раза, докторантов – в 3,6 раза [Высшие учебные заведения, 2014]. Уровень образованности населения Украины в целом один из самых высоких среди стран Центральной и Восточной Европы, причем наиболее заметный его рост приходится на последние годы. По данным ПРООН, по уровню образованности взрослого населения (в возрасте старше 15 лет) Украина поднимается с 55-го места в 1995 году на 7-е в 2010 году (при этом в показателях ВВП находясь в эти годы на 94-м и 89-м местах) [Доклад о развитии человека, 2010: с. 144]. Все более отставая в экономических показателях, Украина в течение этого периода наращивает образовательный потенциал, причем потребность в получении более высокого уровня образования не только не падает, а вырастает в несколько раз, несмотря на ощутимое подорожание этого социального блага. По данным украинских статистических исследований, за последние 10 лет в стране среди экономически активного населения (15–70 лет) почти на треть увеличилась доля имеющих полное высшее образование [Наукова та інноваційна діяльність в Україні, 2013: с. 8]. Заметим, что в международных исследованиях стране с высоким процентом выпускников, получивших высшее образование, как правило, приписывается больший инновационный потенциал и большая способность двигаться в сектор экономики с высокой добавленной стоимостью, чем стране с низкой долей таких выпускников [Bredt, Sycz, 2007: p. 1].

Для комплексной оценки развития системы образования в международных исследованиях используются сводные

индексы. Рассмотрим в отношении Украины два из них – Индекс экономики знаний (The Knowledge Economy Index – KEI) и Индекс знаний (The Knowledge Index – KI), применяемых Всемирным банком [Индекс экономики знаний, 2013].

Индекс знаний – комплексный показатель для оценки способности страны создавать, принимать и распространять знания (вычисляется из средней величины трех из них – индекса образования, индекса инноваций и индекса информационных технологий и коммуникаций). В Украине он составляет 6,33 балла (из 10 возможных).

Индекс экономики знаний – это среднее по четырем значениям (индекса экономического и институционального режима, индекса образования, индекса инноваций и индекса информационных технологий и коммуникаций – от 1 до 10 баллов по каждой группе показателей). Этот комплексный показатель для оценки эффективности использования знаний страной в целях ее экономического и общественного развития характеризует уровень развития конкретной страны или региона по отношению к экономике знаний. Согласно данным на 2012 год на первом месте (9,43) по этому показателю находится Швеция; Украина – на 56-м (5,73), что на две ступени ниже, чем в 2000 году (в 2009 году Украина заняла 51 место из 145 стран) [Индекс экономики знаний, 2013]. Очевидно, что занимая достаточно высокие позиции в оценке способности к созданию и распространению знаний, Украина отстает в умении применять эти знания. Еще один показатель развития страны – Глобальный индекс конкурентоспособности в Украине по состоянию на 2012–2013 годы составляет 4,14 балла по 7-балльной шкале (или 73-е место среди 144 стран мира); GCI 2013–2014 определяет Украине 84-е место среди 148 стран мира, здравоохранение и начальное образование при этом поставлены на 62-е место в мире (оценены в 5,8 балла по 7-балльной шкале), высшее образование и профессиональная подготовка – на 43-м месте (4,7 балла по 7-балльной шкале). По охвату высшим образованием наша страна занимает 10-е место в мировом рейтинге (81,7%) [The Global Competitiveness Report, 2014: p. 376–377]. Это достаточно

высокие позиции, свидетельствующие о том, что отечественная система образования признается наиболее успешно функционирующей по сравнению с другими институтами общества, и ее уровень в Украине можно назвать соответствующим требованиям современной инновационной экономики, или «экономики знаний».

По данным Всеукраинской переписи населения 2001 года, «не имеют начального общего образования только 3,5% лиц в возрасте 10 лет и старше ... на 1000 человек в возрасте 25 лет и старше приходится 377 человек с высшим образованием. Удельный вес лиц с высшим образованием среди городского населения составляет 46,2%, а среди сельского – 20,7%. Уровень образованности населения, занятого экономической деятельностью, в сроках продолжительности обучения на момент последней переписи составлял 11,5 лет» [Людський розвиток, 2007: с. 183–184], что уже являлось довольно высоким показателем. По данным ESS (Европейского социального исследования)*, к 2011 году этот срок увеличился до 12,7 лет. По данным ПРООН, ожидаемая продолжительность обучения в Украине по состоянию на 2011 год составляет 14,8 года [Доклад о человеческом развитии, 2013: с. 143]. Увеличение сроков обучения является насущной необходимостью как в контексте мировых процессов, так и конкретно для украинского государства, концентрация промышленного производства которого требует соответствующего уровня образования и высокой квалификации кадров. Также важна система эффективной переподготовки и повышения квалификации. Как замечают многие специалисты, для Украины данное требование – это не просто насущная необходимость, но и гарантия безопасности населения страны. «Недостаточный профессионализм кадров рабочих, инженеров и руководителей является не только очевидным тормозом инновационного развития

---

* Сравнительное международное социологическое исследование состоит из четырех волн. Проводится Институтом социологии НАН Украины в рамках общеевропейского мониторингового проекта «ESS», в котором принимают участие более 20 стран Европы. В Украине опросы проводились по общенациональной случайной выборке в 2005–2007–2009–2011 годах под руководством Е. Головахи.

и роста эффективности, но и фактором риска при высокой насыщенности территории страны химическими предприятиями, электростанциями, предприятиями металлургической промышленности. Низкая квалификация персонала превращается в основной фактор риска; возрастает вероятность техногенных катастроф» [Людський капітал, 2011: с. 49]. Украина вынуждена поддерживать высокий уровень обучения и квалификации специалистов как условие своего безопасного существования, и это требование относится ко всей системе образования в стране. Однако степень подготовки кадров в нашей стране, согласно последним данным GCI 2013–2014, оценена в 3,7 балла по 7-балльной шкале (103-е место) [The Global Competitiveness Report, 2013–2014: p. 376–377].

В рамках нашего исследования значительная часть (60%) экспертов отметила «достаточную» обеспеченность украинского государства человеческими ресурсами для эффективного социально-экономического развития общества. Уровень образования населения имеет максимальный балл (3,5 балла из 5) среди всех рассматриваемых составляющих образовательного потенциала ИРЭ в целом. Нормативная значимость уровня образования населения (уровень, который, по мнению экспертов, необходим для ИРЭ) составляет 4,2 балла, а разрыв между необходимой и реальной ролью в данном случае минимален по сравнению с другими составляющими (см. таблицу 2.2). Парадокс заключается в том, что наша страна, имея достаточно сильный образовательный и научный потенциал, способный направить развитие экономики по инновационному сценарию, в экономических показателях приближается к сырьевой модели экономического развития. Доля готовых изделий в украинском экспорте составляет 30-35%, сырья и полуфабрикатов – 65–70% (в мировом экспорте товаров готовые изделия, наоборот, занимают 77,5%, сырье и полуфабрикаты – 12,5%) [Наукова та інноваційна діяльність в Україні, 2013: с. 8].

Негативные процессы, происходящие в украинской экономике сегодня, усиливают ее технологическую несовместимость с развитыми странами, закрепляя за Украиной в системе международного разделения труда роль поставщика

продукции первичной обработки с низкой добавленной стоимостью [Людський капітал регіонів України, 2011: с. 115]. Научоемкость украинского промышленного производства на мировом рынке высокотехнологичной продукции составляет менее 0,1% (в основном это продукция оборонно-промышленного комплекса и авиационной промышленности). Для сравнения: доля США на рынке высокотехнологичной продукции – около 36%, Японии – 30%, Германии – 17%, Китая – 6%, России – 0,5% [Мазур, Пустовойт, 2013].

По данным Государственной службы статистики Украины, инновационной деятельностью в промышленности занимаются 13% предприятий. Всего 3% производств в Украине относятся к 5-му и 6-му технологическим укладам – отраслям, в которых высококвалифицированные специалисты наиболее востребованы и могут работать в соответствии со специализацией [Мазур, Пустовойт, 2013]. Разработки отечественных ученых охотно покупают за границей, практически пятая часть научного потенциала Украины работает на иностранные заказы. В сфере технических наук эта часть составляла в 2007 году 24,6%, в секторе отраслевой науки – 27,2%, в институтах Министерства промышленной политики – 41,4% [В Украине нет инновационного бума, 2009]. Вместе с тем около 40% общего объема новых технологий, необходимых для модернизации отечественной промышленности, были приобретены за пределами Украины. Таким образом, украинские предприятия финансируют не собственную науку, а фактически выступают спонсорами иностранных изобретателей и инноваторов, обрекая тем самым отечественный научный потенциал на невостребованность. Данная ситуация является причиной эмиграции высококвалифицированных кадров из Украины, и это представляет серьезную проблему для ИРЭ. В сфере нанотехнологий ее острота оценена экспертами в 2,5 балла из 5 возможных (вторая по важности проблема после отсутствия мотивации у работников предприятия). Достаточно высокие баллы получили «отсутствие качественной системы повышения квалификации и переподготовки работников» и «неудовлетворительный уровень квалификации работников, подготовленных системой высшего образования Украи-

ны по профилю деятельности предприятия» – соответственного 2,4 и 2,3 балла (см. табл. 4.5).

За последние 22 года в Украине в 3,3 раза уменьшилось количество работников в инновационной сфере (в США и Западной Европе за это время оно увеличилось в 2 раза, в Юго-Восточной Азии – в 4 раза), в 5,5 раз (с 60% до 11,2%) сократилась доля инновационно активных промышленных предприятий (в России их доля составляет 10%, в Польше – 16%, по ЕС – в среднем 60%) [Мазур, Пустовойт, 2013]. Такие темпы падения не могли не сказаться на состоянии отечественного наукоемкого производства и всей экономики в целом.

Стимулом для развития инновационной экономики в Украине могли бы стать прямые иностранные инвестиции. Уровень их вложения свидетельствует о доверии инвесторов к гарантиям государства, о перспективности развития экономики в стране. По показателю передачи ПИИ (прямых иностранных инвестиций) и технологий в нашей стране, которая, согласно GCI, оценена в 3,6 балла из 7, Украина находится на 131-м месте в мире. Индекс инвестиционной привлекательности Украины, вычисляемый Европейской бизнес-ассоциацией, был кардинально снижен в конце 2011 года и с этого времени практически не изменялся. Согласно подсчетам специалистов, за последние годы в Украину не пришел ни один крупный частный инвестор, тогда как покинули украинский рынок свыше 30 иностранных компаний, включая полтора десятка банков, страховые учреждения и металлургическую компанию. Соответственно приток ПИИ сократился в разы даже по сравнению с соседней Российской Федерацией [Формування моделі, 2013: с. 28]. (В отчете Global Investment Trends Monitor за 2013 год в рейтинге стран по объему привлеченных ПИИ по версии ЮНКТАД лидируют США (159 млрд долл.), Китай (127 млрд) и Россия (94 млрд); при этом Российская Федерация совершила в этом году скачок, поскольку получила прямые иностранные инвестиции (ПИИ) на рекордную сумму в \$94 млрд., что на 83% выше аналогичного показателя за предыдущий год) [Global Investment Trends, 2014 р. 376–377]. Кроме того, для развития страны в целом важное значение имеет

то, в какую сферу экономики направляются инвестиции. В развивающихся странах и странах, принадлежащих к группе БРИКС, 25% от общего объема ПИИ направляется на создание новых предприятий лишь в одной машиностроительной отрасли (в Украине на машиностроительную отрасль приходится около 2% ПИИ). Доля ПИИ в украинские промышленные активы остается крайне низкой, большое расхождение существует в отношении информационно-коммуникационных технологий (23,0% в БРИК и 3,7% в Украине). ПИИ в научно-техническую деятельность недостаточны (5,9%), однако относительно переинвестированными выглядят секторы торговли и операций с недвижимостью (12,2% и 7,5% соответственно) [Формування моделі, 2013: с. 28].

О практически полном отсутствии венчурного капитала говорит тот факт, что в рейтинге GCI 2013–2014 по уровню присутствия последнего (Venture capital availability) Украина занимает 120-е место (2,1 балла по 7-балльной шкале) [The Global Competitiveness Report, 2013–2014: p. 376–377]. Субъекты нанотехнологической деятельности в Украине подтвердили недостаточный уровень внешних инвестиций на своих предприятиях (см. раздел 4.2). К проблеме недостаточного объема внешних инвестиций присоединяется технологическая отсталость производства, устаревшая материально-техническая база, которая способствует тому, что производительность труда в Украине в 5–6 раз ниже соответствующего показателя стран ЕС, почти вдвое ниже ее уровня в России [Людський капітал, 2011: с. 139]. Деструктивные процессы в экономике еще больше усугубили ситуацию, понизив ее инвестиционную привлекательность, причем в Украине в кризисные годы сильнее всего пострадали индустриальные регионы страны, показатели безработицы которых в это время приближались к показателям областей с невысоким уровнем развития промышленности (и потому традиционно лидирующих в данном рейтинге). К примеру, в 2009 году сравнивались показатели нагрузки на одно свободное рабочее место в таких областях как Донецкая и Волынская (13 чел.), Луганская и Тернопольская (14 чел.), Запорожская и Черновицкая (25 чел.) [Качество жизни, 2012: с. 189–190].

Все названные взаимосвязанные между собой проблемы (практически полное отсутствие современных предприятий, малый объем инвестиций, устаревшее производство и последствия мирового экономического кризиса) многократно усугубили ситуацию невостребованности интеллектуального и образовательного потенциала украинского общества. Безработица и вынужденные простои предприятия привели, среди прочего, к утрате традиционной преемственности поколений рабочих, а с ней – и передачи опыта, знаний, необходимых на конкретном производстве. Между тем, «высокая квалификация и умение наемных работников, к примеру, машиностроительной промышленности, необходимые для оперативного и качественного изготовления продукции, достигаются при опыте работы в 10–15 лет, и отток кадров приводит к невозможности обеспечения преемственности поколений рабочих коллективов» [Людський капітал, 2011: с. 63].

При том, что высокая профессиональная компетентность признается экспертами наиболее необходимым качеством работника для инновационной деятельности (85% экспертов указали, что она является очень важной), тем более губительны для экономического развития простои предприятий, длительные периоды безработицы, в течение которых квалификация работников ухудшается [Людський капітал регіонів України, 2011: с. 176].

Впрочем, параллельно с этими явлениями спрос на носителей новых технических знаний и компетенций растет как в Украине, так и на мировом рынке труда. Уже сейчас на многих промышленных предприятиях не хватает кадров по таким специальностям, как «электротехника и электро-механика», «машиностроение», «материаловедение», «металлургия и материаловедение», «информатика и вычислительная техника» (в апреле 2013 года КМУ утвержден Государственный заказ на подготовку специалистов, научных, научно-педагогических и рабочих кадров, повышение квалификации и переподготовку кадров для государственных нужд в 2013 году, согласно которому увеличены объемы государственного заказа на данные технические специальности [Людський капітал, 2011: с. 37]).

В мониторинге Института социологии НАН Украины 2013 года более трети опрошенных (37%) признаются, что им не хватает современных научно-технических знаний; в том, что им таких знаний хватает, убеждено почти втрое меньше опрошенных (13%); 23% в целом по массиву отметили, что этот вопрос их не интересует (этот вариант наиболее присущ респондентам с низким образовательным уровнем). На вопрос: «В какой из перечисленных областей Вы хотели бы получить для себя дополнительные знания?» 16% респондентов указали инженерно-техническую сферу (включая компьютерные технологии), 14% – иностранные языки, 12% – юриспруденцию, и это желание вполне соответствует требованиям рынка (меньше всего желающих получить дополнительные знания оказалось у таких отраслей, как военное дело (2,7%), журналистика (2,8%), естественные науки (3,3%)). Примечательно, что основными предметами для сдачи ВНО на Украине после украинского языка и литературы в 2013 году стала именно математика (потеснив историю) [Барашев, 2013: с.4.] (Между прочим, качество украинского математического и естественно-научного образования (Quality of math and science education), согласно GCI 2013–2014, находится на 28-м месте в мире (4,8 балла по 7-балльной шкале) [The Global Competitiveness Report, 2013–2014: p. 376–377].

Тем не менее, инновационным предприятиям приходится затрачивать значительные усилия для поиска и создания кадровой базы, отвечающей их требованиям. В результате именно в инновационном секторе экономики концентрируется мощный кадровый потенциал: по сравнению с традиционным сектором здесь насчитывается вдвое больше работников, самостоятельно стремящихся к повышению квалификационного уровня, читающих специальную литературу (43,4% против 22,9% в традиционном сегменте). Самостоятельно осваивают новые технологии, методики, компьютерные программы 39,5% (против 15,7% в традиционном сегменте), отслеживают научно-технические новинки 28,9% (против 7,5% в традиционном сегменте), получают дополнительное образование, занимаются самообразованием 39,5% (против 18,6% в традиционном сегменте) [Арсентьева,

Харченко, Бусыгин, 2009: с. 168]. В исследовании «Нанотехнологии в современной экономике Украины» на вопрос: «В какой степени знания и квалификация работников Вашего предприятия/организации, которые непосредственно заняты в сфере нанотехнологической деятельности, соответствуют мировым стандартам?» 76% экспертов выбрали вариант ответа «Находятся на уровне мировых стандартов». Оценивая по 5-балльной шкале уровень развития характеристик работников предприятия в целом, эксперты отметили, что «Потребность в постоянном повышении образовательно-квалификационного уровня» составляет 3,67 балла. Таким образом, прослеживается закономерность: для обеспечения ИРЭ необходим высокий уровень образования, а этот прогрессивный сегмент экономики сам впоследствии становится катализатором повышения образовательного уровня.

Стремление к знаниям, даже если они не служат гарантией повышения дохода, является необходимым компонентом инновационной культуры общества. Стремлению людей к постоянному повышению своего образовательно-квалификационного уровня значительную роль в инновационном развитии придают эксперты, оценивая данный показатель в 4,4 балла нормативной значимости из 5; достигнутый уровень такого стремления составляет 2,8 балла. При этом материальные возможности работников по повышению образовательно-квалификационного уровня 58% украинских экспертов оценили как «низкие».

Общественное мнение утверждает, что большинство в украинском обществе согласно (и способно) обновлять свои знания. В мониторинговом исследовании ИС НАН Украины 2013 года почти половина респондентов считает, что для большинства украинских граждан свойственна (и скорее свойственна) «потребность в постоянном росте своего образовательно-квалификационного уровня» (45%), «заинтересованность в содержательной, интересной работе с элементами творчества» (47%), «способность к нестандартным решениям в сложных ситуациях, творческое отношение к работе» (44%).

Актуальность и необходимость повышения квалификации в русле инновационного развития предполагает возник-

новение такой стратегии, как «образование на протяжении жизни», означающей постоянное обновление знаний и навыков. Термин «непрерывное образование» был принят ЮНЕСКО еще в 1967–1968 годах, и именно тогда было вынесено решение о начале широкомасштабных исследований в этой области [Аношкина, Резванов, 2001: с. 41]. В СССР Всесоюзная конференция «Проблемы организации непрерывного образования руководящих работников и специалистов народного хозяйства» состоялась в декабре 1981 года. По итогам ее работы были рекомендованы к рассмотрению такие вопросы, как непрерывное образование в современных условиях социального прогресса и НТР и в системе воспитания трудящихся; психолого-педагогические проблемы непрерывного образования; комплексный подход к обеспечению непрерывного образования. Кажется, эти проблемы не теряют актуальности и в настоящее время.

Основные современные постулаты «непрерывного образования» (или «образования на протяжении жизни») таковы. Во-первых, образование не заканчивается с получением диплома, но является процессом длительностью в жизнь; непрерывное образование характеризуется гибкостью и многообразием содержания, средств, методов и времени обучения [Аношкина, Резванов, 2001: с. 47–52].

В ситуации, когда качественное образование приобретает все большую ценность для конкретного человека и для государства в целом, равенство возможностей и доступность его получения становится одним из основных требований социального развития. При этом многие зарубежные исследователи доказывают необходимость и экономическую выгоду инвестирования также и в дошкольное образование, так как эти инвестиции доказывают свою целесообразность как в индивидуальном, так и в социальном смысле. В настоящее время ЮНЕСКО разрабатывается Индекс целостного развития детей в раннем – до 8 лет – возрасте, участие в построении которого принимают биологи и социологи, установившие (каждый в своей области) важность инвестирования средств в раннее развитие детей для обеспечения их равных возможностей во взрослой жизни. Младший возраст является важнейшим периодом, когда закладываются

основы для достижения успехов в образовании в частности и в жизни в целом (согласно утверждениям психологов, до семи лет человек получает 70% знаний и только 30% – за всю последующую жизнь). Поэтому образование и воспитание детей младшего возраста должны занимать центральное место в программах образования для всех (ОДВ). Программы международной оценки успеваемости (ПМОУ) свидетельствуют, что в 58 из 65 стран 15-летние ученики, посещавшие дошкольные учреждения по крайней мере в течение одного года, демонстрировали более высокую успеваемость, чем их одноклассники, таких учреждений не посещавшие (зависимость доказана эмпирически даже с учетом фактора социально-экономического положения). В Австралии, Бразилии и Германии (также с корректировкой на социально-экономическое положение) преимущество таких учеников в успешности в среднем была эквивалентна одному году школьного обучения [Молодежь и навыки, 2012: с. 17].

Максимально раннее обучение не могут себе позволить семьи с низким материальным достатком, поэтому распространение программ дошкольного обучения – шаг на пути достижения равенства возможностей в обществе. На фоне международного признания данных фактов в Украине продолжается процесс элитизации дошкольного, школьного и высшего образования. Позволить себе дополнительное, не связанное с государственной системой образования обучение детей (в кружках, спортивных секциях, клубах), могут немногие родители. Особенно недоступны такие занятия для семей, проживающих в сельской местности. При этом даже первая (начальная) стадия школьного образования в Украине требует всесторонней подготовки, которая, в свою очередь, недоступна для многих семей со средним доходом. Материально необеспеченные ученики, а также ученики любой сельской местности, уже находящиеся в разных условиях со своими сверстниками из областных центров, практически лишаются шансов на обучение в престижной школе и затем в вузе [Оксамитна, Стукало, 2011: с. 446].

По охвату начальным образованием Украина, согласно Global Competitiveness Index 2013–2014, находится на 94-м месте среди 148 стран мира (91,7%); по охвату средним обра-

зованием – на 54-м месте (94%) [The Global Competitiveness Report, 2013–2014: p. 376–377]. Отметим, что в украинских исследованиях охват детей соответствующего возраста дошкольными учебными заведениями составляет 57% (в 2012 году количество последних составило 16,4 тыс.). Очевидно, что об обеспечении равных возможностей даже на дошкольное образование говорить не приходится (хотя его качество, как отмечалось выше, находится на наиболее высоком уровне среди всех показателей развития страны).

Что касается оценок украинским обществом образовательной системы в целом, то по данным мониторинга ИС НАН Украины 2013, они оказываются на более низком уровне, чем можно было предположить по результатам международных исследований (по качеству образовательной системы в целом GCI 2013–2014 отводит Украине 79-е место (3,6 балла из 7) [The Global Competitiveness Report, 2013–2014: p. 376–377]). Система дошкольного и школьного образования оценивается населением на среднем уровне (на вопрос: «Как вы считаете, благоприятствует ли существующая в Украине система дошкольного и школьного образования формированию интеллектуально развитых, творческих личностей?» 38% отметили, что «скорее и очень способствует», 35% – что «скорее и совершенно не способствует», причем больше отрицательных ответов дают респонденты с высшим образованием – 44% против 33% с начальным и неполным образованием).

Качество школьного образования вызывает замечания и у большинства украинских учителей (в исследовании отдела социальной психологии* Института социологии НАН Украины 65% из них согласны с тем, что «программа основного учебного предмета, который они преподают, требует модернизации в соответствии с запросами и требованиями современного общества»). Несмотря на подобные оценки,

---

* Общенациональное исследование выпускников средней школы 2012 года было проведено совместно сотрудниками Института социологии НАН Украины и Института педагогики АПН Украины в сентябре–октябре 2011 года. Всего было опрошено 1013 выпускников и 1066 учителей старших классов. Выборка репрезентативна, разработана на основе статистических данных Госкомстата Украины. Погрешность выборки в пределах 3,2%.

позитивное отношение к образованию в целом в Украине, как это демонстрируется в эмпирических исследованиях, практически не меняется. Показательно, что в том же исследовании одиннадцатиклассникам было предложено определить наиболее привлекательный для них способ расходования крупной суммы денег; инвестирование в образование заняло третье место (41% опрошенных) после вложения в бизнес (64%) и покупки дома и машины (58%).

Ценность образования (в частности высшего) признается и в массовом опросе, причем такое понимание полностью совпадает с общепринятым в современном мире. («Высшее образование должно рассматриваться как общественное благо, как благо коллективного характера», – говорится в Докладе для ЮНЕСКО международной комиссии по образованию [Молодежь и навыки, 2012: с. 170].) Половина опрошенных в мониторинговом исследовании ИС НАН Украины 2013 года убеждены, что для современного человека высшее образование необходимо в любом случае, а вообще ненужным его считают 12%, «необходимым для достижения успеха в жизни» (прагматическая цель получения ВО) – 38% опрошенных. Безусловная необходимость высшего образования признается в большинстве случаев как жителями сельской местности (50%), так и Киева (67%), и почти на том же уровне – представителями всех возрастов (см. табл. 3.1).

Закономерно, что респондентам с высшим образованием свойственно более положительное отношение к ценности последнего (69% опрошенных), но и респонденты с минимальным уровнем образования почти в половине случаев склонны придавать высшему образованию безусловную ценность

Таблица 3.1

Отношение респондентов к необходимости высшего образования в зависимости от места проживания, 2013, %

<i>Необходимо ли современному человеку высшее образование?</i>	<i>Киев</i>	<i>Большой город</i>	<i>Небольшой город</i>	<i>Село</i>	<i>В целом по Украине</i>
Необходимо в любом случае	67	53	43	50	50
Необходимо для достижения успеха в жизни	29	35	44	36	38
Вообще не нужно	4	12	13	14	12

(47%). Как показывают данные международных исследований, готовность рассматривать расходы на образование в качестве первоочередных свойственна в основном материально обеспеченным слоям населения [Молодежь и навыки, 2012: с. 17]. В Украине эта тенденция также прослеживается: 57% тех, кто получает доход выше прожиточного минимума (в расчете на одного человека), уверены в безусловной необходимости высшего образования для современного человека; при этом разница с другими группами с низким доходом (классифицируемыми как «малообеспе-

Таблица 3.2

Отношение респондентов к необходимости высшего образования в зависимости от дохода, мониторинг 2013, %

<i>Необходимо ли современному человеку высшее образование?</i>	<i>Доход до 1108 грн</i>	<i>Доход от 1109 до 2216 грн</i>	<i>Доход свыше 2217 грн</i>
Необходимо в любом случае	49	49	57
Необходимо для достижения успеха в жизни	38	39	35
Вообще не нужно	13	13	8

ченные») не слишком существенна (49% по каждой из двух групп) (см. табл. 3.2).

В Европейском социальном исследовании оценка состояния украинской системы образования в стране по сравнению с предыдущим опросом ухудшилась: с 4,1 балла (по 10-балльной шкале) в 2005-м году до 3,9 балла в 2011 году. За это время, согласно данным ESS, вырос другой показатель – количество лет обучения – с 11,28 до 12,71, и по нему Украина находится в десятке стран с самым длительным сроком получения образования, хотя уровень последнего оценивается очень низко (уровнем своего образования полностью удовлетворены всего 11% респондентов). Показатель общей удовлетворенности растет пропорционально с размерами населенного пункта, и соответственно самым высоким оказывается в Киеве.

К тому же столица имеет самый высокий по стране уровень эффективности использования человеческого капитала

в экономической деятельности. В 2008 году данный показатель был самым низким в 16 регионах страны; средним – в 8 регионах; Днепропетровская и Одесская области относятся к регионам со значительной эффективностью использования ЧК. В большинстве регионов уровень использования ЧК ниже уровня его развития [Людський капітал, 2011: с. 141]. Связано это прежде всего с несоответствием структуры занятости потребностям развития экономики. Между тем, абсолютное большинство экспертов признает нормативное значение соответствия структуры занятости требованиям инновационного развития экономики на уровне 4,0 баллов из 5 возможных (оценка достигнутого уровня намного ниже и составляет 1,6 балла, и это одно из самых низких значений составляющих социального потенциала) (см. таблицу 2.1). Таким образом, неадекватная современным вызовам структура экономики и несоответствие профессиональной квалификации занятых запросам рынка труда напрямую влияют на формирование человеческого капитала в целом и образовательного потенциала в частности, превращая их в номинальный, а не реальный фактор развития. В результате «вместо высокопроизводительной экономики знаний... может сформироваться нечто противоположное – не имеющая аналогов и прецедентов экономика невостребованных знаний (или даже псевдознаний)» [Поддьяков, 2012: с. 16].

Доля неиспользуемого образовательного потенциала населения ощутимо вырастет, если включить в анализ ситуацию с выпускниками вузов, которые работают не по специальности. Работа по специальности гарантирует большую отдачу для общества в целом и для отдельного человека в частности, чем работа не в своей профессиональной сфере и не в соответствии с квалификацией. По данным социологического мониторинга Института социологии НАН Украины в 2013 году 27% респондентов с высшим образованием заявили о несоответствии последнего характеру их работы. Согласно данным этого мониторинга, характер работы и профессионально-образовательный уровень в наибольшей степени совпадали у жителей Киева (42% респондентов отметили это), тогда как в сельской местности этот показатель минимален – 22%. Чуть более четверти опрошенных

Таблица 3.3

**Распределение ответов на вопросы:
«Отвечает ли характер Вашей нынешней работы
Вашему профессионально-образовательному уровню?»
и «Ваше образование», 2013, %**

<i>Варианты ответов</i>	<i>Начальное, неполное начальное</i>	<i>Среднее общее</i>	<i>Среднее специальное</i>	<i>Первая ступень высшего</i>	<i>Полное высшее</i>
Да	11	26	37	44	50
Нет	21	29	29	19	27
Затрудняюсь ответить	7	11	10	15	6
Сейчас не работаю	61	34	24	22	18

в целом по массиву отмечают противоположное. Соответствие работы профессионально-образовательному уровню возрастает с повышением уровня образования почти в пять раз (с 11% до 50% опрошенных) (см. табл. 3.3).

Ценность самореализации в профессиональной деятельности имеет важное значение для ИПЭ: ее нормативная значимость, или необходимый для такого развития уровень, оценен экспертами в 4,4 балла (а достигнутый уровень – в 3,0 балла).

С другой стороны, ИПЭ сопровождается изменениями требований к квалификации во многих профессиях, исчезновению ряда профессиональных групп; переквалификация и переподготовка в таком случае являются надежным средством повышения эффективности использования человеческого капитала, ведь институт образования часто не в состоянии быстро приспособиться к темпам изменений на рынке труда. Фактор времени зачастую снижает ценность образования. По мнению З.Баумана, «оно уже с трудом конкурирует с рыночной ценностью повышения квалификации на рабочем месте и даже с ценностью краткосрочных курсов и семинаров, проводимых в выходные дни. Утрата общедоступности и относительной дешевизны лишила университетское образование еще одного преимущества, возможно даже решающего» [Бауман, 2001]. На Украине ценность

высшего образования не снижается, но необходимость переквалификации является актуальной, ведь среди незанятых доля лиц с высшим образованием достигает трети. Этот потенциал следует задействовать в экономике в первую очередь, поскольку в данном случае переквалификация не требует таких больших затрат, как получение высшего образования. Отсутствие же условий для профпереориентации ведет к социальной напряженности, маргинализации тех, кто не смог или не имел возможности включиться в ритм изменений. В свою очередь, наличие значительной доли бедных и маргинальных слоев, социальная поляризация являются тормозом для развития творческого потенциала в обществе [Иванов, 2013: с. 29]. Повышение квалификации и получение дополнительного образования работниками признается гораздо менее затратной статьей расходов, чем приобретение оборудования, приборов, организация производства и покупка материалов, привлечение высококвалифицированных специалистов; в экспертном опросе «Нанотехнологии в современной экономике Украины» ее стоимость находится на шестом месте из десяти (или 2,5 балла из 5). Вполне определенно можно утверждать, что переподготовка – одна из характерных черт современного общества. «Если человек не хочет быть отодвинут на второй план, дистанцирован, дисквалифицирован, то он должен принять необходимость «обновлять» свои познания, свое умение, вообще свой «операционный багаж» на рынке труда» [Бодрийяр, 2006: с. 88].

Развитие новых отраслей экономики, способных запустить процесс получения и обновления знаний, убежденности в необходимости последнего, в решающей роли знаний в жизни человека и общества должно стать основой экономической политики государства. К сожалению, воплощение такого сценария в жизнь вызывает сомнения не только у основной массы населения, но и у экспертов. Хотя международный опыт доказывает, что при создании в государстве соответствующей правовой системы, стимулирующей развитие инновационных отраслей экономики, заинтересованности последнего в коммерциализации результатов интеллектуального труда инновационная деятельность заметно активи-

визируется, становясь за короткое время катализатором роста экономики. Необходимо отметить, что в 2008 году Кабинетом Министров Украины утверждена Государственная целевая экономическая программа «Создание в Украине инновационной инфраструктуры» на 2009–2013 годы, реализация которой должна была создать основу для активизации инновационной деятельности, создания инновационной и научно-производственной инфраструктуры. Закон Украины о приоритетных направлениях инновационной деятельности (с изменениями от 08.09.2011) [Закон України, 2012] признает одним из основных принципов государственной инновационной политики, ориентированной на инновационный путь развития экономики, создание условий для сохранения, развития и использования отечественного научно-технического и инновационного потенциала; обеспечение взаимодействия науки, образования, производства, финансово-кредитной сферы в развитии инновационной деятельности. На 2011–2012 годы Программой были предусмотрены расходы государственного бюджета на общую сумму 60550 тыс. грн, однако фактически государственное финансирование не осуществлялось... [Формування моделі, 2013: с. 65].

Оценка экспертами действий государства в сфере ИРЭ (см. таблицу 2.1) свидетельствует также о том, что оно не проявляет заинтересованности в сбережении и развитии образовательного потенциала. В понимании инновационного развития забывается изначальное значение слова инновация как чего-то абсолютно нового (не купленного за границей, не усовершенствованного, а созданного благодаря образовательному потенциалу всей страны, работе учреждений всех уровней образования, начиная с дошкольного и заканчивая поствузовским, которые занимались подготовкой и обучением кадров). Это убеждает нас в том, что создание инновационной системы не может быть результатом действия стихийных процессов рыночной экономики, но предполагает взаимодействие общественных и государственных институтов, образовательных учреждений и бизнеса для формирования долгосрочной перспективы развития [Иванов, 2013: с. 20].

Интеллект и знания, становясь одним из главных потенциалов страны, причем единственным возобновляемым ре-

сурсом, должны использоваться максимально эффективно, в противном случае этот ресурс оказывается достоянием других государств и обществ. Образовательный ресурс должен работать на экономику сформировавшей его страны; утечка мозгов дорого обходится стране не только в смысле потери вложенных в образование средств (хотя по некоторым подсчетам затраты и упущенная выгода от эмиграции одного специалиста с высшим образованием, ученой степенью оцениваются в 300 тыс. долл. [Людський розвиток, 2007: с. 183]). По данным Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М.Доброва, в Украине с 2010 года наблюдается тревожная тенденция переезда научных кадров на постоянное место жительства за рубеж (21 человек в 2011-м году, 29 – в 2012 году, тогда как в 2010 году их количество не превышало 4) [Національна академія наук України, 2014; с. 123].

Страна не имеет права потерять свой образовательный потенциал в первую очередь – из-за высокой концентрации производства в стране на сегодняшний момент, во-вторых – для сохранения возможности претендовать на роль страны, способной обеспечить инновационное развитие своей экономике. В этом отношении безусловным преимуществом Украины является структура охвата образованием всех слоев общества; существование достаточно сильных научных школ и университетов, дающих фундаментальные знания. Наличие ученых и инженеров в нашем государстве оценивается в 4,5 балла из 7 (46-е место в мире) [The Global Competitiveness Report 2013–2014: p. 376–377]. Следующим бесспорно благоприятным явлением нужно признать позитивное отношение большинства в украинском обществе к получению образования. Несмотря на экономический кризис и невысокий уровень жизни большинства населения в Украине, ее жители, в отличие от жителей многих стран, в том числе и европейских, не реагируют на ухудшение экономической ситуации отказом от получения образования, стремятся обеспечить своим детям возможность получить высокий уровень последнего. Доля выпускников 9-х классов, продолжающих обучение для получения полного общего среднего образования, довольно высока (в 1997-м году –

96%, в 2000-м году – 97,7%, в 2008-м году – 99,7%) [Людський капітал, 2011: с. 85]. И хотя поступающих в вузы с каждым годом становится на 2–3% меньше (причина – в демографическом «провале» конца 1990-х годов), из числа выпускников школ на ВНО регистрируется примерно 80–90% [Барашев, 2013: с. С 4], именно такое количество учеников испытывает потребность в продолжении своего обучения.

Высшее образование может показаться недостижимым (либо отложенным) приобретением при низком уровне жизни, но этого не происходит, и его ценность остается неизменной, в том числе для молодого поколения, что крайне важно для развития информационного общества. Позитивной тенденцией в развитии образовательного потенциала является численность занятого населения по виду экономической деятельности «образование»: в 2009 году работники образования составляли в общей структуре занятых в Украине 15,5%, тогда как в Германии – 5,9%, в Великобритании – 9,1%, во Франции – 6,4%, в США – 9,1%, в России – 9,7% [Витренко, 2011: с. 10].

Конечно, образовательная система Украины нуждается в большем бюджетном финансировании, во внедрении новых технологий (ведь доступ к Интернету в школах в мировом рейтинге GCI 2013–2014 находится на 70-м месте, составляя 4,3 балла из 7 [The Global Competitiveness Report, 2013-2014: р. 376–377]), в повышении престижности профессии учителя. Негативные тенденции, такие как ограничение доступа ко всем уровням образования, начиная с дошкольного (так называемая элитизация образования), недоступность стратегии «непрерывного образования» также служат преградой для ИРЭ. Еще одним негативным элементом в отношении общества к образованию сегодня может стать подмена ценности полученных знаний (которые, как оказывается впоследствии, в трудовой жизни могут не потребоваться) ценностью диплома. В результате основными формами выполнения курсовых, реферативных и дипломных работ становятся чужие мысли, взятые из Интернета [Лузан, 2009: с. 94–95]. Исчезает мощная мотивация к обучению и самообучению, к самостоятельному поиску

новых знаний, являющаяся обязательной предпосылкой существования человека в условиях развития инновационного общества.

Однако в целом в украинской образовательной системе присутствуют такие обязательные условия для развития экономики знаний, как образовательная инфраструктура и глубокие традиции прикладной и фундаментальной науки, создания сложных технических систем.

Заинтересованность и выгода государства и общества от развития инновационного сектора экономики очевидна, ведь такой ценный общественный ресурс, как образовательный и научный потенциал украинского общества способен обеспечить инновационное развитие вместо сырьевого (которое не может быть перспективным и адекватным современным условиям мирового развития). Отсутствие государственной поддержки в процессах воспроизводства и задействования интеллектуально-образовательного потенциала общества представляет для страны серьезную опасность, связанную с усилением зависимости от импорта новых технологий и готовой продукции высоких переделов, что почти наверняка окончательно разрушит отечественный образовательный потенциал, который и без того долгое время находится в ситуации невостребованности и недооцененности. Только *использование, применение знаний* может выступать стимулом экономического прогресса [Кочетков, Кочеткова, 2013: с. 6]. Массовое же создание новых знаний (как и распространение знаний с помощью образования) не обеспечивает автоматически такого развития, хотя и является социально полезным.

3.2. Научный потенциал инновационного развития экономики Украины

Наука является сложным и многогранным феноменом, который можно рассматривать с разных точек зрения. В культурологическом аспекте это компонент культуры, форма передачи позитивного опыта. В логико-гносеологическом – система знаний, особенная форма общественного сознания. С точки зрения деятельности наука суть особенная деятельность, направленная на получение и применение

ние знаний. С точки зрения практики это непосредственная, производственная, практическая сила общества, которая преобразовывает как материальное производство, так и духовную сферу. С институциональной точки зрения наука является особым социальным институтом, который придает постоянство и определенность общественным отношениям, а также ускоряет общественное развитие. В информационном плане это система, созданная для сбора, обработки и анализа информации.

Таким образом, наука – это система знаний, процесс их получения и применения, а также результат специализированной деятельности, организованной целевым образом и обеспеченной методически и материально.

В настоящее время роль науки как основного катализатора социально-экономического развития становится не просто более заметной, а по сути решающей. Многие ученые предсказывали подобное развитие событий еще несколько столетий назад (К. Маркс, например, изучая капиталистический способ производства, пришел к заключению о решающей роли науки в будущем человечества и ее превращении в производительную силу общества.)

При этом развитие современной науки – достаточно затратный в материальном плане процесс, поэтому на сегодня в мире фиксируется максимальная за всю историю человечества доля государственных расходов на научные исследования. Страны, претендующие на роль лидеров мирового масштаба, отличаются наибольшими расходами на научную деятельность и связанный с ней высокотехнологичный сектор экономики, причем большие объемы финансирования этой сферы оказываются вполне оправданными.

Чтобы понять приоритетность ИРЭ, развитым странам понадобилось не так много времени; с начала 1970-х внимание к инновационным процессам в экономике привлекается сначала в Европе (во Франции, Бельгии), затем, в 1980-е годы – в ФРГ, в Канаде, и далее по всему миру: в Сингапуре, Австралии, Бразилии, Индии, Малайзии, Китае, Японии. К 1998 году сумма федеральных бюджетных ассигнований на НИОКР в США превышает 75 млн долл. [Инновационный потенциал, 2007: с.30].

В конце XX века в странах Евросоюза на государственном уровне поставлена задача повышения удельного веса затрат на НИР до 3% ВВП. (На Украине этот показатель составляет, в соответствии с национальным законодательством, 1,7% ВВП.) Швеция, Финляндия и Дания этот показатель превзошли, но в целом ЕС отстает по нему от США, Японии и Кореи. С 1995-го по 2008 год затраты на НИР в ЕС увеличились на 50%, в США – на 60%, в Японии, Корее, Сингапуре и Тайване – на 75%. Явный скачок в динамике финансирования НИР произошел в Китае, за указанный период оно выросло в 9,5 раз [Иванов, 2013, с. 19]. Как видим, накануне мирового экономического кризиса ведущие экономики стабильно наращивали свой научный потенциал.

В период экономического кризиса затраты на социально значимые программы, как правило, сокращаются. Однако если рассматривать затраты, связанные с НИОКР, то в ведущих мировых экономиках этого практически не происходит, что наглядно демонстрирует экономическую целесообразность таких вложений. Для большинства стран характерно почти полное отсутствие негативного влияния мирового кризиса на величину затрат на НИОКР. К примеру, в США ответом на кризисные явления в экономике было принятие законов о срочной экономической стабилизации, содержащих конкретные меры по поддержке инновационных процессов и инвестиций в НТР. Большинство европейских компаний в период мирового экономического кризиса поступили аналогично – увеличили свои расходы на НИОКР. Общие расходы по данной статье в ЕС росли, и несмотря на кризис, и в 2012 году приблизились к 340 млрд долл., или к 78% от уровня США. На сегодняшний день самые высокие расходы на НИОКР по их доле в ВВП имеют Израиль, Япония, Финляндия, Швеция, Германия и Франция [Кудров, 2013: с.6].

Согласно рекомендациям ЮНЕСКО для устойчивого развития экономики современное государство обязано выделять на науку не менее 2% своего ВВП. Как подтверждает мировой опыт, при показателе ниже 0,4% ВВП, выделяемого на науку, последняя может выполнять исключительно

социокультурную функцию. Лишь немногим большие затраты могут обеспечить некоторые научные результаты и предоставить возможность науке выполнять в обществе еще и познавательную функцию. И только при затратах, превышающих 0,9% ВВП страны, активизируется экономическая функция науки.

Для интенсивного научно-технического развития темпы роста инвестиций в высокотехнологичный сектор должны превышать темпы роста ВВП, и это связано прежде всего с особенностями ведения научных разработок, результат от которых невозможно получить за короткое время. При этом необходимо уточнить, что научные разработки должны иметь базисный характер, то есть основываться на оригинальных идеях, новых направлениях исследований, иметь глобальный, а не локальный характер [Анисимова, 2013].

В отношении Украины первоочередными мероприятиями по обеспечению ИР со стороны государства, по мнению большинства экспертов (69%), должны быть «обеспечение партнерства государства, бизнеса и науки». На деле партнерство государства, бизнеса и науки, по оценке тех же экспертов, практически не осуществляется. По уровню правительственных закупок передовых технологических продуктов (Gov't procurement of advanced tech products) Украина, согласно индексу GC, находится на 118-м месте в мире (3 балла из 7) [The Global Competitiveness Report, 2014: p. 376–377].

Стимулирующее инновационное развитие государство может обеспечить разными способами: созданием научных и исследовательских институтов, финансированием научных организаций (которое может быть как прямым, так и по отдельным статьям), налоговой политикой, разработкой организационно-правовых инструментов, мотивационных механизмов вовлечения научных ресурсов общества в производственный процесс и т.п. Не вызывает сомнений, что именно государство, а не частный бизнес в состоянии инициировать процессы воспроизводства интеллектуального потенциала, брать на себя финансово и организационно высокие исследовательские риски, содействуя формированию платежеспособного спроса на интеллектуальные ре-

сурсу и созданию национального рынка научных идей, разработок и инновационных товаров [Татаркин, 2011: с. 691].

Необходимым условием становится государственное стимулирование не столько прикладных, сколько поисково-теоретических программ, ведь частный бизнес зачастую заинтересован в поиске максимальной прибыли и минимального риска и при инвестировании средств в высокие технологии закономерно ожидает быстрого получения готового продукта, однако ожидания эти зачастую не оправдываются. Роль государства в данном случае заключается в том, чтобы по возможности максимально обеспечивать финансирование таких исследований, в которых не заинтересован частный бизнес, но которые при этом являются перспективными в развитии конкретного научного направления. Для этого у государственных структур есть свои механизмы, один из которых доказал эффективность в разных политических и экономических системах – это создание и концентрация научно-исследовательских институтов как основных производителей базисных инноваций [Вагин, 2009].

В странах-лидерах инновационного развития научные разработки осуществляются в специальных центрах, объединяющих образование, науку и производство. Крупными они являются не только по размерам занимаемых площадей, но и по материальному обеспечению. Так, годовой бюджет Техасского университета – 3 млрд долл., Стендфордского – 1 млрд долл., Манчестер метрополитен-университета – 1 млрд долл. [Инновационный потенциал, 2007: с.31].

Такая концентрация компаний, ученых, изобретателей, предприятий обеспечивает не только большое количество научных открытий, но и коммерческий успех последних (примером служит знаменитая Силиконовая долина, всемирно известный центр инновационных технологий, успешно привлекающий инноваторов со всего мира (в 2010 году 30% стартапов здесь были созданы иммигрантами)). К тому же, это еще и эпицентр многочисленных венчурных проектов (40% венчурных инвестиций США) [Инновационный потенциал, 2007: с.106].

Опыт партнерства науки, бизнеса и власти, воплощенный в проекте Силиконовой долины и продемонстрировавший серьезный технологический прорыв, уже в середине 1990-х

был описан социологами Г.Ицковицем и Л. Лейдесдорфом. Ученые назвали этот феномен *моделью тройной спирали* (Triple Helix Model). Модель была доработана до практического применения шведскими специалистами как технология образования инновационных кластеров и национальных инновационных систем, став предметом для изучения в университетских курсах экономической теории не только в странах-членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и ЕС, но также в развивающихся и переходных экономиках Азии и Латинской Америки [Дж. Мокир, 2012: с. 106–109].

Механизм кластерной политики применяется сегодня на практике многими развитыми странами мира, такими как Германия, Дания, Норвегия и Финляндия. Этот механизм используют также отдельные компании, которые, становясь участниками кластеров, получают вчетверо больше возможностей повысить инновационную активность, чем развивающиеся вне рамок подобных сетевых объединений [Інноваційний розвиток промисловості, 2013: с. 54].

В нашей стране неоднократно предпринимались попытки создания подобной кластерной системы, в числе которых такие проекты как «Концепция создания кластеров в Украине» (2008 год), «Национальная стратегия формирования и развития трансграничных кластеров» (2009 год), «Создание в Украине инновационной инфраструктуры» (2009–2013 год). Однако фактически бюджетное финансирование данных проектов не осуществлялось, что стало основной причиной отсутствия инновационной инфраструктуры в стране. До настоящего времени данная проблема остается наиболее острой в реализации ИРЭ. Неудивительно, что по кластерному развитию (State of cluster development) Украина находится на одном из последних мест в мире (136-е из 148 возможных, 2,9 балла из 7) [The Global Competitiveness Report, 2014: p. 376–377]. Такая оценка существующему развитию кластеров дается несмотря на существование в Украине 11 центров коммерциализации интеллектуальной собственности, 12 технопарков, 20 инновационных центров, 24 инновационных бизнес-инкубатора, 15 центров научно-технической и экономической информации.

Подтверждением столь низкого места в международном рейтинге в данном случае является мнение отечественных экспертов о достигнутом уровне развитости институтов инновационной инфраструктуры Украины; последний характеризуется как достаточно низкий (1,7 балла из 5). При этом значимость нормативной роли развитости институтов инновационной инфраструктуры в ИРЭ составляет 4,4 балла. Таким образом, ключевое звено в ИРЭ – инновационная инфраструктура – сейчас практически отсутствует в Украине, а различные технопарки, бизнес-инкубаторы и центры трансфера технологий представляют собой отдельные элементы инновационной инфраструктуры, которые, несмотря на высокую степень востребованности, не способны эффективно использовать весь научный потенциал украинского общества [Інноваційний розвиток промисловості, 2013: с.55].

Один из немногочисленных и безусловно успешных примеров развития кластера в Украине – всемирно известный технологический парк «Институт электросварки имени Е.О.Патона». В течение 2000-2008 годов технопарком было реализовано инновационной продукции на сумму 8,8 млрд грн, что составляет 71,7% от всей инновационной продукции, реализованной в отмеченный период украинскими технопарками. До 2015 года здесь планируется увеличить долю проектов парка пятого технологического уклада с 20% до 40%, шестого – с 20% до 30% [Інноваційний розвиток промисловості, 2013. с. 36]. Среди других менее крупных проектов можно отметить киевский технопарк «Полупроводниковые технологии и материалы, оптоэлектроника и сенсорная техника», харьковский Институт монокристаллов и донецкий «Углемаш», обеспечившие государству прибыль от реализованной инновационной продукции на сумму 4,1 млрд грн. Остальные подобные проекты государства менее успешны.

Что касается развития научного потенциала в промышленности в целом, то в 2012 году предприятия Украины потратили на инновации 11,5 млрд грн, из них 70,1% было направлено на приобретение машин, оборудования и программного обеспечения, и только 10,4% – на проведение научно-исследовательских работ [Інноваційний розвиток промисловості, 2013: с.5]. Таким образом, отечественные

предприятия более чем две трети расходов на инновационную деятельность направили на разработки, сделанные за пределами страны, иначе говоря, в зарубежный научный потенциал. Выбор подобного варианта экономического развития, ведущим принципом которого становится закупка готовой продукции и оборудования, предопределяет отвлечение средств от инвестиций в отечественный сектор исследований и разработок. Результатом такого неиспользования научного потенциала закономерно будет как экономический проигрыш, заключающийся в снижении инновационной составляющей в стоимости конечной продукции и падении цен на нее в будущем, так и отставание страны в социальном и человеческом развитии [Карачаровский, 2013: с.66]. Хотя, к сожалению, более трети украинских экспертов считают именно такой путь развития экономики наиболее вероятным для Украины, когда на вопрос: «Какое из инновационных направлений экономического развития в наибольшей степени соответствует реальным условиям современного украинского общества?» 35% из них отмечают вариант «Заимствование и использование зарубежных инноваций». Четверть ответивших (27%) – за «Импорт зарубежных инновационных товаров»; «Разработку, внедрение и распространение (в том числе за рубежом) собственных инноваций» как наиболее вероятный способ развития отечественной экономики признают 23% экспертов.

Кроме негативных экономических последствий первые два отмеченных варианта развития скорее всего приведут к деградации или оттоку высококвалифицированных специалистов; возникающая при этом ситуация отсутствия молодого пополнения в научных коллективах создает реальную угрозу потери преемственности научных традиций и разрыва поколений. Развитые страны давно используют практику накопления интеллектуальных ресурсов, в том числе с помощью «импорта мозгов», и перенос в слаборазвитые страны «низкоинтеллектуальных» производств. А государства-лидеры, наоборот, концентрируют у себя наиболее современные, высокорентабельные информационно-интеллектуальные (инновационные) технологии. По сути в способности удерживать таланты (Country capacity to retain

talent) наша страна уже сейчас находится на угрожающе низком уровне (2,0 балла из 7 и 140-е место среди 148 стран мира); по способности привлекать таланты (Country capacity to attract talent) – на 136-м месте (2,1 балла из 7) [The Global Competitiveness Report , 2014: p. 376–377].

Талант, креативное мышление молодых и образованных специалистов являются наиболее ценным ресурсом для инновационной экономики, и наиболее востребованным видом человеческого капитала в странах-поставщиках технологий является инноватор, изобретатель. Вопреки этому, украинский рынок труда формирует спрос скорее на исполнителей, запуская механизм формирования совершенно иной цели подготовки специалистов, иной концепции образования в целом. Нетрудно представить, что такие процессы в конце концов приведут к негативным последствиям в экономическом развитии, предопределяя будущий сценарий привлечения технологий и тех же специалистов из-за рубежа [Карачаровский, 2013: с.54–55].

Поэтому система получения знаний (квалификации), должна быть результатом продуманной политики государства, реализованной в отечественной экономике. Безусловно верно утверждение о том, что «экономика, располагающая ресурсами человеческого капитала и развитой наукой, имеет в долгосрочной перспективе лучшие шансы роста, чем экономика, лишённая этих преимуществ» [Людський капітал регіонів України, 2011: с. 25]. Однако эти шансы должны реализовываться, причем в собственной стране, способствуя как социальному, так и экономическому прогрессу.

В украинской экономике доля инновационно активных предприятий, в которых высококвалифицированные специалисты наиболее востребованы и могут работать по специальности, составляет чуть более одной десятой от общего количества насчитываемых в стране производств, и только менее 5% производств в Украине относится к 5-му и 6-му технологическим укладам. Поэтому для создания завершённого цикла инновационной деятельности в промышленности – от изобретения до внедрения в производство – необходимо, кроме признания преимуществ ИРЭ на самом высоком уровне, наличие развитого производства соответствующего уклада.

В противном случае в существующих условиях развития общества невостребованных научных знаний на Украине научный потенциал обречен на медленный распад до уровня, когда его восстановление займет не одно десятилетие (ведь пригодность невостребованного в течение длительного времени специалиста к инновационной деятельности, знания по некоторым сферам которой кардинально обновляются каждые пять лет, вызывает сомнения) [Татаркин, 2011: с.687].

Любые инновационные технологии основаны на научно-технических разработках, которые, в свою очередь, осуществляются на базе научного потенциала, существующего в стране (о важности базиса для него – образовательного потенциала общества – шла речь в предыдущем параграфе). Необходимо добавить, что создание научно-образовательной базы требует кропотливых и длительных усилий, огромных средств, возможностей государства, результаты которых можно оценивать лишь десятилетия спустя.

Украина, обладая образовательным и научным потенциалом достаточно высокого уровня, объявила ориентацию на инновационный путь развития экономики основным принципом государственной политики [Закон України, 2012]. В числе приоритетных было названо создание условий для сохранения, развития и использования отечественного научно-технического и инновационного потенциала, обеспечение взаимодействия науки, образования, производства, финансово-кредитной сферы в развитии инновационной деятельности; осуществление мер в поддержку международной научно-технологической кооперации, трансфера технологий, защиты отечественной продукции на внутреннем рынке и ее продвижение на внешний рынок; финансовая поддержка, осуществление благоприятной кредитной, налоговой и таможенной политики в сфере инновационной деятельности; содействие развитию инновационной инфраструктуры. Однако при этом финансирование науки на Украине в последние годы опустилось до уровня слаборазвитых стран Африки. Это напрямую привело к тому, что в течение 2008–2012 годов снизился уровень способности осуществлять инновационную деятельность, сократились расходы компаний на осуществление НИОКР и объемы закупок государством высокотехнологичных товаров. Также отмечается низкий

уровень сотрудничества в опытной деятельности между учебными заведениями и промышленностью, снижение количества зарегистрированных патентов на изобретение, обеспеченности учеными и инженерами [Інноваційний розвиток промисловості, 2013: с.144].

Результатом данных процессов стало то, что прирост ВВП за счет внедрения новых технологий, достигающий в развитых странах 60–90%, в Украине составляет 0,7%. Неудивительно, что по данным отчета ВЭФ, Украина в 2013 году занимала 93 место среди 148 стран мира по субиндексу «Инновации» (3,0 балла из 7). Технологическая готовность страны (Technological readiness) определяется 94-м местом (3,3 балла), наличие исследовательских и учебных услуг (Availability of research and training services) – 92-м (3,9 балла), способность к инновациям (Capacity for innovation) – 100-м местом (3,2 балла) [The Global Competitiveness Report, 2014: р. 376-377]. Что касается высококвалифицированных человеческих ресурсов, то уменьшение их количества стало продолжением технологического отставания в промышленности. В целом за годы независимости, по данным аналитиков НАН Украины, в стране в 5 раз (с 56% до 11,2%) упала доля инновационно активных промышленных предприятий (в Польше их доля составляет 16%, в ЕС – в среднем 60%). Соответственно в 3,3 раза снизилась численность работников в инновационной сфере (в то же время в США и Западной Европе она выросла в 2 раза, а в Юго-Восточной Азии – в 4 раза); в 3,5 раза уменьшилось количество исследователей в области технических наук; в 14,3 раза уменьшилось освоение новых видов техники [Мазур, Пустовойт, 2013].

По данным Центра исследования научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М.Доброва, с 1995-го по 2012 год количество ученых с докторской степенью, занятых на промышленных предприятиях и научно-производственных объединениях, сократилось в 1,8 раза (с 82 до 45), ученых с кандидатской степенью – в 1,4 раза (с 1298 до 885) [Національна академія наук України, 2014; с. 45, 47]. В Украине сегодня почти две трети от общего количества докторов и кандидатов наук, занятых научной и научно-технической деятельностью, работают в академических учреждениях; 20% ученых работают в отраслевых научных орга-

низациях, 12% – в высших учебных заведениях и только 0,7% – в заводском секторе [Інноваційний розвиток промисловості, 2013: с. 60]. В то же время в ЕС большинство ученых, занятых исследованиями и разработками, работают непосредственно в сфере производства, обеспечивая присутствие науки в производственном процессе.

В целом украинская наука в концентрированном виде воплощена в Национальной академии наук, которая в ноябре 2013 года отметила 95-ю годовщину своей деятельности*. За это время Национальная академия наук Украины внесла весомый вклад в дело построения независимого украинского государства и развитие общества в инновационном направлении. «Научными учреждениями НАН Украины в 2012 году внедрено в разные отрасли экономики более 1700 новейших разработок, среди которых передовые технологии, в том числе информационные, машины, оборудование, материалы, автоматизированные комплексы и системы, программные продукты, базы данных и базы знаний,

---

* Главная украинская научная институция – Академия наук – была основана 27 ноября 1918 года, в день проведения установочного общего заседания (общего собрания) Украинской академии наук. Этому событию предшествовала плодотворная работа комиссий во главе с академиком Владимиром Вернадским по подготовке законопроекта об основании Академии наук и разработке ее устава. И 14 ноября этого же года гетман Павел Скоропадский утвердил одобренный Советом Министров «Закон об основании Украинской академии наук в г. Киеве», а также указ о назначении первых действительных членов УАН.

Создание Академии наук в Украине стало возможным благодаря атмосфере активного национально-культурного возрождения, господствовавшей в обществе в конце XIX – начале XX веков, а также подвижнической деятельности отечественных деятелей науки, образования и культуры. Создание Академии наук суть воплощение мечты украинской интеллигенции о создании в Украине высшей научной институции, способной организовать научно-исследовательскую деятельность людей и направлять ее достижения на службу украинскому народу.

Заботы по созданию Академии взяло на себя Украинское государство. При этом была принята концепция, согласно которой в рамках Академии должны осуществляться исследования не только в области социогуманитарных, но и естественных, и технических наук. Организационные формы и методы деятельности Академии детерминировались ее правовым статусом, нормативным закреплением прав и обязанностей. Этот статус имел два уровня регуляции: государственный

сорта растений, методические рекомендации и методики, стандарты... НАН Украины задействована в выполнении около 300 контрактов с корпорациями, компаниями и предприятиями 36 стран мира» [Національна академія наук України, 2014; с. 12].

Среди исследователей (научных и инженерно-технических работников, профессионально занимающихся научными исследованиями), доля имеющих научную степень (докторов и кандидатов наук) с 2000-го по 2012 год возросла (первых – с 2,8% до 6,5%, вторых – с 15,4% до 23,1%) [Національна академія наук України, 2014; с. 36].

Однако невзирая на то, что численность докторов и кандидатов наук растет, часть тех, кто осуществляет научную и научно-техническую деятельность, неуклонно сокращается. Удельный вес докторов наук, которые занимаются научной и научно-технической деятельностью, с каждым годом уменьшается: в 2000-м он составлял 39,7%, в 2005-м – 35%, а в 2009-м – 31,7%. Удельный вес кандидатов наук,

---

(законы, указы Президента, Постановления и Декреты Правительства) и внутриакадемический (устав Академии, Постановления ее Общих собраний и Президиума). Это обусловило двойной статус Академии наук. С одной стороны, она имела государственный статус высшего научного учреждения Украины, с другой – оставалась самоуправляемой организацией в решении вопросов своей внутренней жизни.

Украинская наука была важной и весомой структурной составляющей науки в бывшем СССР. Определение приоритетов научной политики, оценка открытий в науке, формирование новых научных направлений, распределение ресурсов на их развитие монополизировались властью бюрократов. Интеллектуальный и экономический застой, чрезмерная идеологизация всех сторон духовной жизни оказывали негативное влияние на развитие науки и научного сотрудничества, на отношение общества к неординарным взглядам и открытиям отдельных ученых. Долговременная политика изоляции от мировой науки, неоправданный режим повышенной секретности привели к нарушению целостной природы научного знания, появлению элементов псевдонауки.

В формах организации бывшей советской науки просматривались такие недостатки, как жесткость организационных структур, ведомственная разрозненность отраслей науки, слабое стимулирование, отрыв науки от производства и т.п.

В 1991 году высшая научная институция Украины вышла из системы союзной Академии.

занятых научной и научно-технической деятельностью, в общей структуре этих кадров в 2000-м составил 30,5%, в 2009-м – 21,1% [Інноваційний розвиток промисловості, 2013: с. 92].

Согласно статистическим подсчетам, показатель насыщенности экономики научными кадрами на Украине составляет 6 человек на 1 тысячу экономически активного населения, что лишь на единицу превышает пороговое значение (в Литве и Венгрии этот показатель равен 12, в Польше – 8, в ЕС- 27 – 15,5, в РФ – 13,5). [Людський капітал регіонів України, 2011: с. 36].

В 2013 году аспирантуру на Украине закончили 8320 аспирантов (уменьшение по сравнению с предыдущим годом на 179 человек или 2,1%), докторантуру – 578 докторантов (увеличение на 154 человека или 36,3%). Только каждый четвертый аспирант и каждый третий докторант защитили диссертацию, т.е. пополнили научный потенциал страны [Робота аспірантури та докторантури, 2013]. Основной причиной малочисленного пополнения научных кадров является прежде всего низкий уровень оплаты труда ученых.

К сожалению, сегодня не приходится говорить о серьезной, адекватной системе стимулирования и оплаты труда ученых Украины. Уровень заработной платы носит унижительный характер не только в сравнении с зарубежными аналогами, но и в пределах Украины. При этом даже те весьма ограниченные возможности для дифференциации оплаты научных работников используются, мягко говоря, «неоптимально». Естественно, в условиях такого «стимулирования» трудно ожидать научного энтузиазма и оригинальных идей даже от ученых-непенсионеров.

Современное украинское массовое сознание ориентировано на иное отношение к науке, нежели в советское время, и не соответствует ориентациям развитых информационных обществ, где ученые – весьма уважаемый и обеспеченный слой. Подчеркнутый внешний интеллектуализм советского общества (наша наука самая прогрессивная) сменился на подчеркнутый антиинтеллектуализм («делание» денег сегодня и сейчас). При этом отбрасываются все «размышления» об интересах страны, если это не приносит деньги «сейчас и много» [Михальченко, 2001: с. 296]. Наука же предусматривает как быструю, так и довольно отдаленную отдачу и,

кстати, не гарантированную. Современного «делового человека» в Украине, как правило, не интересует престиж страны, перспектива превращения в процветающую или отсталую страну. По мнению многих обывателей и бизнесменов, если наука не дает прибыли сейчас, она не нужна. Поэтому расчеты на меценатство – это иллюзии. Без государственной поддержки науке выжить затруднительно.

Стимулирование и поддержка государством инновационной активности находятся на низком уровне по мнению большинства (58%) участников экспертного опроса, на очень низком – по мнению 42%. Государственная поддержка НИОКР и внедрения инноваций в качестве фактора, влияющего на ИРЭ, признана практически не существующей, что лишний раз демонстрирует незаинтересованность государственных структур в поддержке наиболее перспективных направлений экономики, которые способны вывести последнюю на адекватный современным условиям этап развития, помочь преодолеть технологическую отсталость промышленности.

Предусмотренные законом Украины бюджетные затраты на научные исследования и разработки должны составлять, как уже говорилось, 1,7% ВВП, однако в истории страны это требование еще никогда не выполнялось [Інноваційний розвиток промисловості, с. 42]. В Украине в 2011 году расходы на науку по всем источникам финансирования составили 0,73% ВВП, удельный вес затрат госбюджета на выполнение научно-технических работ с 2005-го по 2011 год снизился на 0,03 п.п. и составил 0,35%. В прямой связи с постоянным уменьшением бюджетных расходов на научно-техническую деятельность специалисты видят снижение индекса инновационного развития страны (на 23% в период с 2005-го по 2011 год) [Анисимова, 2013: с.32].

По наличию новейших технологий (Availability of latest technologies), согласно GCI 2013-2014, наша страна занимает 106-е место в мире (4,3 балла из 7), а по освоению технологий на уровне компаний (Firm-level technology absorption) – 100-е (4,3 балла) [The Global Competitiveness Report, 2014: p. 376–377].

Вместе с тем понимание важности существования науки в современном государстве свойственно большинству украинского общества. Как свидетельствуют результаты ис-

следования, проведенного Институтом социологии НАН Украины в 2003-м (посвященного 85-летию Национальной академии наук), 54% респондентов считали, что наука способствует позитивным переменам в жизни общества, 21% полагали, что способствует незначительно. Знакомы с научно-практическими достижениями НАН Украины лишь 4% наших сограждан, 22% респондентов засвидетельствовали, что они знакомы с достижениями в некоторой степени; 74% граждан отметили, что не знакомы с научно-практическими достижениями ученых НАН Украины. При этом 83% опрошенных считали, что общество не может существовать без науки (в 1998 году этот показатель составлял 50%).

Таким образом, граждане Украины весьма высоко оценивают роль науки в обществе вообще, но не «жалуют» отечественную науку. Неслучайно 94% респондентов не знали, кто возглавляет Национальную академию наук Украины (лишь 6% назвали фамилию Б.Патона).

Основная масса населения Украины склонна к поддержке интенсивного развития точных наук (так считают 76% респондентов мониторинге 2003 года). Всего 3% опрошенных считают целесообразным сокращение исследований в сфере точных наук. За развитие прикладных исследований высказываются 82% граждан Украины, общественных наук – 62%, гуманитарных – 62%.

Относительно новой в нашем обществе науке социологии благосклонность выражают 64% респондентов. При этом нельзя не отметить, что науку в целом (ее развитие) поддерживают 89% жителей всех регионов Украины.

Статус отечественной науки в общественном сознании, безусловно, накладывает отпечаток на жизненные планы граждан в отношении научной карьеры. Так, 4% опрошенных ни в коем случае не согласны, чтобы близкий им человек стал ученым, 8% скорее не одобрили бы такой выбор. Вместе с тем 40% граждан Украины одобряют «научный выбор» своих близких, а 31% – скорее одобряют.

С точки зрения вышеизложенного представляется интересным то, как граждане Украины оценивают динамику престижа профессии ученого. Как свидетельствуют данные мониторинга, 24% респондентов уверены, что престиж профессии ученого в последние годы значительно упал. По мнению 22% опрошенных престиж научного работника

«немного упал», а 13% опрошенных считают, что он (престиж) остался на прежнем уровне. Оптимистов относительно престижа отечественных ученых – 9% (они считают, что престиж ученого в нашем государстве возрос).

Важным и весьма интересным является вопрос мотивации выбора профессии ученого в Украине. По данным социологического мониторинга ИС НАН Украины 2008 года, 27% опрошенных при выборе профессии ученого руководствуются возможностью принести пользу обществу. По мнению 31% респондентов этот выбор детерминируется стремлением к познанию нового, 7% опрошенных «покусились» на отсутствие больших физических нагрузок. Для 6% граждан Украины выбор профессии ученого является «случайным совпадением обстоятельств». Вместе с тем 21% респондентов отметили, что желание идти в науку связано с семейными связями и традициями. Среди опрошенных велика доля тех, кто считает главным стимулятором размер заработной платы (таких 19%). Довольно возвышенной видится мотивация граждан, считающих, что в науку идут в надежде реализовать свои способности – таких 34%. Престижность профессии ученого привлекает 13% граждан Украины.

Если говорить о месте науки в мировом рейтинге, то по данным мониторинга Института социологии НАН Украины 2008 года, лишь 6% респондентов считают, что отечественная наука в основном находится на мировом уровне. По мнению 23% опрошенных украинская наука является мировым лидером только по ряду проблем, а 38% придерживаются мнения, что наука Украины отстает от передового уровня.

При этом в исследованиях, проведенных на международном уровне, качество научно-исследовательских институтов нашей страны достаточно высокое: по подсчетам GCI 2013-2014, оно оценивается в 3,6 балла из 7, что соответствует 69-му месту в мире [The Global Competitiveness Report, 2014: p. 376–377].

Проведенное Институтом экономики промышленности прогнозно-аналитическое экспертное исследование [Людський капітал регіонів України, 2011: с.42], а также экспертные исследования Института социологии НАН Украины подтвердили, что украинская наука, несмотря на значительные

потери, сохранила способность выполнять исследования мирового уровня по целому ряду актуальных направлений. Согласно оценкам специалистов Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М.Доброва, интеллектуальный потенциал украинского общества составляет не менее половины национального богатства страны и оценивается на уровне 2,5-3,0 трлн долларов [Малицкий, 2013: с. 74].

Экономические исследования подтверждают выводы социологов: «С 2009-го по 2011 год в Украине наблюдается превышение индекса научно-технического развития над индексом инновационного развития, что говорит о превалировании потенциальных возможностей развития над их эффективной реализацией. Таким образом, можно говорить об отсутствии зависимости между научно-техническим и инновационным развитием, то есть о разрыве науки с практической инновационной деятельностью, что является одним из главных противоречий инновационного развития Украины» [Анисимова, 2013]. Можно сказать, что ИР в Украине на сегодняшний день обеспечено практически единственным ресурсом – человеческим потенциалом (образовательным и научным); при этом ни технически, ни юридически, ни материально данный ресурс не подкрепляется на протяжении почти всей истории Украины.

В таких условиях главной задачей государства в сфере регулирования научной деятельности нужно признать превращение наличного интеллектуального ресурса (а не примитивных технологий) в решающий фактор общественного развития и устойчивого экономического роста страны. Развитие высокотехнологичных наукоемких отраслей, наиболее перспективных направлений науки (биоинженерии, информационных технологий, энергетики, междисциплинарных исследований), создание на их основе новых конкурентоспособных производств в результате приведут не только к качественному повышению научного потенциала, но и к улучшению ситуации в экономике. Последнее непременно скажется на качестве жизни населения.

Темпы выхода Украины из кризиса во многом будут зависеть от того, сумеем ли мы сберечь интеллектуальный потенциал и направить его на коренные изменения в экономике, политике, социокультурной сфере.

И возвращаясь к «истокам» нашего анализа (о роли науки в развитии и совершенствовании инновационной составляющей экономики и общества в целом), оценим возможности НАН Украины в реализации (способствовании реализации) курса на инновационное будущее Украины. Вполне очевидно, что невзирая на все негативные моменты, Национальная академия наук Украины имеет достаточный потенциал для того, чтобы при должной поддержке государства обеспечивать необходимое развитие фундаментальных наук, принимать участие в процессе трансформации украинского общества. Вместе с тем (и дабы успешно участвовать в процессе совершенствования всех сфер жизнедеятельности общества, в том числе экономики), Академия наук сама нуждается в существенной реорганизации. При этом главной целью реформирования НАН Украины должно стать сохранение ее эффективной и результативной деятельности в условиях становления рыночного хозяйствования.

3.3 Инновационные ценности украинских граждан

Все выделенные составляющие социального потенциала ИРЭ в большей или меньшей степени связаны между собой и, естественно, усиливают или ослабляют действие друг друга. Поскольку именно культура пронизывает и создает социальность, определяет ее качество и способ существования, изучение социокультурного потенциала ИРЭ позволяет оценить реальные возможности и перспективы развития в целом. Рассмотрим подробнее доступные для анализа отдельные характеристики социокультурного потенциала: инновационную культуру, восприятие инноваций, креативные ценности украинских граждан.

Хотя понятие инновационной культуры, как и понятие инноваций, применимо к любой сфере человеческой жизнедеятельности, в первую очередь оно относится к сфере материального производства, экономической жизни общества и его экономической культуре. Неслучайно в Законе Украины об инновационной деятельности термин инновационная культура определяется как «составляющая инновационного потенциала, которая характеризует уровень образовательной, общекультурной и социально-психологической подготовки личности и общества в целом к восприятию и творческому претворению в жизнь идеи развития экономики страны на инновационных началах» [Закон, 2012: s.a].

Инновационная культура (как совокупность необходимых знаний, умений их креативного применения и ценностей инновационной активности) рассматривается в качестве разновидности экономической культуры населения как основного субъекта хозяйственной деятельности. Для понимания сущности инновационной культуры, составляющих ее элементов, конкретных показателей и факторов развития необходимо осмысление ее взаимосвязи с экономической культурой общества в целом. Экономическая культура, как и культура вообще, включает различные материальные (средства и продукты материального производства), деятельностные (умения людей и технологии) и духовные, духовно-интеллектуальные составляющие (ментальность и базирующуюся на ней систему ценностей, экономические знания и информацию). Поскольку материальные и деятельностные компоненты в значительной мере являются воплощением и проявлением духовной и интеллектуальной составляющей экономической культуры, можно утверждать, что ядром экономической культуры выступает экономическое сознание как совокупность представлений, понятий и знаний человека о процессах и явлениях экономической жизни. Возможности (перспективы) развития как экономической, так и инновационной культуры во многом зависят от матрицы культурных ценностей, заложенных в менталитете народа. К ним относятся ценности образования, восприятие новых идей, готовность идти на риск во имя достижения поставленных целей, морально-нравственные ценности и др. Не менее важную роль в формировании инновационной культуры призвана играть разрабатываемая в обществе стратегия инновационного развития и, главное, наличие руководителей, действительно заинтересованных в этом развитии и способных его реализовать. По данным мониторинга ИС НАН Украины 2013 года 36% населения считают, что лишь меньшая часть представителей государственной власти способна сегодня развивать экономику Украины на основе внедрения новой техники и технологий. Более четверти (28%) думают, что никто из них на это не способен и лишь каждый пятый (19%) верит, что на это способны все или большая часть чиновников. Оценки людей созвучны рассмотренным ранее экспертным оценкам заинтересованности власти в реальном обеспечении инновационного развития, ее способ-

ности к разработке и реализации соответствующих программ (см.: табл. 2.1).

Об инновационной культуре можно судить как по статистическим показателям инновационности экономики, так и по целому ряду качественных и количественных социологических показателей, отражающих инновационные аспекты и составляющие экономической культуры. К элементам инновационной культуры, помимо соответствующих знаний и способностей людей к инновационной активности (что очень трудно измеряемо), следует отнести такие ценностные регуляторы и поведенческие стереотипы как креативность, ценности образования и постоянного повышения профессионально-квалификационного уровня, заинтересованность в содержательно интересной работе, готовность к риску, восприимчивость новых идей и т.п.

Поскольку специальных исследований, целенаправленно посвященных изучению инновационной культуры, в Украине не проводилось, можно оценить лишь отдельные ее параметры, которые анализировались в ряде социологических опросов. Так, интересные результаты дал анализ ценностных ориентаций населения Украины в рамках ESS (2011, N = 1931). Респондентам предлагалось 21 описание людей, характеризующее конкретные ценности (семь из которых в большей или меньшей степени можно рассматривать в качестве ценностных параметров инновационной культуры населения: креативность, чувство свободы и независимости в решениях, стремление к разнообразию, строгое соблюдение принятых правил, традиционализм, стремление к безопасности и любовь к риску). Каждое из них респондент должен был оценить применительно к себе по 6-балльной шкале (1 – очень похож, 2 – похож, 3 – довольно похож, 4 – немного похож, 5 – не похож, 6 – совсем не похож).

Судя по модальному критерию наиболее типичными (из числа выделенных инновационных и «антиинновационных» ценностей) для украинских граждан являются ценности традиционализма, склонность к соблюдению принятых правил, стремление к безопасности, а также чувство свободы и независимости в решениях. Креативность, стремление к разнообразию и любовь к риску (как сугубо инновационные характеристики) им не свойственны. Использование мето-

дики Ш.Шварца* – расчет центрированных значений средних показателей ценностных индексов – позволил выделить приоритетные и неприоритетные ценности в общей структуре ценностных приоритетов населения Украины. По критерию приоритетности к ценностным приоритетам относятся традиционализм и стремление к безопасности. Их центрированные значения (средние показатели ценностных индексов) составили, соответственно, -0,6 и -0,5. Ценность свободы и независимости в решениях замыкает ряд приоритетных ценностей, тяготея к общей средней оценке значимости ценностей (-0,3). На уровне средней оценки значимости находится строгое соблюдение принятых правил (0,0), а креативность, стремление к разнообразию – на уровне ниже среднего (соответственно, 0,5 и 0,6). Наименее значимой ценностью среди жителей Украины является любовь к риску (1,3). То есть, и по методике Ш.Шварца креативность, стремление к разнообразию и любовь к риску относятся к неприоритетным ценностям украинских граждан.

Ряд признаков инновационной культуры населения оценивался в рамках экспертного опроса по проблемам экономической культуры населения, проведенного отделом экономической социологии ИС НАН Украины ($N = 623$, 2004). Понимание того, что внедрение нововведений в экономическую практику является важным фактором роста и развития хозяйства, получило среднюю оценку по 5-балльной шкале (3,3 балла). Аналогично была оценена также способность к коллективной творческой работе в период научных испытаний и разработок, и в период внедрения их в производство (3,2 балла). «Однако, как видно из оценок экспертов, в нашей стране более успешным будет внедрение «чужих» инноваций, чем осуществление полного инновационного цикла, предусматривающее трудный путь разработки новых идей,

---

*Методика Ш.Шварца предполагает применение процедуры центрирования для «очищения» содержательных показателей средних от влияния индивидуальных реакций респондентов, в соответствии с которой от среднего значения для каждой ценности (как исходной, так и типологически определенной) отнимается средняя оценка по всем показателям, получившая название *mrat*. Это позволяет определить степень приоритетности той или иной ценности в ценностной иерархии респондентов: отрицательные величины ценностных индексов означают, что значимости соответствующих ценностей выше общей средней значимости ценностей (*mrat*), а положительные, наоборот, свидетельствуют о том, что значимости этих ценностей ниже общей средней.

проведение испытаний и разработок» [Экономическая культура, 2008: с. 245]. Именно готовность к копированию и адаптации «чужих» инноваций с учетом местных условий получила наивысшую оценку (3,5 балла), а готовность к риску и материальным потерям в ходе внедрения инноваций для получения прибыли в будущем – наименьшую оценку (2,8 балла). Кроме того, фактором, препятствующим выбору в пользу собственного инновационного развития, может стать сравнительно низкая открытость информации и недостаточный обмен новыми идеями в творческих коллективах (2,8 балла).

Теоретически особое место в структуре ценностей инновационной культуры должна занимать ценность интересной работы. Однако, по данным мониторинговых исследований социальных изменений украинского общества, интересная работа, интеллектуальное развитие, относится не к доминантным и не к субдоминантным ценностям населения, а к ценностям среднего уровня важности, индексы которых находятся в интервале 3,5–4,0 балла по 5-балльной шкале. И хотя ценность «интересная работа» за все годы наблюдений остается в группе приоритетных ценностей, динамика ее индекса носит волнообразный характер. В 1991–1994 годах он был на уровне 3,9 балла, к 2000-му вырос до 4,3 балла, затем в 2006 году снизился до 4,1 балла и вновь начал расти [Ручка, 2011: с. 205]. Еще менее значимой эта ценность оказывается в реальной жизни украинских граждан. По данным ESS 2011 года интересная работа является наименее важным, если не сказать неважным, мотивом трудовых усилий занятого населения Украины. Его в таком качестве отметили всего 4% опрошенных (для сравнения: мотив получения большей зарплаты или служебного продвижения выбрали 26%). При этом четверть и более населения четырех европейских стран из 26 принявших участие в исследовании (Швейцарии, Франции, Нидерландов и Норвегии) указали, что главным мотивом их трудовых усилий является то, что они имеют интересную работу.

В целом в трудовой мотивации населения Украины наблюдается определенный сдвиг в сторону прагматизма по сравнению с социальной мотивацией. Наиболее значимыми ценностями при выборе работы являются высокий доход (заработная плата) и надежность работы, а наименее важной – «возможность проявления инициативы» (ее индекс

по 5-балльной шкале составил 3,6 балла, средний балл по всем странам – 3,9). В большинстве обследованных европейских стран эта инновационная ценность выражена в большей мере. Ценность «хорошие возможности повышения квалификации» выражена на среднем уровне значимости (4,0 балла, средний уровень по всей группе стран–участниц ESS – 3,9). Важно, что потребность в постоянном освоении нового, как и разнообразие в работе, являющиеся однозначными атрибутами инновационной культуры, украинские граждане, по данным этого исследования, относят к реальным характеристикам своих трудовых практик.

Даже этот краткий анализ существующих фрагментарных социологических показателей инновационной культуры населения, разбросанных по разным исследованиям и носящих случайный, несистемный характер, позволяет оценить ее уровень скорее как невысокий. Современный житель Украины не похож на креативного, стремящегося к разнообразию и риску человека. Для него характерны традиционализм и стремление к безопасности. Ценность «интересная работа» относится к ценностям среднего уровня важности, да и то в нормативно-идеальной структуре ценностей. В качестве реального мотива трудовых усилий она выражена весьма слабо. Другие инновационные ценности (значимость повышения квалификации и проявления инициативы) выражены на среднем и ниже среднего уровнях. Вместе с тем наличие инновационных атрибутов в реальных трудовых практиках украинских граждан, как и зафиксированная в их экономическом сознании готовность к адаптации заимствованных инноваций на фоне понимания важности их внедрения для экономического развития страны, свидетельствует о наличии определенного социокультурного потенциала ИРЭ.

Как оценивают социокультурный потенциал эксперты в области инновационного экономического развития? Индекс социокультурного потенциала ИРЭ составил 2,7 баллов по 5-балльной шкале (см. табл. 2.2). Ниже всего среди его составляющих оценена инновационная культура (1,7 балла), хотя, по мнению экспертов, она должна играть довольно высокую роль в ИРЭ (ее нормативная значимость составляет 4,5 балла). Заметно выше, почти на среднем уровне оценены такие характеристики украинских граждан, как творческое отношение к работе и стремление к постоянному

повышению квалификационного уровня (по 2,8 балла). Выше всего в составляющих социокультурного потенциала ИРЭ эксперты оценили «ценность самореализации в профессиональной деятельности» и «ценность достижения материального благополучия с помощью профессиональной деятельности» – 3,0 и 3,4 балла соответственно.

Как видно из табл. 3.4, эти данные соответствуют представлениям самих граждан о распространенности выделенных культурных ценностей среди населения: количество тех, кто считает, что ценности образования и постоянного повышения профессионально-квалификационного уровня, заинтересованность в содержательно интересной работе присущи большинству украинских граждан, в два–три раза превышает количество тех, кто придерживается противоположного мнения.

Современный человек за свою интеллектуальную жизнь должен осуществить переобучение от 6 до 12 раз, то есть процесс обучения практически не останавливается, и это касается любой области знаний [Аношкина, Резванов, 2001: с. 6]. Если по данным мониторинга ИС НАН Украины 2013 года почти половина опрошенных граждан Украины (45%)

Таблица 3.4

**Развитость отдельных социокультурных характеристик
украинских граждан, по данным массового
и экспертного опросов, 2013**

Социокультурные характеристики граждан	Оценка населением конкретных характеристик большинства украинских граждан, %			Экспертная оценка достигнутого уровня («1» – очень низкий, «5» – очень высокий)
	Не присущи	Насколько присущи, настолько и не присущи	Присущи	
Инновационная культура	–	–	–	1,7
Творческое отношение к работе	20	27	44	2,8
Потребность в постоянном повышении своего образовательно-квалификационного уровня	19	28	45	2,8
Заинтересованность в содержательной работе, с элементами творчества	16	26	47	–

считают, что большинству наших сограждан присуща потребность в постоянном повышении своего образовательно-квалификационного уровня, то по данным мониторинга 2012 года лично для себя повышение образовательного уровня считали важным 66% опрошенных. Однако связи между получением знаний и достижением успеха в жизни почти половина населения не отмечает: в 2011-м 45% верили, что успех в жизни в основном зависит от счастливого случая (в отличие от 30% их оппонентов). И вместе с тем, по данным массового опроса 2013 года, очень небольшое количество украинских граждан оценивают наше время как время тружеников, профессионалов или талантов (3%, 3% и 5% соответственно). В первую очередь люди воспринимают его как время воров, политиканов и бюрократов (40%, 39% и 37% соответственно).

Важным элементом инновационной культуры является также восприимчивость населения новым идеям. В зависимости от отношения людей к новинкам, скорости их восприятия и использования, мы выделили (в рамках мониторингового опроса ИС НАН Украины 2013 года) пять типов: 1) «новаторы»: создают новые идеи, стремятся к их внедрению (6%); 2) «настроенные на новации»: быстро воспринимают новинки, используют их раньше других (13%); 3) «прагматики-последователи»: используют новинки, если их начали успешно применять другие (26%); 4) «осторожные реалисты»: осторожно относятся к новинкам, используют их после применения значительной частью населения (23%); 5) «консерваторы»: крайне осторожно относятся к новинкам, применяют их, когда ими уже пользуются практически все (16%). Несмотря на то, что значительная часть опрошенных не смогла определиться, к какому типу себя отнести (17%), тенденции количественного распределения этих типов соответствуют категоризации групп пользователей новшествами, предложенной Е.М.Роджерсом, одним из ведущих исследователей инноваций¹. Это свидетельствует

¹ По данным Е.М.Роджерса, приблизительный процент индивидов, включенный в каждую из пяти выделенных категорий «внедренцев», составил: 1) «новаторы» – 2,5%; 2) «ранние «внедренцы» – 13,5%; 3) «раннее большинство» – 34%; 4) «позднее большинство» – 34%; 5) «запаздывающие» – 16% [Роджерс, 2009: с. 312–313]. Необходимо подчеркнуть, что Е.М.Роджерс проводил в 1960 г. исследование, когда инновации еще не вторгались столь стремительно в нашу жизнь. Сегодня поток инноваций стал более интенсивным, а их вхождение в повседневную жизнь ускорилось в несколько раз.

о приемлемом в целом уровне инновативности населения Украины.

Хотя при всей важности одной лишь ментальной восприимчивости людей к новому для развития инновационной культуры явно недостаточно. Необходима целенаправленная работа по формированию такой социокультурной среды, в которой культура инновационной деятельности будет иметь стратегически решающее значение. Как подчеркивают авторы Национальной хартии инновационной культуры, «нужен системный комплексный подход к проблеме, направленной прежде всего на создание такой атмосферы в обществе, в которой конструктивное отношение к новой идее, нововведению было бы и потребностью каждого гражданина, и одной из наиболее значимых общественных ценностей» [Лисин, 2000: с.81]. Авторы этой хартии – представители науки, культуры, образования, органов государственного и общественного управления, деловых кругов России, – «сознавая, что устойчивое развитие нынешней цивилизации возможно лишь благодаря постоянным нововведениям (инновациям) в науке, образовании, культуре, экономике, управлении», обратились с призывом к гражданам России и других стран «воспринять потребность в формировании высокой инновационной культуры как ответ на глобальный вызов XXI столетия и на базе многовекового культурного наследия сделать прорыв в использовании интеллектуального богатства и творческого потенциала для блага и процветания всего человечества»² [Лисин, 2000: с. 81, 83].

Эти мысли и идеи полностью совпадают с пониманием роли и значимости инновационной культуры среди отечественных исследователей инновационного развития. Так, Л.Федулова, рассматривая формирование и устойчивое воспроизводство инновационной общественной культуры как социальный базис эффективного использования методов тех-

---

² Следует особо подчеркнуть одно из предложений, содержащихся в хартии инновационной культуры: «гуманитарным наукам, особенно социологии и психологии, надо глубже исследовать феномен инновационной культуры, его организационную компоненту, искать эффективные средства против косности, консерватизма, трусости, лениности мысли и других пороков, препятствующих нововведениям» [Лисин, 2000: с. 82].

нологического развития национальной экономики, подчеркивает следующее. «Среди главных задач развития инновационной культуры в системе реализации социальных целей следует рассматривать стимулирование трансформации общественных ценностей в соответствии с признанием приоритетов творческого труда, самосовершенствования и самообразования, социально ответственного предпринимательства и правовой компетентности» [Федулова, 2010: с. 156]. И хотя, по мнению специалистов, работавших в рамках проекта ЕС «Совершенствование стратегий, политики и регулирования инноваций в Украине» в 2009–2011 годы, формирование инновационной культуры является одним из приоритетов украинской инновационной политики еще начиная с 2003 года, по сегодняшний день существуют реальные преграды на пути ее поддержки. В том числе в виде снижения роли научного образования, приводящего к нехватке профессиональных знаний и навыков, необходимых для научно-исследовательской и инновационной деятельности. Кроме того, развитие инновационной культуры зависит от многих культурных факторов, например социального капитала, уровня доверия в обществе, формирования ценностей гражданского общества [Інновації в Україні, 2011: с. 38].

Безусловно, развитие инновационной культуры во многом определяется и существенно зависит от экономической культуры общества, от его культуры в целом³. Тот или иной тип экономической культуры, по утверждению П.Бергера, имеет глубокие исторические корни и формируется в результате откладывания в памяти народа многовекового опыта хозяйственной деятельности, ее организационных и материально-технологических особенностей, ее ценностных установок. При необходимости изменения экономического уклада менять человеческую природу невозможно и вовсе не следует, ибо она достаточно богата и многообразна; но можно выделить в ней те черты, которые достойны развития [Минервин, 2011: с. 225], и эти актуальные черты должны

---

³ Образованный, творческий, квалифицированный человек необходим для ИРЭ, однако «он не появляется сам собой – его нужно произвести... Создается такой человек не только экономикой, но и культурой» [Минервин, 2011: с. 198].

базироваться на принципах и нормах поведения, не противоречащих предшествующей культурной традиции. Новаторство и традиции – две диалектически взаимосвязанные стороны развития культуры, характеризующие наличие в них как устойчивых, так и противоречивых моментов. Традиция является гарантией стабильности, целостности общественного организма, его устойчивости, благодаря которой человечество усваивает культурный опыт поколений путем воспроизводства идей, ценностей, способов мировосприятия [Аношкина, Резванов, 2001: с. 63]. В экономической культуре как специфическом виде культуры, регулирующем поведение людей в экономической сфере, новаторская составляющая выражена еще более динамично. Поскольку экономическая культура является результатом взаимодействия культуры (несущей в себе не только традиционное, в виде стабильности и определенности норм, но и новаторское начало) и экономики, объективно предполагающей преимущественно инновационность и свободу выбора.

Экономическая культура – это качественная характеристика экономического бытия и экономического сознания. Следует подчеркнуть, что регуляция экономического поведения на ценностном и нормативном уровне не всегда совпадает. Ибо ценности формируются длительным эволюционным путем, а нормы могут устанавливаться «сверху» в одночасье, что может порождать появление двойных институциональных стандартов, деформацию ценностно-нормативной структуры, нелегитимность установленного институционального порядка, особенно в условиях переходного состояния общества, при появлении культурных ценностей, не присущих массово культурной почве социума, сформированной предшествующим историческим развитием. Именно эти проявления общественного сознания фиксирует мониторинг социальных изменений в украинском обществе. Несмотря на более чем двадцатилетний период его радикальных реформ, большинство населения так и не восприняло капиталистическую систему ценностей (частную собственность, стремление к личному успеху, обогащение, индивидуализм и т.п.). По данным мониторинга ИС НАН Украины 2013 года, только каждый четвертый воспринимает новую

систему ценностей как свою (в том числе 23% – скорее воспринимают, и только 3% – однозначно воспринимают). По сей день ценности рыночной экономики практически не воспринимаются половиной населения (из которых 17% их однозначно не воспринимают, 31% – скорее не воспринимают). Четверть опрошенных (26%) затруднились ответить на данный вопрос.

Неслучайно, несмотря на постепенную адаптацию населения к новым институциональным порядкам (прежде всего за счет вступления в активную социальную жизнь молодежи, социализация которой происходила уже в постсоветской Украине), трети украинских граждан (32%), по данным мониторинга 2013 года, не хватает «умения жить в новых общественных условиях». Трети этого умения хватает (31%), еще треть (30%) не смогла однозначно ответить на вопрос.

К этому следует добавить негативное отношение значительного числа украинских граждан к превалированию материальных потребностей в жизни человека, неприятие частной собственности на землю и крупные предприятия. Почти четверть (24%) констатирует максимальное неприятие людей, придерживающихся потребительского поведения в своей жизни; в наибольшей степени близкими себе их считают всего 6% респондентов. В целом тех, кто в большей или меньшей мере разделяет потребительские ценности, почти вдвое меньше числа граждан, их не приемлющих.

Таблица 3.5

Отношение украинских граждан к превалированию материальных потребностей в жизни (N = 1800, 2013 год)

Самоидентификация респондентов с людьми, ориентирующимися преимущественно на потребление материальных благ и получение удовольствия от жизни*	% к ответившим
1 (наименее близки)	24
2	21
3	32
4	17
5 (наиболее близки)	6

* Распределение ответов на вопрос о том, насколько респонденту близок тип людей, ориентирующихся преимущественно на потребление материальных благ и получение удовольствия от жизни.

Каждый третий житель Украины (32%) занимает срединно-нейтральную позицию (табл. 3.5).

Как же изменилось за годы реформ отношение населения к основным атрибутам рыночной экономики? После стремительного роста негативизма в отношении передачи в частную собственность крупных предприятий в 1994–2006 годах устойчиво сохраняется преобладание негативного отношения к этому людей. Усиливается отрицательное отношение украинских граждан к приватизации земли. Более того, на фоне одобрительного отношения к развитию бизнеса и в целом легитимного восприятия приватизации малых предприятий постепенно снижается степень позитивного отношения населения к передаче их в частную собственность (табл. 3.6). Учитывая, что фундаментальные институциональные изменения вследствие глубокой социокультурной укорененности институтов происходят в ритме поколений, следует отметить некоторые возрастные особенности. Среди молодежи и граждан среднего возраста значимо больше доли тех, кто одобрительно относится к развитию бизнеса

Таблица 3.6

Отношение населения к передаче в частую собственность (приватизации) крупных, малых предприятий и земли за период 1994–2012 годов, %

Отношение населения к приватизации...	1994	1998	2002	2006	2008	2010	2012
<i>крупных предприятий:</i>							
скорее негативное	38	54	55	67	64	61	63
трудно сказать, негативное или позитивное	34	28	26	22	21	25	24
скорее позитивное	25	18	18	11	14	13	13
<i>малых предприятий:</i>							
скорее негативное	18	21	21	29	26	28	31
трудно сказать, негативное или позитивное	24	25	28	27	29	30	32
скорее позитивное	55	54	51	43	45	40	35
<i>Земли:</i>							
скорее негативное	27	37	27	53	53	51	56
трудно сказать, негативное или позитивное	19	23	25	23	21	23	24
скорее позитивное	53	40	48	24	26	24	19

в Украине, чем среди людей старшего возраста (61%, 58% и 39%). Аналогично, значимо меньше среди молодежи по сравнению с гражданами старшего возраста тех, кто негативно воспринимает приватизацию крупных, малых предприятий и земли (56 и 69%; 25 и 42%; 46 и 64%).

Доминирует негативизм и в отношении населения к купле-продаже земли: за ее разрешение в 2012 году высказались 21% граждан, большинство (61%) было против. Вопросы omnibus ИС НАН Украины 2013 года позволили дополнительно проверить устойчивость восприятия населением этих основных экономических институтов. Полученные данные подтверждают нелегитимность институтов частной собственности на крупные предприятия и землю (табл. 3.7). При этом сколько людей считало нецелесообразным проведенную приватизацию крупных предприятий и земли, столько же выступает за возвращение их в государственную собственность. Процентное распределение позиций граждан по этим вопросам статистически одинаково! Несколько мягче степень негативизма в отношении населения к уже существующим в нашем обществе крупным частным предприятиям и земле, находящейся в частной собственности (хотя по факту существования и частных крупных предприятий, и земли негативизм преобладает), что полностью соответствует украинской ментальности: «имеем то, что имеем». В отношении малых предприятий в обществе устойчиво преобладает позитивное отношение как к истории их приватизации, так и к факту их наличия в украинской экономике, а соответственно, и к нецелесообразности национализации. Следует подчеркнуть, что с точки зрения институциональной легитимности современного социально-экономического устройства первостепенное значение имеет легитимность/нелегитимность, то есть общественная поддержка/неподдержка частной собственности на землю и на крупные предприятия, а не на малые. Хотя малые предприятия составляют 86,8% всех предприятий отечественной промышленности, именно средние и крупные предприятия определяют промышленный потенциал страны. Неслучайно на них занято, соответственно, 25,1% и 63,5% наемных работников промышленности Украины [Статистичний щорічник, 2012: с. 310, 312].

Таблица 3.7

Отношение населения к целесообразности проведенной приватизации, факту существования частных предприятий и земли, целесообразности национализации приватизированных объектов, 2013, N = 1800, %

Объекты приватизации	Отношение населения к:					
	Передаче в частную собственность... (проведенной приватизации)		Факту существования в Украине частных...		Возвращению в собственность государства уже приватизированных... (национализации)	
	стоило	не стоило	позитивное	негативное	целесообразно	нецелесообразно
крупных предприятий	17	66	34	43	66	16
малых предприятий	48	35	62	22	33	49
земли	20	63	27	53	61	20

Почти без изменений за годы мониторинговых наблюдений остается общественное мнение по поводу участия государства в управлении экономикой. По данным 2013 года, чуть меньше трети (27%) считают нужным вернуться к плановой экономике (в 2012-м – 33%). Незначительная часть (8%, в 2012-м – 6%) полагает, что все должен регулировать исключительно рынок, а участие государства в экономике нужно минимизировать. Наибольшая доля граждан (41%, в 2012-м – 43%) поддерживает идею совмещения государственного управления и рыночных методов хозяйствования.

Итак, основываясь на данных многолетнего мониторинга ИС НАН Украины, можно сказать, что капиталистические ценности до сих пор не интегрированы в украинское общество и не воспринимаются большинством населения в качестве мотивов и целей поведения. Видимо, это было одной из причин неудачного итога реформирования экономики в стране, поскольку мировоззренческим установкам национальной экономической культуры были чужды многие основополагающие принципы функционирования эконо-

номической системы, сформированные в другой культурной среде (в данном случае – европейской).

В качестве классического примера успешного совмещения культурных традиций и требований экономического развития обычно рассматривается вариант модернизации экономики в Японии; последняя прошла удачно благодаря нерыночным механизмам, включенным в реформирование. Активизация традиций и норм групповой ответственности, жесткой семейной структуры, трудовой этики и самодисциплины, национальной идентичности стала ценностной основой реформирования национальной экономики. Японский школьный учебник 1930 года учил, что самый простой способ стать патриотом заключается в том, чтобы дисциплинировать себя в повседневной жизни, способствовать поддержанию порядка в семье и добросовестно выполнять свои производственные обязанности, а также больше экономить и меньше тратить [Культура, 2002: с. 51–54]. Эти ценности легли в основу японской корпоративной этики, признания на государственном уровне приоритетности образования, стали ориентиром для бизнеса и при этом способствовали экономическому росту в стране.

Пример ценностного конфликта, влияющего на экономическое поведение, уже на другом континенте изучал американский ученый Л. Соса, который составил своеобразный каталог ценностей и установок, не позволяющих мексиканскому населению добиться успеха в США. В их числе он назвал «смирение бедных» (негативное отношение к богатству), фатализм и осуждение личной инициативы, пренебрежение к образованию (особенно для девочек). В целом же в США до 30% испаноязычных детей не в состоянии закончить среднюю школу, что гораздо выше аналогичного показателя как среди белых, так и среди черных американцев [Культура, 2002: с. 343]. Слабость материальной мотивации вместе со стойкой приверженностью традиции создает препятствия для достижения социально одобряемых целей американского общества, которые оказываются неуниверсальными для всех народов и культур.

Наблюдая подобную несовместимость целей человеческого существования, принятых в разных культурах, Л.Е. Хар-

рисон в своей книге «Панамериканская мечта» предлагал разделять их на два типа: прогрессивные и статичные. Ценности прогрессивной культуры – это нацеленность в будущее, успешный труд, бережливость, образование, поощрение способностей, общественная солидарность, этические нормы, справедливость, распределение властных полномочий, секуляризм. Если прогрессивные культуры устремлены в будущее, а ключ к прогрессу видят в образовании, то статичные культуры ориентированы на настоящее или прошлое, образование считают второстепенной, элитарной ценностью. В прогрессивных культурах индивидуальные способности выступают важнейшим фактором личного карьерного роста, в статичных культурах эту роль выполняют социальное происхождение и связи [Культура имеет значение, 2002: с. 332–333]. Однако японская трудовая этика не приемлет индивидуализма и главной целью трудовой деятельности признает не личный карьерный рост, а процветание компании (философия корпорации-семьи). Ставя национальной и государственной целью экономическое развитие, в качестве средства его достижения провозглашается повышение уровня образования всех японцев.

Таким образом, социокультурная легитимация разных видов деятельности является условием экономического развития: вопрос о роли национальной культуры в процессах социально-экономических преобразований в украинском обществе сегодня особо актуален в связи с пониманием необходимости обеспечения нового этапа развития – инновационного. Невозможность ИРЭ в рамках существующей системы хозяйствования основывается на свойственном рыночной экономике безразличии к научным идеям, изобретательству и достижениям НТП как таковым, если последние не обеспечивают гарантированного и быстрого дохода. В результате рынок нередко наполняется квазиинновациями, которыми могут называться любые товарные продукты, реализованные с прибылью [Кравчук, 2012: с. 244–245]. В процессе же подлинно инновационного развития создаются такие ценности, как знания, интеллект, творческое развитие человека, которые трудно оценить в денежном эк-

виваленте. Само возникновение инноваций, то есть *нового*, наиболее вероятно в условиях свободного развития человека, разнообразия культур и традиций.

Креативность в инновационной экономике превратилась в основной источник конкурентного преимущества, движущую силу экономического развития, и креативный класс (по терминологии американского социолога Р.Флориды) занял в обществе доминирующее положение [Кочетков, Кочеткова, 2013: с.7]. Р.Флорида подчеркивал, что инновационная деятельность является настолько важным типом социально-экономической активности, что объединяет людей в отдельную социальную общность, способную производить новые знания, продукты, идеи, имеющие первостепенную ценность в инновационном развитии. Вместе с тем, как писал М.Кастельс, «наши экономика, общество и культура построены на интересах, ценностях и системах представлений, которые в общем ограничивают коллективную креативность, конфискуют плоды информационных технологий и отклоняют нашу энергию в русло самоуничтожающейся конфронтации» [Кастельс, 2000: с. 513]. Для преодоления разрыва между «нашей технологической переразвитостью и нашей социальной недоразвитостью», по М.Кастельсу, необходимо изменить приоритеты развития: вместо погони за прибылью и стремления к господству утверждать необходимость и обеспечивать сотрудничество и взаимопомощь ради повышения качества жизни людей как в рамках отдельных государств, так и в глобальном масштабе [Иванов, 2013: с. 30]. Именно поэтому общество и государство обязаны поддерживать институты культуры и науки, если мыслит в масштабе десятилетий, а не нескольких лет, поскольку в условиях свободного развития склонностей и способностей каждого человека, обучении и стимулировании талантов (в частности в системе образования и в профессиональной деятельности), создании благоприятной культурной среды вероятность инновационных прорывов заметно выше, чем в системах, не предоставляющих возможностей такого развития (прежде всего речь идет о наличии инфраструктуры, обеспечивающей распространение знаний, творческую и инновационную деятельность) [Минервин, 2011: с. 198].

Постепенное осознание человеком необходимости перехода к типу ценностей, называемых постматериальными, фиксировался социологами еще в XX веке. Констатировалось, что помимо технико-экономических требований, для инновационного этапа развития возникает потребность в гуманизме, социальной справедливости, свободе, которые постепенно должны стать актуальными в любой мировой культурной традиции, и произойдет это в результате естественного развития экономической системы в направлении инновационного развития [Хайтун, 2011: с. 25].

Действительно, культурный сдвиг, выражающийся в переходе от ценностей «выживания» к ценностям «самовыражения» (или от материальных к нематериальным ценностям) можно обнаружить во всех современных индустриальных обществах. Социологическое объяснение этого процесса Р.Инглехардом заключается в том, что ценности самовыражения присущи тем поколениям, которые выросли в условиях гарантированного выживания. (В последние двадцать пять лет в подобных условиях выростали несколько поколений передовых стран.) Общества, где преобладали «ценности выживания», отличались относительно низким уровнем личного благосостояния, невысокими показателями здоровья населения, отсутствием межличностного доверия, нетерпимостью к инакомыслящим, невниманием к равенству полов, повышенным интересом к материальным аспектам жизни, верой в могущество науки и техники, игнорированием природоохранной проблематики, готовностью поддерживать авторитарные режимы. Для обществ, выдвигающих на первый план «ценности самовыражения», по всем этим позициям характерны противоположные взгляды [Культура имеет значение, 2002: с. 124–125].

В экономической жизни современного общества уже имеются примеры формирования идеального ценностного типа субъекта экономической деятельности, стремящегося к саморазвитию через профессиональную деятельность и не ставящего во главу угла исключительно материальное обеспечение. В частности, при исследовании мотивации группы российских инновационных предпринимателей было выявлено, что 66% из них при прочих равных условиях

отказались бы от более прибыльного проекта в пользу менее прибыльного, если бы он был интереснее для них в профессиональном смысле. Почти половина опрошенных предпринимателей (48%) отказались бы от более прибыльного проекта в пользу менее прибыльного, если бы он имел более высокую общественную ценность. Авторы этого исследования делают вывод, что для значительной части инновационных предпринимателей восприятие бизнеса как источника дохода находится отнюдь не на первом, а на втором и даже третьем местах в ряду их профессиональных ценностей. Таким образом, по-настоящему инновационные предприниматели обладают особо ценным типом экономической мотивации. Они стремятся к максимизации дохода не любой ценой, а исключительно через инновации, и при этом стремятся максимизировать не чистую коммерческую выгоду, а баланс коммерческой выгоды и общественных интересов [Карачаровский, 2013: с. 77].

Именно такой тип субъекта экономической деятельности, идеально-необходимый для осуществления инновационного развития, является социально востребованным и в украинском обществе. По словам одного из экспертов нашего исследования, «государство должно... средствами пропаганды формировать инновационное сознание у граждан во всех сферах жизни, создавать культ героев из инновационных чемпионов».

Необходимой предпосылкой ИРЭ является активизация существующих в обществе представлений и установок, отвечающих требованиям такого развития, а именно: позитивного отношения населения к получению образования, повышению своего образовательного уровня, понимания необходимости для современного человека высшего образования. Мобилизация таких культурных традиций, как творческое отношение людей к работе, потребность в постоянном повышении своего образовательного квалификационного уровня, заинтересованность в содержательной работе и непротивление инновациям, наряду с существенным повышением общей, профессиональной и инновационной культуры власти создаст необходимую для обеспечения ИРЭ социкультурную среду.

3.4. Социально-психологические предпосылки инновационного развития государственного и частного секторов экономики

Несмотря на очевидные выгоды для общества инновационного развития его экономики, оно всегда находится на пересечении социальных интересов. Из соображений собственной выгоды одни субъекты заинтересованы в инновационных преобразованиях экономики, другие – в сохранении ее институционального, структурного, технологического и ресурсного статус-кво. Ведь внедрение инноваций кого-то обогащает, а кого-то неизбежно разоряет или лишает возможностей извлечения выгоды. Вместе с тем люди в восприятии инноваций могут руководствоваться и другими, не корыстными или рациональными, а моральными или вообще иррациональными мотивами. Например, в свое время М.Вебер обратил внимание на явление социального неприятия предпринимателей-новаторов: «Повсеместное недоверие, иногда ненависть, а преимущественно моральное негодование всегда становились на пути первых новаторов» [Вебер, 1994: с. 62]. Сейчас и в нашем обществе, и в мире в целом крайне неоднозначно воспринимаются такие инновации, как биотехнологии клонирования и генной модификации, электронной идентификации личности («электронной» паспортизации) и т.п. Одновременно новейшие информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) быстро получают признание и стремительно распространяются в обществе.

Указанные случаи субъективно осознанной приемлемости/неприемлемости определенных инноваций, доверия/недоверия к инициаторам их внедрения можно рассматривать как проявления социальной легитимности/нелегитимности последних, обусловленной различными основаниями – религиозными, культурными, социальными, политическими, экономическими, правовыми, интеллектуальными, ситуативными и др. [Резнік, 2010: с. 219–221]. Таким образом, социальная легитимность инноваций и инициаторов инновационного развития является (а) массовым психологическим явлением, обусловливаемым извне различными общественными факторами, и (б), в свою очередь, социально-психо-

логическим фактором, способным влиять на судьбу указанных инноваций и инициаторов. Иными словами, социальная легитимность инноваций и инициаторов инновационного развития является одной из составляющих социального потенциала последнего. Ведь собственно ожидаемая массовая поддержка и готовность вовлечения во внедрение инноваций и воплощение определенных инновационных моделей определяет социально-психологические предпосылки успешного инновационного развития государственного и частного секторов экономики Украины.

Социальная легитимность проявляется не только посредством массового вовлечения в воспроизводство определенных инновационных практик, но и через общественное мнение по поводу инноваций и инициаторов инновационного развития упомянутых секторов. Оценку этих социально-психологических факторов можно осуществить путем анализа данных социологического опроса, проведенного Центром социальных и маркетинговых исследований «СОЦИС» в декабре 2011 года*. В ходе этого опроса на основе бустерной выборки было опрошено не менее 300 респондентов в каждой из социальных групп по определенному роду деятельности. Это позволяет рассматривать выделенные группы-бустеры как подвыборки, моделирующие соответствующие социальные группы по роду занятий в масштабах украинского общества в целом.

---

*В ходе этого количественного исследования во всех регионах Украины опрошено в целом 4000 респондентов с использованием бустерной (дополнительной) выборки из ряда социальных групп населения Украины. Среди этих групп – работники системы здравоохранения ($n = 349$), работники системы образования ($n = 326$), работники предприятий государственного сектора, в частности информационно-технический персонал ($n = 358$), частные предприниматели ($n = 333$). Метод сбора эмпирической информации – стандартизированное личное интервью (face to face) по месту постоянного жительства респондентов. Выборка многоступенчатая, стратифицированная, индивидуальная, с использованием квотного метода отбора респондентов на последней ступени. Квоты выдержаны по признакам возраста (старше 18 лет), пола, типа населенного пункта (город/село). Опрос выполнен в типологизированных 11 регионах Украины: Киев ($n = 311$), Северный (Житомирская, Киевская и Черниговская области: $n = 379$), Северо-

Род деятельности упомянутых социальных групп предполагает преимущественное вовлечение их в функционирование государственного или частного секторов экономики. Среди подвыборок используемой бустерной выборки наиболее вовлеченной в функционирование государственного сектора экономики является подвыборка инженерно-технического персонала. Также этот сектор представляют преимущественно подвыборки работников систем образования и здравоохранения, состоящие в Украине в основном из государственных учреждений. В соответствующих профильных учреждениях частного сектора работают нередко по совместительству сотрудники государственных учреждений. Среди подвыборок используемой бустерной выборки наиболее вовлеченной в функционирование данного сектора экономики является подвыборка предпринимателей и фермеров.

Среди социально-психологических характеристик людей, определяющих их отношение к инновационным изменениям и вовлечение в инновационные практики, следует выделить личную информированность (осведомленность) о перспективах и возможностях инновационного развития общества. Инновационные изменения воплощаются посредством массового восприятия инноваций [Роджерс, 2009: с. 35–37]. Это восприятие предвещает понимание и принятие инноваций, а значит, и последующее личное вовлечение в их освоение или распространение.

Западный (Волынская, Ровенская и Хмельницкая области: $n=275$), Западный (Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области: $n = 390$), Юго-Западный (Черновицкая и Закарпатская области: $n = 156$), Центральный (Черкасская, Полтавская, Винницкая и Кировоградская области: $n = 384$), Северо-Восточный (Харьковская и Сумская области: $n = 320$), Восточный (Донецкая и Луганская области: $n = 672$), Юго-Восточный (Днепропетровская и Запорожская области: $n=537$), Южный (Одесская, Николаевская и Херсонская области: $n = 419$), АР Крым ($n = 175$).

Исследование проведено по заранее подготовленной и апробированной анкете. В его процессе не опрашивались: граждане других стран, знакомые респондентов, родственники, находящиеся в гостях у хозяев, а также члены семьи, которые учатся или живут вне места проведения отбора. В итоге получены данные, репрезентативные на уровне всей Украины.

Таблица 3.8

**Самостоятельно проявленная информированность
о «внедрении инновационных технологий
и открытии новых производств» представителей
разных социальных групп по роду занятий, %**

Род занятий	n	Информированность		В целом
		Нет	Да	
Предприниматель, фермер	333	96	4	100
Инженерно-технический персонал (инженер, техник, наладчик и т.п.)	358	94	6	100
Работник сферы образования (учитель, преподаватель и т.п.)	326	94	6	100
Работник здравоохранения (врач, медицинский персонал и т.п.)	349	97	3	100

Выявление и оценка уровня и характера информированности о планируемой в Украине реформе стимулирования инновационного развития потребовали определенных методических средств и приемов. Сначала в процессе интервьюирования респондентам напомнили, что сейчас «в стране проводятся и планируются реформы». После этого напоминания их попросили сказать, о каких реформах они слышали или знают. При этом варианты возможных ответов опрашиваемым не зачитывались, поскольку они сами должны были назвать реформы. Все возможные ответы со слов респондентов кодировались интервьюерами. В итоге влияние интервьюера, контекста и инструментария интервью на характер ответов опрашиваемых минимизировалось. Было зафиксировано весьма незначительное количество ответов, определенных как самостоятельно, произвольно и спонтанно проявленная информированность респондентов о «внедрении инновационных технологий и открытии новых производств», отражающая действительную сопричастность людей с реальными инновационными процессами (табл. 3.8).

Это количество оказалось незначительным по всем рассматриваемым здесь социальным группам, выделенным по роду занятий. Доли опрошенных, самостоятельно, без подсказки отметивших, что они слышали и знают о внедрении инновационных технологий и открытии новых производств

в Украине, не превышают 6%. Ввиду незначительности этих долей корректное сравнение их не представляется возможным.

Более интерпретируемая информация получена с помощью другого метода опроса. Опрашиваемым последовательно зачитали перечень различных реформ, проводящихся сейчас или запланированных в Украине, среди которых фигурировало «внедрение инновационных технологий и открытие новых производств», и предложили отметить, насколько лично они осведомлены об указанной реформе. В итоге мера осведомленности опрашиваемых была уточнена (табл. 3.9).

Большинство опрошенных по рассматриваемым здесь родам занятий не знали о планах и ходе внедрения инновационных технологий и открытия новых производств в Украине. Но если сравнивать с распределением по предыдущему показателю (табл. 3.8), доли осведомленных об этом в общих чертах оказались вдвое больше (табл. 3.9). С учетом особен-

Таблица 3.9

Степень личной осведомленности о реформе с целью внедрения инновационных технологий и открытия новых производств в Украине представителей разных социальных групп по роду занятий, %

Род занятий	n	Мера осведомленности				В целом
		Знаю в деталях	Знаю в общих чертах	Практически ничего не знаю	Трудно ответить / Отказ от ответа	
Предприниматель, фермер	333	1	14	72	13	100
Инженерно-технический персонал (инженер, техник, наладчик и т.п.)	358	2	13	73	12	100
Работник сферы образования (учитель, преподаватель и т.п.)	326	2	14	70	14	100
Работник здравоохранения (врач, медицинский персонал и т.п.)	349	2	9	76	13	100

ности примененного показателя, содержащего фактическую подсказку, сделавшую возможным напоминание или опознавание готового ответа в шкале, можно предполагать, что пропаганда преимуществ и выгод инновационного развития экономики в определенной степени достигает внимания и сознания крайне незначительной части людей.

Вместе с тем низкий уровень осведомленности опрашиваемых о планах и ходе внедрения инновационных технологий и открытия новых производств в Украине отнюдь не означает их безразличия или пренебрежительного отношения к этим процессам. Когда опрашиваемым задали вопрос: «Каким из ниже перечисленных реформ, на Ваш взгляд, необходимо уделить особое внимание и принять в первую очередь, а какие можно отложить?» и зачитали перечень возможных реформ в Украине, то относительно фигурирующего в нем «внедрения инновационных технологий и открытия новых производств» ответы распределились следующим образом (табл. 3.10).

Доли заинтересованных в первоочередности инновационных преобразований превышают треть опрошенных по каж-

Таблица 3.10

Степень приоритетности реформы с целью внедрения инновационных технологий и открытия новых производств в Украине для представителей разных социальных групп по роду занятий, %

Род занятий	n	Степень приоритетности			В целом
		В первую очередь	Можно отложить	Трудно ответить / Отказ от ответа	
Предприниматель, фермер	333	46	40	14	100
Инженерно-технический персонал (инженер, техник, наладчик и т.п.)	358	45	40	15	100
Работник сферы образования (учитель, преподаватель и т.п.)	326	44	39	17	100
Работник здравоохранения (врач, медицинский персонал и т.п.)	349	37	39	24	100

дой социальной группе. Количественно они почти сравнимы с долями тех, кто считает возможным отложить эти преобразования на более поздний срок. Со временем численность как заинтересованных в первоочередности инновационных преобразований, так и считающих эти преобразования непервоочередными, потенциально может прирасти за счет тех, кто пока не определился с однозначным ответом или отказался отвечать. При этом отсутствуют значимые различия процентов осознающих приоритетность инновационной реформы между подвыборкой предпринимателей и фермеров, с одной стороны, и подвыборками инженерно-технического персонала и работников сфер образования и здравоохранения – с другой. В целом существенные различия между государственным и частным секторами по числу заинтересованных в первоочередности инновационных преобразований работников отсутствуют. Основанием так считать служит также характер процентного распределения ответов на другой вопрос (табл. 3.11).

Таблица 3.11

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что в преодолении экономического кризиса одним из решающих условий должно стать широкое использование инновационных технологий?» представителей разных групп по роду занятий, %

Род занятий	n	Позиция				В целом
		В основном согласен	Насколько согласен, настолько и не согласен	Не совсем согласен	Затрудняюсь ответить / Отказ от ответа	
Предприниматель, фермер	333	56	23	11	10	100
Инженерно-технический персонал (инженер, техник, наладчик и т.п.)	358	59	22	11	8	100
Работник сферы образования (учитель, преподаватель и т.п.)	326	58	19	11	12	100
Работник здравоохранения (врач, медицинский персонал и т.п.)	349	56	20	12	12	100

Более половины опрошенных всех рассматриваемых категорий склонны видеть в широком использовании инновационных технологий одно из решающих условий преодоления текущего экономического кризиса. Одновременно процентные доли имеющих противоположное мнение многократно меньше. Можно утверждать, что сама идея инновационного развития экономики Украины в настоящее время является вполне легитимной для рассматриваемых здесь социальных групп по роду занятий, не зависимо от их преимущественного вовлечения в функционирование государственного или частного секторов экономики.

Впрочем, преобладающая социальная легитимность идеи преодоления экономического кризиса посредством инновационных преобразований общества вряд ли тождественна с общей готовностью граждан к воплощению этой идеи. Сами опрашиваемые в целом достаточно пессимистичны в собственных оценках готовности населения страны к внедрению инновационных технологий (табл. 3.12).

Таблица 3.12
Распределение ответов на вопрос: «По Вашему мнению, готово ли население страны к внедрению инновационных технологий?» представителей разных групп по роду занятий, %

Род занятий	n	Оценка готовности				В целом
		В основном готово	Трудно сказать, готово или нет	Не совсем готово	Запрudняюсь ответить / Отказ от ответа	
Предприниматель, фермер	333	28	31	32	9	100
Инженерно-технический персонал (инженер, техник, наладчик и т.п.)	358	24	32	36	8	100
Работник сферы образования (учитель, преподаватель и т.п.)	326	27	28	37	8	100
Работник здравоохранения (врач, медицинский персонал и т.п.)	349	27	32	31	10	100

Около четверти опрошенных считают население Украины в основном готовым к инновационным преобразованиям, а около трети – неготовым в большинстве случаев в рамках рассматриваемых здесь социальных групп по родам занятий. При этом отсутствуют значимые различия процентов между подвыборкой предпринимателей и фермеров, представляющей частный сектор экономики, с одной стороны, и подвыборками инженерно-технического персонала и работников сферы образования и здравоохранения, представляющих ее государственный сектор, – с другой. Можно предположить, что при выборе ответа респонденты полагались на свои наблюдения за окружающими, собственный позитивный или негативный опыт вовлечения в инновационные практики и впечатления от общения с другими по поводу такого опыта.

Если учитывается фактор личного опыта людей, то правомерно предположение о возможности роста психологической готовности или неготовности населения к внедрению инновационных технологий в зависимости от действенности соответствующей политики государства и ее искусного воплощения. То есть эффективность усилий инициаторов инновационного развития экономики может влиять на уровень готовности общественности к инновационным преобразованиям. Например, если правительство убедительно инициирует определенный национальный проект инновационного развития экономики, он может быть одобрительно воспринят большинством граждан. Впрочем, в случае Украины в ходе опроса респонденты преимущественно не были уверены в готовности правительства к принятию программы широкого использования инновационных технологий (табл. 3.13).

Доли считающих правительство готовым к инициированию программы инновационного и технологического развития общества в большинстве случаев оказались: а) более чем в 2–3 раза меньше долей тех, кто уверен в обратном; б) более чем в 1,5–2 раза меньше долей тех, кому было трудно определить меру соответствующей готовности. Последнюю тенденцию можно толковать как наличие потенциальных возможностей для роста полярно противоположных позиций касательно неготовности правительства к про-

Таблица 3.13

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что наше правительство готово принять программу широкого использования инновационных технологий?» представителей разных групп по роду занятий, %

Род занятий	n	Оценка готовности				В целом
		В основном готово	Трудно сказать, готово или нет	Не совсем готово	Затрудняюсь ответить / Отказ от ответа	
Предприниматель, фермер	333	16	28	45	11	100
Инженерно-технический персонал (инженер, техник, наладчик и т.п.)	358	14	33	45	8	100
Работник сферы образования (учитель, преподаватель и т.п.)	326	15	29	45	11	100
Работник здравоохранения (врач, медицинский персонал и т.п.)	349	18	28	40	14	100

граммированию инновационного развития за счет тех, у кого еще не сложилось однозначного мнения по этому поводу. Не исключено, что в случае принятия правительством вполне реалистичной и соответствующей национальным интересам программы широкого внедрения инновационных технологий общественность окажется более благосклонной к власти имущим и более уверенной в их возможностях стратегического программирования инновационного развития общества. Это предположение в равной степени касается работников государственного и частного секторов экономики.

На фоне преобладания сомнений опрашиваемых в отношении готовности правительства к принятию программы широкого использования инновационных технологий около четверти респондентов по каждой из сравниваемых социальных групп считает, что руководство страны заинтересовано во внедрении инновационных технологий и открытии новых производств (табл. 3.14).

Таблица 3.14

Распределение ответов на вопрос: «Кто, на Ваш взгляд, заинтересован в проведении нижеперечисленных реформ? – Внедрение инновационных технологий и открытие новых производств (Отметьте все возможные варианты...)» представителей разных групп по роду занятий, %

Род занятий	n	Социальные субъекты				
		Руководство страны	Отдельные олигархические группы	Отдельные социальные группы населения	Население в целом	Затрудняюсь ответить / Отказ от ответа
Предприниматель, фермер	333	26	23	13	34	16
Инженерно-технический персонал (инженер, техник, наладчик и т.п.)	358	25	13	15	38	15
Работник сферы образования (учитель, преподаватель и т.п.)	326	28	23	13	36	14
Работник здравоохранения (врач, медицинский персонал и т.п.)	349	27	18	12	30	20

Иными словами, все социальные группы, по отдельности вовлеченные преимущественно в функционирование государственного или частного секторов экономики, в количественном измерении существенно не различаются по характеру оценок заинтересованности в этом случае. Отсутствуют значимые различия и в случае оценивания меры аналогичной заинтересованности отдельных олигархических групп. Поэтому утверждать о существенных отличиях оценок предполагаемой инновационной ангажированности отдельных олигархических групп страны в данном случае сравнения не представляется возможным. Руководство страны, возглавляющее государственный сектор экономики, и отдельные олигархические группы, пребывающие на главенствующих позициях в частном секторе, в восприятии представителей этих двух секторов статистически значимо не различаются

по степени заинтересованности в инновационных преобразованиях.

Подводя итог сравнительного оценивания разных параметров* социально-психологической составляющей инновационного потенциала государственного и частного секторов экономики, необходимо констатировать отсутствие очень существенных отличий по указанному признаку между представителями разных родов занятий, вовлеченных преимущественно в функционирование государственного или частного секторов. Социально-психологическая готовность и тех, и других к инновационным преобразованиям экономики как предпосылка их успешности требует повышения.

3.5. Социальный капитал в инновационном развитии экономики

В наше турбулентное время Украине необходима инновационная система развития нового типа, которая бы положила начало реальной стратегии инновационной модернизации. Под инновационной модернизацией понимается продуктивное скачкообразное технологическое, хозяйственно-экономическое, социально-политическое и гуманитарное обновление современного общества, которое должно происходить на основе опережающего, а не догоняющего развития. Основные задачи украинской модернизации – это создание современного общества, современных социальных институтов, инфраструктур и современного человека. Главная цель модернизации – обеспечение мировой конкурентоспособности Украины как государства и нации.

Отметим, что в контексте современных глобальных вызовов геополитического и геоэкономического характера новые идеологические проекты и поиск цивилизационного выбора Украины окажутся успешными лишь в том случае, если будут опираться на принципы общественного доверия, солидарности и развития.

---

* Параметры социально-психологической составляющей инновационного потенциала – анализированные выше информированность и осведомленность людей об инновационных преобразованиях, их личные приоритеты касательно последних, мнения и оценки.

В отличие от позитивной тенденции развития инновационной сферы в мире украинская экономика демонстрирует противоположную закономерность [Головатюк, 2014: с.12]. Феномен быстрого наукоемкого экономического роста пока остается фантомным. Украина постоянно теряет свой инновационный и научный потенциалы. В расчете на 10 тыс. человек экономически активного населения количество исследователей в стране в 2005–2011 годах уменьшилось в 1,2 раза. Согласно материалам Государственной службы статистики Украины, в противовес мировой тенденции в нашей стране количество учреждений, осуществлявших научно-техническую деятельность, в течение 2005–2012 годов уменьшалось – в 2005-м их было 1510, в 2012-м – 1208. Все это существенно осложняет переход украинской экономики на инновационную модель развития.

Инновационное развитие украинской экономики все сильнее зависит от качественно новой социально-экономической среды, которая так или иначе влияет на создание условий и реализацию нововведений. К сожалению, современное состояние социально-экономической среды нашего общества характеризуется тем, что традиционная модель национальной экономической политики и порождаемые ею чрезмерные межрегиональные диспропорции социально-экономического развития являются одной из главных причин углубления дезинтеграционных процессов и тенденций, и постоянно формируют угрозы инновационному развитию социально-консолидированного общества.

Вполне правомерно в такой ситуации опираться на решение проблемы инновационности социально-экономической среды с учетом интересов инвестора, продуктивного агента и национальной экономики. Именно согласованность интересов этой триады открывает перспективный путь формирования социально-экономической среды для эффективного функционирования капитала в его различных формах и их взаимоконвертации. Повышение инновационности социально-экономической среды должно способствовать усилению внимания, с одной стороны, инвесторов к расширению пространства своей деятельности, а с другой – стимулировать бизнес-структуры, научные учреждения, конструкторско-

технологические организации к поиску целенаправленных действий по оздоровлению инновационного климата в стране.

В Украине необходимо интенсифицировать реализацию стратегии опережающего развития экономики путем активизации инновационных факторов, в частности формировать привлекательный инвестиционно-инновационный климат социально-экономической среды. Подчеркнем, что такой климат выступает интеграционной характеристикой, основывающейся на комплексе политических, правовых, экономических и социальных условий, обеспечивая способность экономической системы продуцировать свое развитие, более эффективно используя инновационный и социальный капиталы. По результатам экспертных оценок состояния инвестиционного климата в Украине индекс привлекательности социально-экономической среды по всем составляющим этого климата с 1998 по 2011 год повысился с -0,115 до 0,037 [Головатюк, 2012: с.207].

Существенным обстоятельством улучшения привлекательности инновационного климата в этот период является рост социального доверия в украинском обществе как основы социального сотрудничества. Исследуя проблему социального капитала, Ф.Фукуяма отмечает, что общества с высоким уровнем доверия и социального капитала способны создавать крупные производства без поддержки государства. Иными словами, оценивая сравнительные преимущества той или иной стратегии для любой страны, экономисты должны учитывать не только её традиционный капитал и ресурсы, но и социальный капитал [Фукуяма, 2004: с.37]. Это положение имеет особое значение в контексте роста привлекательности инновационного климата, в результате чего усиливаются шансы активизации в украинскую экономику зарубежных инвестиций. Подтверждением этого служат результаты общеукраинских мониторинговых исследований Института социологии НАН Украины 1992 – 2013 годов⁴.

---

⁴ Динамика индекса социального доверия в Украине такова: 0,12 (1994 год); 0,14 (1998 год); 0,22 (2004год); 0,35 (2008 год); 0,32 (2010 год).

Исследование М.Портера специфики функционирования экономических систем, сформированных на эффективном использовании экономических кластеров, дает основание для выделения факторов, взаимодействие которых создает механизмы формирования привлекательности социально-экономической среды таких территориальных образований в конкретном регионе. К таким факторам относятся: а) особенности формирования и эффективность функционирования их исследовательского потенциала, от чего зависит интенсивность инновационного процесса; б) интенсивность и специфика формирования систем сетей социальных коммуникаций как составной части социального капитала; в) особенности деловой культуры взаимоотношений работников производственных коллективов; г) совместное участие в работе разного рода ассоциаций.

Социальный капитал является определенным типом ресурса, доступного участникам социально-экономической деятельности, который формируется в социальных структурах и облегчает их действия [Коулмэн, 2001: с.131–139]. Это облегчение становится результатом взаимного доверия и взаимопомощи, овеществленных в межличностных отношениях: обязательствах и ожиданиях, доверии, социальных сетях и нормах. Социальный капитал реализуется через сети социальных связей между различными социальными субъектами, обеспечивая доступ к разнообразного рода ресурсам, их распределению через формальные и неформальные социальные связи, основанные на доверии, ответственности, соблюдении взаимных обязательств.

Всестороннее исследование проблемы влияния социального капитала на устойчивое развитие общества с использованием математических моделей осуществлено учеными Института кибернетики им. В.М.Глушкова НАН Украины. По результатам своих работ они обосновали, что по мере роста социального капитала (снижения системных общественных рисков) происходит снижение уязвимости общества, которое становится способным выдерживать все усиливающиеся колебания сбалансированности экономических, экологических и социальных процессов. Более того, именно уменьшение социального капитала, снижение уровня дове-

рия разным институтам глобального сообщества вызвали мировой финансово-экономический кризис 2008 года [Атоев, Пепеляев, 2009: с.37–48].

Согласно концепции Дж.Коулмэна, социальный капитал способствует инновационному развитию общества. Так, с помощью эффективных социальных норм взаимодействия он может снижать последствия инновационной деятельности девиантного характера, которая может вредить другим, или наоборот – использовать последствия девиантных действий, которые могут оказаться полезными для всех [Коулмэн, 2001: с.126]. В своей трактовке социального капитала как общественного (коллективного) блага ученый опирается на принцип рационального и целенаправленного поведения индивидов, действия которых формируются, направляются и регулируются социальным контекстом – нормами взаимности, личностным доверием, социальными связями, социальными организациями, важными для эффективного функционирования не только общества, но и экономики.

Весомым материальным носителем социального капитала являются социальные сети. Не заменяя финансы, материальную инфраструктуру, образование, они увеличивают полезность использования этих ресурсов. Основанием для рассмотрения вопроса о вкладе социального капитала в экономический рост является то, что экономическая деятельность связана с разными типами сетей. На микроэкономическом уровне эмпирически подтверждено, что именно социальный капитал улучшает работу рынков. Социальный капитал на мезоуровне интегрируется как ресурс, принадлежащий группе, социальной общности, коллективу. Устойчивые социальные связи создают адекватные коммуникационные каналы, статусы, приоритеты, в которых генерируются инновации. Социальные сети, являющиеся структурной основой макроуровневого социального капитала, упорядочивают публичное пространство общества, повышают эффективность общественного регулирования, в частности экономических процессов, способствуют распространению социально полезных ценностей, артикулируют и согласовывают интересы социальных групп и государственных институтов, распространяя образцы социально активного поведения экономических инноваторов.

Всемирный банк (ВБ) сформулировал несколько иное определение социального капитала – это институты, отношения и нормы, качественно и количественно формирующие социальные взаимодействия в обществе. То есть это не только нормы и ценности, но и институты, в том числе негосударственные, которые согласовывают коллективные действия людей с их интеллектуальной деятельностью [Национальная инновационная система Украины, 2007: с. 186]. Институты и социальный капитал выполняют в процессе капиталообразования не менее важную функцию, чем финансовый капитал. Сегодня именно социальный капитал выводит интеллектуальный капитал на авансцену процессов капиталообразования, активизирует инновационный потенциал.

Исследуя влияние разных составляющих социального капитала, генерирующих различные типы сетей, на процессы экономического развития общества, Ф. Сабатини систематизировал индикаторы этого воздействия [Sabatini, 2009: с. 27].

Положительный «объединительный» социальный капитал образует горизонтальные связи, охватывающие разнородные группы людей на разной основе. Он стимулирует распространение информации и доверия, способствуя деловым операциям и экономическому росту. Такой тип капитала измерен частотой встреч с друзьями.

«Связующий» социальный капитал реализует связи участия в группах, направленные на достижение политических или финансовых интересов. Он измеряется «Патнемовским инструментарием» анализа гражданского общества – плотностью добровольных ассоциаций и степенью участия в их работе.

Корпоративный социальный капитал присутствует в сетях организаций, в том числе, экономической направленности, каковыми являются профессиональные ассоциации, бизнес-структуры и т.п.

Основываясь на концепции социальной солидарности как модели общественного прогресса, можно считать, что эффективной является такая социально-экономическая среда, где перманентно продуцируется инновационная функция социальной солидарности, обеспечивающая гармонизацию

взаимодействия новых и традиционных социальных действий общества, взаимосогласованность инновационных процессов с нынешними социальными процессами на благо общественного развития. Создание такой среды возможно при существовании высокого потенциала социальной солидарности, когда гармонично согласуются нормы общего (коллективного) взаимодействия различной природы благодаря непрерывному интенсивному генерированию новых знаний, трансформации их в обыденные и закреплению последних, увеличению человеческого, социального капитала при условии снижения общественных рисков [Головатюк, 2012: с. 27].

Это также возможно, если непрерывный инновационный рост украинской экономики будет сопровождаться глубокими качественными структурными преобразованиями не только в экономической, но и в остальных сферах общественной жизни, когда она ощутит активизацию социальных факторов инновационного развития на всех уровнях народнохозяйственного комплекса и системы управления. Экономическое значение социального капитала связано с уменьшением расходов на координацию совместной деятельности, поскольку контракты, формальные правила и бюрократические процедуры в значительной мере регулируются доверительными, моральными нормами, этикой делового общения, то есть неформальными общественными принципами, передающими культурные традиции и обусловленными взаимными обязательствами.

Можно констатировать, что в инновационном развитии экономической сферы постепенно усиливается взаимозависимость между экономическими, материальными, финансовыми составляющими хозяйственной деятельности, с одной стороны, и нематериальными, неосязаемыми – с другой. Обязательным условием инвестиционного вклада в развитие этой деятельности становится доверие, условием проявления доверия – репутация, условием формирования репутации – соблюдение этических принципов и норм как во внутренних, так и во внешних общественно-экономических связях.

Как уже отмечалось, одним из основных элементов социального капитала является доверие, в том числе в эконо-

мических отношениях. Дж. Коулмэн отмечает, что «функционирование экономических институтов и теория этого функционирования предусматривают наличие доверия как своей основы» [Коулмэн, 2009: с.33–40]. П. Бурдье характеризовал доверие как социальный или символический капитал, который имеет ценность даже на рынке, и человек может осуществить сделку, получить выгоду «за счет кредита и капитала доверия, который дает репутация человека не только богатого, но и честного» [Бурдье, 2003: с.233]. То есть люди, пользуясь доверием и накопленными социальными связями, могут получать материальную выгоду в любой момент независимо от того, есть ли у них деньги в этот момент. Ведь доверие тесно связано с взаимопомощью, добрососедством и партнерством, то есть выполняет интегративную и коммуникативную функции в экономических отношениях.

Согласно Ф.Фукуяме, социальный капитал рассматривается как определенный потенциал общества, или его части, которая возникает в результате наличия доверия среди его членов. Уровень же и качество жизни, конкурентоспособность, инновационность и благополучие страны зависят от меры такого доверия и уровня социального капитала, присущих обществу в целом. В этом контексте он утверждает, что благополучие страны, а также ее общая состоятельность на фоне других стран определяются одной универсальной культурной характеристикой – свойственным её обществу уровнем доверия. Перспектив для успешного инновационного экономического развития, формирования экономики знаний в странах с низким уровнем социального доверия мало. Общество с низким уровнем доверия может так никогда и не выиграть от перспектив, открывающихся инновационными трансформациями.

Он также полагает, что наличие доверия в трудовых и вообще производственных отношениях делает возможным снижение издержек производства, а следовательно, в немалой степени способствует экономическому развитию общества, в том числе благодаря внедрению инноваций: «Если люди, работающие вместе в одной компании, доверяют друг другу, учитывая общность своих этических норм, издержки

производства будут меньше. Общество, где это происходит, имеет больше возможностей внедрять новые формы организации, так как высокий уровень доверия делает возможным возникновение самых разнообразных типов социальных контактов» [Фукуяма, 2004: с. 55]. Иными словами, доверие в производственных ячейках не только экономит их ресурсы, но и становится социальной предпосылкой их сплоченности, которая, в свою очередь, составляет фундамент их коллективной воли к вовлечению в инновационные практики, рискованные в экономическом измерении. В то же время доверительная среда с характерными для нее вниманием, толерантностью и уважением ко всем вовлеченным в нее людям является благоприятной для появления инновационных идей и развития их до уровня практического воплощения. Например, трудовой контракт делает найм и совместную работу ранее незнакомых людей, не имеющих оснований для взаимного доверия, плодотворными. При наличии доверия их совместная работа становится гораздо плодотворнее.

Ф.Фукуяма считает навыки человеческой ассоциации, основанные на доверии, важнейшей экономической добродетелью, потому что благодаря этому социальная общность приобретает необычайную адаптированность к обстоятельствам: «... люди, доверяющие друг другу и умеющие работать совместно, всегда легко справятся с новыми условиями и прибегнут к такой форме организации, которая будет для них удобной» [Фукуяма, 2004: с. 519]. Этот тезис наглядно демонстрирует успешную адаптированность обществ с высоким уровнем доверия в условиях глобальных информационно-технологических преобразований национальных экономик. Новые телекоммуникационные технологии разрушают давно налаженные и устоявшиеся формы экономических отношений, и субъектам последних приходится искать новые «ниши» на рынках, осваивать соответствующие формы взаимоотношений с потенциальными контрагентами. Лучше всего адаптироваться в новых технологических условиях удастся обществам с высоким уровнем социального доверия.

В целом Ф.Фукуяма описал большинство функций доверия в экономических отношениях и сформулировал взве-

шенные дефиниции коммуникативной и интегративной функций обеспечения экономической и социальной эффективности.

Высокий уровень доверия к отдельной организации или экономике страны в целом способствует взаимодействию, сотрудничеству, привлечению инвестиций и предоставлению кредитов на выгодных условиях. Хорошие экономические показатели обуславливают рост доверия инвесторов, кредиторов, партнеров и других контрагентов. Зато недоверие означает отказ кредиторов в предоставлении кредитов на приемлемых условиях либо вообще их непредоставление, отказ потенциальных инвесторов от инвестирования, игнорирование товаров и услуг потребителями. Как отметил У.Бек, «систематическая *утрата* доверия заставляет потребителей везде видеть риски», значит, «чем меньше доверия, тем больше рисков» [Бек, 2007: с.155]. Таким образом, потеря доверия увеличивает экономические риски, тогда как наличие доверия является залогом стабильности и уверенности в экономических отношениях, уменьшения транзакционных потерь в ходе их протекания. То есть фактически речь идет о функции обеспечения экономической эффективности.

Доверие в экономических отношениях выполняет важную функцию – делает возможным инновационное развитие экономики общества. Эта функция реализуется благодаря возникновению доверия, разнообразных социальных связей, способствующих продуцированию и внедрению новых форм организации, принятию и распространению новых элементов материальной и духовной культуры. То есть доверие в экономической деятельности можно считать одной из составляющих социального потенциала инновационного развития экономики страны.

Среди академиков Американской академии наук был проведен опрос, в ходе которого им предложили назвать наиболее выдающееся открытие XX века. Самым выдающимся открытием XX века, по их мнению, стало формирование национальных инновационных систем.

Национальная инновационная система (НИС) – это совокупность взаимосвязанных организаций (структур), заня-

тых производством и коммерческой реализацией научных знаний и технологий в пределах национальных экономических систем (малые и большие компании, университеты, государственные лаборатории, технопарки и инкубаторы). Другая, не менее важная часть НИС – это комплексы институтов правового, финансового и социального характера, а также прочные национальные корни, имеющие традиции, политические и культурные особенности [Проблемы становления, 2004: с. 71].

Будущее Украины, ее благосостояние и место в мировом сообществе в значительной мере будут определяться тем, сможет ли она преодолеть существующую ныне неопределенность развития национальной инновационной системы, что негативно выделяет нашу страну в ряду промышленно развитых стран. Формирование инновационной системы нового типа в Украине находится на начальной фазе. В стране уже имеются почти все основные компоненты этой системы, но главной проблемой построения системы НИС остается разобщенность этих составляющих, их фрагментарность, наличие в их составе компонентов с признаками отсталости, относящихся к низшему технологическому укладу.

Корректируя базовую модель, экономические, социально-политические, культурные и другие особенности, страны формируют индивидуальный, специфический профиль НИС. Поэтому следует ожидать, что архитектура новой НИС Украины будет формироваться с учетом реального состояния основных компонентов, то есть в зависимости от уровня развития: науки; образования; предпринимательства; механизмов финансирования инноваций и предпринимательства; гарантий отношений собственности.

В Украине, переживающей переходный период системной трансформации, выделение системы управления инновациями обязательно должно сопровождаться созданием в составе НИС специальных внутренних структур, направленных на ускоренное развитие социального капитала по следующим направлениям: обеспечение внутреннего контроля и самодисциплины; аудит гуманитарных факторов; организация инновационной системы отбора и подготовки кадров; формирование потоков интеллектуального капитала; раз-

вертывание необходимых для этого исследований и социальных экспериментов.

Учитывая зарубежный опыт внедрения инновационных фондов разного уровня, фонд фундаментальных исследований и другие фонды инновационного направления целесообразно переподчинить именно НИС-Украины. Поскольку, максимально эффективное использование финансовых средств возможно лишь при условии высокого уровня социального капитала (порядочности, доверия, взаимности обязательств) руководства этих фондов, что лучше достигается в специально созданных условиях, в составе автономной от государственных органов управления структуре.

В процессе функционирования НИС, активирующей научный потенциал, следует учитывать и социальную роль науки. Так, одним из направлений улучшения социальной коммуникации науки, мобильности и эффективности исследовательских структур в современных условиях может стать формирование социальных сетей научных сообществ как веского фактора механизма развития инновационной экономики, который обеспечит взаимодействие человеческого и социального капиталов, активизацию инновационного потенциала. Одним из современных научно-организационных методов, содействующих активизации конструктивного диалога научной общности и государства, социальной коммуникации науки и реализации возможностей научного потенциала для инновационного развития экономики, является метод «Форсайт» [Маліцький, 2008: с. 86]. Программы, разработанные этим методом, создают условия для длительного сотрудничества исследовательских структур, деловых кругов, общественности и органов государственной власти. Здесь цель определяется как нахождение консенсуса для долгосрочных инновационных приоритетов, имеющих реальное социально-экономическое значение, где формируются социальные сети инновационного развития. Это позволяет снизить уровень рисков неопределенности инновационных процессов в экономике. И одновременно обеспечивается механизм постоянного накопления социального и научного капиталов инновационности развития.

Следует отметить отечественный опыт реализации программы, в которой решались такие задачи: создание социаль-

ных сетей по обмену информацией, публичное обсуждение инновационной политики общественностью, изменение отношения общества к инновациям, то есть обеспечиваются реальные механизмы постоянной актуализации функции исследовательских структур, улучшения восприятия науки обществом и ее социальной коммуникации, формирования необходимого инновационного мировоззрения, инновационной культуры социума [Шелюбская, 2006: с. 446–454].

Научные центры регионального характера, ориентированные на развитие научного и социального потенциала, фактически дополняя отраслевую систему управления народным хозяйством за счет усиления межотраслевых научно-технических связей в регионах, являются важным звеном в цепи создания специализированных социальных сетей как элемента социального капитала при формировании и развитии территориальных кластеров инновационной экономики.

Это дает возможность совершенствовать механизмы общественных форм создания социальных сетей инновационной трансформации региональных экономик в виде определенного толчка развития украинской экономики в целом. Действенным становятся механизмы формирования социальных сетей взаимодействия структур региональных научных центров, отраслевых институтов, вузов и практиков в форме целевых научно-технических программ и комплексных планов научно-технического сотрудничества.

Одним из основных направлений государственной политики содействия инновационному развитию в Украине должно стать создание институтов формирования социального капитала.

К практическому решению данной проблемы также активно приобщаются специалисты и организации, принадлежащие к гражданскому обществу. Естественно, это расширяет масштаб работы. Среди их разработок привлекает внимание Технология экономического прорыва Украины (ТЭП), предложенная председателем Совета конкурентоспособности Украины (СКУ) Ю.Полунеевым. Одной из базовых матриц данной концепции влияния государственной политики на конкурентоспособность страны является формирование

социальной интеграции и социального капитала. Этот блок ориентирует на решение таких значимых вопросов как формулирование и практическое воплощение национальной идеи, формирование системы приоритетов и социальных ценностей, утверждающих философию личного и общественного успеха, инновационного качества жизнедеятельности [Шнипко, 2009: с.180–181].

Опыт мировых лидеров-стран свидетельствует о безальтернативности функционирования социального капитала в процессе генерирования креативной энергии инновационного развития, которая гармонично собирает организационные, финансовые, интеллектуальные элементы НИС в единый эффективный механизм. Инновационная инфраструктура, финансы фондов, организационные усилия подсистем НИС являются только мощным инструментом. Его создание не обеспечивает автоматического развертывания инновационного процесса. На что этот инструмент будет направлен, то он и будет делать. Только наличие высокого уровня социального капитала и его баланса с финансовым капиталом, обеспеченного конкуренцией рыночных отношений, вызывает скачкообразный прорыв позитивного креатива.

Стратегия дальнейшего существования и развития Украины может быть разработана в контексте инновационного типа сценария. Модернизация рассматривается как часть нового общественного договора между государством и обществом. Иницилируя модернизацию, государство вынужденно идет на ограничение собственной монополии на власть; сотрудничество с социально-инновационными структурами и группами на принципах доверия и взаимности облегчит реформу системы государственного управления, одной из главных задач которой является уменьшение/нейтрализация «агентов контрмодернизации» внутри государственного аппарата и бизнес-элит.

Глава 4

ВОЗМОЖНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

4.1. Ключевые проблемы перехода Украины к инновационному типу развития экономики

Социально-экономический прогресс Украины, преодоление массовой бедности и повышение благосостояния народа невозможны без перехода к инновационному научно-промышленному развитию, основанному на накоплении наукоемкого высокотехнологичного промышленного капитала, повышении производительности труда и снижении издержек производства, создании высокотехнологичных автоматизированных рабочих мест, соответствующего повышения уровня образования и квалификации граждан Украины. И только в социально-экономической системе, интегрирующей науку, образование и промышленность, организующей их взаимодействие, массово создаются инновации и общественная потребность в них. Очевидно, что создание подобной социально-экономической системы в конкретных организационно-экономических формах, соответствующих уровню развития современных индустриальных производительных сил (ИПС), является важнейшим шагом на пути перехода к инновационному развитию. Насколько же экономика Украины соответствует требованиям инновационного развития?

Сложившаяся в Украине социально-экономическая система стала результатом смены типа общественного строя и характерных для него социально-экономических отношений и отношений собственности как их ядра. Доминирующий в общественном и социально-научном сознании дискурс изображает данную системную трансформацию как необходимое следствие экономической неэффективности советской модели планового хозяйства, основанной на общественной собственности, по сравнению с западной «рыночной» мо-

делью, основанной на частной капиталистической собственности и свободной конкуренции. С этой точки зрения безальтернативным путем к обеспечению экономического роста и благосостояния населения является отказ от «административно-командной системы», возврат на «столбовую дорожку цивилизации» и проведение рыночных реформ, направляемых Вашингтонским консенсусом.

Однако результаты движения по пути «рыночных реформ» на постсоветском пространстве с точки зрения обеспечения инновационного развития оказались провальными. Вместо создания высокоразвитой экономики «как на Западе» – деиндустриализация, массовая потеря высокопроизводительных рабочих мест, экспортно-сырьевая ориентация экономики в сочетании с зависимостью экономики Украины от печатного станка Федеральной резервной системы США и, как следствие, обнищание населения. Провозглашение абстрактных либеральных ценностей свободы и демократии обернулось на деле господством финансово-сырьевой олигархии при поддержке обслуживающих ее групп бюрократии и интеллигенции над трудящимся большинством.

Указывая в качестве цели достижения уровень развития и благосостояния индустриально-развитых стран, реформаторы средством ее достижения выбрали рыночные реформы в их экстремистской неолиберальной форме. Самым сильным аргументом в пользу такого варианта реформ было то, что частная собственность и рынок порождают конкуренцию, являющуюся мощным экономическим стимулом инноваций, повышающих эффективность производства, вследствие чего удовлетворяется спрос, обеспечивается пропорциональность между спросом и предложением, а также быстрый экономический рост. Однако капитализм всегда стремился преодолеть рыночную конкуренцию, рассматривая ее как источник издержек, а не развития. Догматическая позиция реформаторов, не желавших видеть реальной диалектики общественного развития, была следствием не рационально-научного подхода, а выражением определенной политико-идеологической позиции. Эта позиция, в свою очередь, выражала определенные экономические и социально-классовые интересы, материализованные в сложившейся системе

производственных отношений позднесоветского общества. Она была выражением требования легализации теневого частного капитала и утверждения его системного господства, для чего и потребовалась неолиберальная идеология децентрализации и частнособственнической дезинтеграции экономики, связанная с рынком и свободной конкуренцией.

Объективно на современном уровне развития промышленных производительных сил масштабность и сложность задачи их качественного обновления превосходит возможности раздробленных частнокапиталистических предприятий. Чтобы понять это, достаточно проанализировать опыт капиталистических ИРС. Уже в конце 1980-х около 90% попыток мелкого и среднего бизнеса в США создать прогрессивное наукоемкое производство заканчивалось банкротствами, поскольку 2/3 всех разработок завершается провалом, а мелкие и средние предприниматели в силу недостаточности капитала неспособны нести такие расходы на НИОКР и терпеть такие убытки вследствие неудач [Новые «кумиры», 1990: с. 167]. Существующие инвестиционные барьеры, затраты, необходимые на разработку новых технологий, инновационных изделий, превосходят и возможности постсоветской олигархической частнокапиталистической собственности. Возьмем, к примеру, авиастроение – высокотехнологичную отрасль, в которой у Украины еще сохраняются некоторые возможности развития. Корпорация «Boeing» на разработку и предпроизводственную подготовку такого высокотехнологичного наукоемкого продукта, каким является новейший тип пассажирского самолета Boeing-787 Dreamliner, на 50% выполненный из легких композитных материалов на основе углеводородного волокна, в течение нескольких лет затратила 12 млрд долларов, что на 20% больше, чем было запланировано*. Понятно, что

---

* При этом расходы на производство лайнера будут превышать доходы от его продаж примерно на 4–5 млрд долларов по меньшей до 2015 года, поскольку обычной практикой завоевания рынков инновационным продуктом является его продажа ниже себестоимости. Однако из-за возникших проблем с доводкой самолета и устранением всех недостатков, выявившихся в ходе его коммерческой эксплуатации, проект станет окупаемым, возможно, не ранее 2021 года [Гребенник, 2012]. Потребности в дизайнерских и других доработках заставили производителя создать отдельную линию для выпуска самолета в г. Эверетт (штат Вашингтон, США), чтобы справиться с дополнительной работой

такой инновационный высокорискованный проект находится за пределами возможностей украинского олигархического капитала. Чтобы Украина смогла производить собственные авиалайнеры мирового класса, ей пришлось бы создать научно-производственный комплекс, равный по своим ресурсным, научно-технологическим и организационным возможностям советскому Минавиапрому. Поскольку для Украины это затруднительно, поддержание на плаву отечественного авиастроения и других высокотехнологичных производств действительно требует межгосударственной промышленной кооперации.

Однако следует понимать, что более или менее равноправная международная промышленная кооперация, позволяющая сохранить и повысить научно-производственный потенциал Украины, в настоящее время возможна главным образом в рамках Евразийского экономического сообщества

по первым партиям самолетов. Помимо этого специально под выпуск данной модели были введены новые мощности завода в г. Чарльстон (штат Южная Каролина, США). Другой пример – крупнейший в мире авиалайнер “Аэробус А-380” консорциума Airbus Industry. Самолет весом 308 тонн разрабатывался 11 лет и обошелся в 13 миллиардов долларов – почти на два миллиарда больше сметы. Эти примеры указывают на то, что крупные корпорации, ежегодный оборот которых превосходит ВВП иных государств, могут позволить себе долгосрочные инвестиции в новые масштабные проекты, не ожидая немедленной прибыли от них. В их случае затраты компенсируются за счет средств, полученных от реализации уже освоенной прибыльной продукции (в случае с «Boeing» это самолеты Boeing-747, 737, 777 и др., а также продукция военного назначения). Но для раздробленной частнокапиталистической собственности, господствующей на постсоветском пространстве, такие инвестиционные проекты неподъемны. Например, все активы, находящиеся в собственности крупнейшей украинской финансово-промышленной группы «Систем кэпитал менеджмент» (СКМ), 100% акций которой принадлежат украинскому олигарху Р.Ахметову, составляют чуть более 30 млрд долларов, тогда как только ежегодный финансовый оборот «Boeing» превышает 80 млрд долларов, при совокупных активах 95 млрд долларов. К тому же «Boeing» – это вертикально интегрированная корпорация со всеми вытекающими отсюда последствиями, а СКМ – надстроечная холдинговая структура, механически объединяющая разнородные куски собственности. Она владеет множеством предприятий, органически не связанных производством какого-либо конечного продукта. Большая их часть осуществляет добычу или начальную переработку сырья, производство промежуточного продукта. Ни о какой наукоемкой высокотехнологичной конечной продукции речь здесь не идет.

(ЕврАзЭС) – интеграционного проекта, объединяющего ряд стран бывшего Советского Союза, задачей которого является формирование Таможенного Союза и Единого экономического пространства (ЕЭП), создающих предпосылки для выхода на более высокий уровень интеграции – Евразийского экономического союза (ЕЭС). Основной причиной возникновения евразийского интеграционного процесса является стремление преодолеть кризис экономик стран–участниц, вызванный разрушением экономических связей и единых технологических цепочек вследствие развала СССР, что стало причиной деградации передовых наукоемких отраслей производства и создает угрозу периферизации постсоветских стран. Не менее важную роль играет их разочарование в результатах деятельности иностранного капитала, который, «вопреки возлагавшимся на него завышенным ожиданиям, не оказал содействия развитию реальных секторов экономики, высоких технологий и пр., а свел свою деятельность преимущественно к экспорту энергоресурсов и других видов минерального и биологического сырья» [Малышева, 2013: с. 109]. По своему замыслу евразийский интеграционный проект должен стать инструментом экономической политики, нацеленной на восстановление и развитие научно-производственного потенциала стран–участников посредством международной кооперации промышленного производства высокотехнологической продукции с высокой добавленной стоимостью [Глазьев, 2013: с. 223].

По данным нашего экспертного опроса (табл. 4.1), каждый второй эксперт (50%) позитивно оценил влияние на ИРЭ Украины ее вхождения в Единое экономическое пространство. 10 экспертов (39%) считают, что вступление в Таможенный Союз окажет сильное или ощутимое позитивное влияние на экономическое развитие в инновационном направлении. Столько же экспертов аналогично позитивно оценили роль евразийской международной интеграции, хотя каждый третий–четвертый из них оценивает эти направления международной интеграции как такие, что никак не повлияют на ИРЭ нашей страны. Вместе с тем многие эксперты полагают, что вступление Украины в ЕС и научно-техническое сотрудничество с НАТО позитивно повлияют на ИРЭ Украины (62% и 46% соответственно). Однако с этим мнением трудно согласиться.

Таблица 4.1

Влияние вероятных направлений международной интеграции на инновационное развитие экономики (по оценкам экспертов, N = 26)

Направления международной интеграции	Характер влияния				
	Негативный		Никакой	Позитивный	
	Сильный	Ощутимый		Сильный	Ощутимый
Вхождение Украины в Европейский Союз	2	3	3	13	3
Вхождение Украины в Единое экономическое пространство	1	5	5	10	3
Вступление Украины в Таможенный Союз	1	5	7	8	2
Участие Украины в формировании ЕврАзЭС	1	3	9	7	3
Сотрудничество с НАТО в рамках экономических и научных проектов	2	2	8	11	1

Западных партнеров Украина интересуется скорее как донор еще сохраняющихся у нее высоких технологий, Украина как самостоятельный субъект инновационного развития ЕС и США не нужен. Западные рынки в любом случае будут закрыты для высокотехнологичных продуктов украинского производства: никто не заинтересован в том, чтобы допускать на них конкурентов «Airbus» и «Boeing». Условия экономической интеграции с ЕС и трансатлантической зоной свободной торговли прописаны весьма четко: селективное открытие западных рынков для украинского сырья и рабочей силы и полное открытие украинской экономики для готовой продукции западных корпораций и западных капиталов, готовых скупить еще не распроданные национальные активы. В этом случае украинская экономика будет окончательно загнана в нишу низкотехнологического и сырьевого придатка ЕС и трансатлантического партнерства. Опыт пребывания в ЕС Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и прибалтийских государств с их нынешним бедственным экономическим положением сам по себе является предупреждением против евроинтеграционных иллюзий.

Как трагическую оценил нынешнюю социально-экономическую ситуацию в Польше известный польский экономист профессор В.Кежун, в течение десяти лет руководивший одной из самых больших программ ООН по модернизации стран Центральной Африки. По его словам, «сумма государственного долга и частных долгов превышает уровень национального дохода. И долг растет, потому что все эти 20 лет мы имеем отрицательный баланс во внешней торговле. Мы живем в соответствии с философией, сформулированной премьером Туском, — «Здесь и сейчас». Нет никакого стратегического плана. Польше угрожает серьезный финансовый кризис. Находится под угрозой система соцобеспечения» [Кежун, 2013]. Это следствие превращения Польши в объект неокolonизации со стороны ЕС. Отвечая на вопрос корреспондента, была ли подобным образом осуществлена неокolonизация других стран, входивших в бывший советский блок, профессор Кежун ответил: «Да, эта концепция была реализована по всей Центральной и Восточной Европе». Таким образом, евроатлантическая интеграция означает по сути окончательную неокolonизацию Украины, и так находящейся в сильной финансовой зависимости от Запада. Надежды на то, что евроатлантическая интеграция позволит поднять экономику до передового технологического уровня за счет трансфера технологий, и благодаря этому обеспечить основу для перехода к инновационному развитию, отдают наивным евроромантизмом. Ни получить, ни купить высокие технологии у западных компаний не выйдет. Они – основа их монопольного положения на рынках, источник сверхприбылей, обеспечиваемых инновационной рентой. Они охраняются патентами и правами на интеллектуальную собственность. В лучшем случае Украина, как и Китай, будет обречена на сборочное производство с низкой добавленной стоимостью. Китай, впрочем, осознал пагубность включения в мировое капиталистическое хозяйство (МКХ) на основе низкотехнологического экспортноориентированного роста и все более ориентируется на развитие внутреннего рынка и создание собственных высокотехнологических производств. Плановая экономика Китая осуществляет регулируемое введение элементов «ры-

ночных отношений» при сохранении командных высот в руках государства, что позволяет осуществлять планомерные инвестиции в развитие приоритетных наукоемких отраслей. Именно опыт КНР был указан девятью из 22 экспертов ответивших на вопрос: «На какие страны мира Украине следует ориентироваться в выборе модели инновационного развития экономики»? Надо отметить, что эксперты в качестве стран-образцов отбирали в основном страны с традиционно сильной социально-экономической ролью государства (Финляндия упомянута 9 раз, Швеция – 5, Франция и Южная Корея – 4, Германия – 3, Япония – 3). Не вызывает удивления, что страны англо-саксонской неолиберальной модели упоминались реже (США – 3 раза, Великобритания – 2). Девять экспертов совершенно справедливо указали на невозможность простого повторения уникального пути какой-либо страны и необходимость для Украины искать собственный путь к инновационной экономике, учитывая международный опыт.

А между тем экономика Украины срочно нуждается в модернизации. Износ основных фондов в промышленности, энергетике, коммунальном хозяйстве достигает 65–90%, то есть он превысил пороговый индикатор экономической безопасности – 50%. Украинская промышленность не в состоянии производить продукцию, необходимую для внутреннего потребления. В результате это приводит к необходимости импортировать из-за рубежа. По опубликованным правительством данным, среди «продаваемых в нашей стране потребительских товаров, относящихся к продукции машиностроения (автомобили, бытовая техника и электроника), доля импорта сегодня достигла 99,2%, а в закупках промышленного оборудования отечественными предприятиями на импорт приходится 92,6%. Украинский импорт растет быстрее, чем экспорт, что приводит к росту внешней задолженности и ставит под угрозу стабильность национальной валюты» [Тарнавский, 2013]. И здесь возникает другая проблема: «На мировом рынке Украина превратилась в поставщика металлопродукции, сельскохозяйственного и минерального сырья, устаревшего промышленного оборудования и компонентов. Эти товары имеют низкую

рентабельность, а их продажи не приносят отечественным компаниям существенных прибылей. Соответственно, государство не получает достаточного объема средств в виде налогов, и у производителей остается недостаточно ресурсов для проведения модернизации своих мощностей. Еще немного, и Украина окончательно превратится в страну третьего мира, вынужденную закупать все мало-мальски сложные изделия за рубежом, а у государства не останется средств на содержание социальной сферы. Это приведет к резкому падению жизненного уровня населения и окончательно добьет малый и средний бизнес, ориентирующийся на внутренний потребительский рынок» [Тарнавский, 2013]. Однако уровень капиталовложений для восстановления основных производственных фондов в Украине недостаточен. Фактически происходит суженное воспроизводство промышленного капитала. Как отмечает академик НАН Украины Б.Данилишин, создалась ситуация, когда «страна не в состоянии воспроизвести структуру основных производственных фондов (ОПФ), которая обеспечивала бы эффективное и безопасное функционирование народнохозяйственного комплекса. ...Деградация основных фондов происходит при очень низкой доле собственных средств предприятий, направляемых на воспроизводство – всего 1,5% ежегодно от стоимости ОПФ, то есть полное восстановление производственных мощностей такими темпами станет возможным только через 50 лет, тогда как в странах Европы на это нужно до 5 лет. Для преодоления такого состояния необходимо обеспечить увеличение объема инвестиций в обновление основного капитала не менее чем в 5 раз. В-вторых, структурные деформации экономики Украины ярко отражают ее сырьевую направленность, а с учетом состояния материально-технической базы производства демонстрируют потенциальную серьезную экологическую угрозу. ...Наблюдаются ...угрозы технологической и экономической безопасности страны. Украина все активнее становится сырьевым придатком, специализируясь на ускоренном развитии ресурсодобывающих отраслей (доля только черной и цветной металлургии выросла с 9,4% в 1990-м до 25% в 2000–2010 годах), причем в структуре экспорта преобладает

не готовая, а промежуточная продукция и сырье» [Данилишин, 2013]. В этих условиях промышленная кооперация в рамках Евразийского экономического сообщества, учитывая заинтересованность последнего в интеграции и развитии научного и промышленного потенциалов его стран-участников, а также то, что украинская промышленность изначально являлась частью более широкого общесоюзного производственного комплекса, представляется более предпочтительным по сравнению с предлагаемыми ЕС формами интеграции. Создание единых интегрированных цепочек добавленной стоимости, основанных на производстве наукоемкой продукции, в которых присвоение добавленной стоимости поднято с уровня промежуточного на уровень конечного производства, было бы спасением для экономик, интегрирующихся в Таможенный Союз и Единое экономическое пространство, от неокOLONиальной эксплуатации со стороны Запада.

Возвращаясь к проблеме инвестиционных барьеров, надо отметить, что и для крупных корпораций издержки на инновации слишком велики. Поэтому на помощь в таких случаях всегда приходит государство. В случае с Airbus A-380 – первым в мире авиалайнером с двумя палубами по всей длине фюзеляжа вместимостью до 840 пассажиров – почти треть расходов на разработку было покрыто дотациями европейских правительств. Как свидетельствуют материалы судебного разбирательства в рамках ВТО относительно незаконного субсидирования властями США и Евросоюза концернов «Airbus» и «Boeing», Евросоюз предоставил концерну «Airbus» финансовую помощь в размере 20 млрд долларов в виде кредитов с заниженными процентными ставками на разработку шести перспективных марок самолетов, в том числе А-380. С другой стороны, Евросоюз обвинял США в том, что с 1990 по 2007 год правительство США через исследовательские фонды NASA, гранты Пентагона, налоговые льготы и возмещение затрат на НИОКР обеспечило «Boeing» финансовой помощью на 18,9 млрд долларов в нарушение правил ВТО [Мосякин, 2011: s.a]. Это лишний раз доказывает, что в современном мире частнокапиталистическая собственность не может быть фундамен-

том инновационного развития. Таковой может быть интегрированная собственность и высокообобществленное производство в форме интегрированных крупных производственных комплексов, подчиненных общегосударственной системе управления научно-техническим прогрессом, обеспечивающей единство действий всех элементов для достижения максимального народнохозяйственного результата.

Ввиду этого роль плановой централизованной организации научно-технического прогресса возрастает. И на это обращают внимание специалисты: «Распад советской экономической системы привел к отказу и от позитивных элементов советского опыта, хотя экономика наиболее развитых зарубежных стран, вопреки распространенному стереотипу, носит именно плановый характер – в особенности в сфере управления технологическим развитием. Разрабатываются и успешно претворяются в жизнь долгосрочные стратегические планы инновационного развития отраслей и отраслевых комплексов. Яркий пример – Национальный план США в области авиации, причем, важно подчеркнуть, что это именно общенациональный план, не дублирующий стратегий развития частных авиастроительных корпораций. ... в наиболее экономически развитых странах мира успешно разрабатываются и выполняются стратегические планы развития наукоемких отраслей, совершенствуются методы прогнозирования и управления (в том числе государственного) инновационными процессами. Существует разница между рекомендациями, которые даются развивающимся странам (в том числе России), и реальной практикой функционирования ведущих экономик мира» [Клочков, 2010: с. 31–32]. Но еще задолго до этого исследователями был сделан вывод, что важным фактором повышения эффективности научно-технического потенциала США является «обобществление научной и производственной деятельности, создание единого научно-производственного процесса на всех уровнях – от завода до государственного аппарата» [Научно-технический прогресс в США, 1988: с. 27].

То, как конкретно это происходит, иллюстрирует работа Национального научного фонда США, который финансирует тысячи государственных исследовательских центров, коор-

динируя их деятельность с деятельностью университетов и частных фирм, которым он также оказывает финансовую поддержку. Еще один хороший пример – Силиконовая долина, возникновение которой было бы невозможно без целенаправленных государственных инвестиций в создание таких важнейших информационных технологий как Интернет и система глобального позиционирования. Только после того, как оба эти проекта, требовавшие многомиллиардных инвестиций, были осуществлены полностью за счет государства и налогоплательщиков, они были переданы бизнесу для коммерческого использования

Исключительно важную роль государства в развитии ИРЭ подчеркивают и украинские эксперты. Большинство из них считают, что «государство должно определять приоритеты инновационного развития и частично его финансировать совместно с частным бизнесом» (81%). Однако надежды на то, что украинский частный бизнес возьмет на себя сколько-нибудь значительное его финансирование представляются беспочвенными. Затраты на современное наукоемкое инновационное развитие слишком велики, а прибыли не гарантированы.

Сторонники нелиберальной экономической политики выступают против государственного регулирования инновационной деятельности, считая, что государственное вмешательство подавляет инновационную активность, а наиболее впечатляющие инновационные прорывы реализуются именно за счет частной инициативы. Прикрывая подобной аргументацией подлинную цель утверждения частнособственнических отношений в качестве господствующих, реформаторы провели радикальную частнособственническую децентрализацию экономики, не взирая на ее социальные и экономические последствия. Интересы развития производительных сил, научно-технического прогресса, ИРЭ, повышения производительности труда вообще не учитывались рыночными реформаторами. В данном случае интересы развития производительных сил, стимулирования научно-технического прогресса, повышения производительности труда и, в конечном итоге, ИРЭ сознательно игнорировались рыночными реформаторами. Это обусловлено тем, что со-

временные крупные индустриальные автоматизированные производительные силы, требующие соответствующего уровня и форм обобществления производства и его плановой координации, служат существенным препятствием для утверждения господства дезинтегрированной частной собственности. И наоборот, свободный рынок и частная собственность являются препятствием развитию автоматизированных индустриальных производительных сил. Рыночный механизм и частная собственность могут обеспечивать функционирование только слаборазвитых производительных сил, основанных на низком уровне механизации, связывая обособленных, технологически не связанных друг с другом производителей. Но они нарушают целостность сложных технологических цепочек, взаимодействие связанных внутри них предприятий, дезорганизуют их работу. И весь этот рыночный неолиберальный экстремизм, приведший к коллапсу научно-технического прогресса и деиндустриализации со всеми ее социальными последствиями, был необходим исключительно ради прохождения знаменитой чубайсовской точки невозврата к советской плановой системе [Чубайс, s.a.].

Рыночные реформы по Чубайсу, разрывая технологические цепочки производства наукоемких конечных продуктов с высокой добавленной стоимостью, встраивают туда посредством приватизации паразитарные интересы частного собственника. Последний стремится выжать максимум прибыли на передаче смежным звеньям цепочки, представляющим следующий этап обработки, продукции собственного передела [Мусин, 2012: с. 182]. Вследствие этого его дальнейшая переработка оказывается нерентабельной. Организовать выпуск наукоемкой, инновационной конечной продукции в этих условиях представляется невозможным. Если же, например, вследствие вздувания спекулятивного спроса на биржевые товары (как правило сырье) их цены на мировых рынках обеспечат «эффективному собственнику» производств нижних переделов большую прибыль, чем его продажа внутри страны, то последующие звенья технологической цепочки вообще не получают предмета дальнейшей переработки. Сырье и полуфабрикаты будут вывезены за рубеж,

а продукт их переработки с более высокой добавленной стоимостью будет уже импортироваться Украиной втроедорога, обогащая иностранных производителей. Или же частный собственник-монополист может отказываться от покупки продукции смежных предприятий, доводя их до банкротства. В результате рыночные частнособственнические реформы доводят антииндустриальную логику их авторов до предела. Таким образом, для достижения декларированной цели сравняться с ИРС по уровню развития использовались реформы, ведущие экономику в обратном направлении и порождающие слаборазвитость. Ибо целью неолиберальных реформ было не повышение эффективности экономики за счет ИРЭ, а установление господства частной собственности и новое перераспределение национального богатства в пользу новых собственников.

Подлинной целью неолиберальных реформ было установление господства частной собственности. Ради этого уничтожались достижения советского общества в плане реального обобществления производства и собственности в форме горизонтально-интегрированных отраслевых монополий, роль которых играли отраслевые министерства, подчиненные централизованному общегосударственному планированию. Хотя следует отметить, что к концу 1980-х годов советская система централизованного планового регулирования расширенного воспроизводства уже была серьезно подорвана экономическими реформами 1957–1959, 1965 и 1987 годов и хозрасчетом предприятий, разрушавшими плановую систему и превращавшими ее в стихийную. Окончательная ликвидация плановой системы была осуществлена в ходе «перестройки».

В результате доведения негативных тенденций развития советской экономики до логического конца в виде приватизации возникла основанная на частнокапиталистической собственности экономическая система, разрушившая целостность технологических цепочек во всей экономике. «Грубейшая ошибка, допущенная в ходе приватизации, – пишет академик С.Глазьев, – заключалась в самой модели приватизации предприятия: каждое предприятие приватизировалось как самостоятельное юридическое лицо. Это привело

к резкому росту трансакционных издержек, потому что предприятия, которые раньше функционировали как единые интегрированные структуры производственных объединений, научно-производственных объединений, вдруг разбились на самостоятельные хозяйствующие субъекты, каждый из которых стал локальным монополистом. Тут уж началась якобы внутрифирменная конкуренция – кто кого обманет в гонке цен. Этот удар разрушил машиностроение. Машиностроение – сложная кооперация. Каждое предприятие имеет тысячи поставщиков. В советское время предприятия машиностроения были сгруппированы в производственные и в научно-производственные объединения. Каждое из них функционировало как единое целое. И вдруг они распались на самостоятельные акционерные общества. Научные институты, конструкторские бюро — с одной стороны, производственно-хозяйственные единицы – с другой, стали вдруг самостоятельными. Жить друг без друга они не могли, но поскольку они получили самостоятельность, у каждого из них появился свой коммерческий интерес – максимизация прибыли. А так как все эти предприятия стали локальными монополистами, то свой коммерческий интерес они реализовывали путем завышения цен на производимые ими услуги и продукцию» [Глазьев: 2012: с. 43].

Раздробление посредством приватизации единых технологических цепочек на обособленные частные предприятия-передельщики повлекло за собой отделение добычи сырья от его высокотехнологичной переработки. Дезинтеграция добывающих и высокотехнологичных производств закреплялась складыванием экспортно-сырьевой модели экономики, основанной на господстве паразитических интересов частной олигархической собственности в добывающих отраслях экономики. По словам С.Губанова, «сырьевой частник» на входе держит мертвой хваткой всю технологическую цепочку, диктует ей цены и условия» [Губанов, 2008]. Сырьевые компании, находящиеся в самом начале технологических цепочек, удушают постоянно растущими ценами на сырьевые и энергетические ресурсы следующие за ними промежуточные и конечные наукоемкие производства, порождая хроническую инфляцию. Разъединение добывающей

и обрабатывающей промышленности привело к дезорганизации последней, в особенности машиностроения, и вызвало масштабную исторически беспрецедентную деиндустриализацию постсоветских экономик. Деиндустриализация лежит в основе продолжающегося системного кризиса, сопровождающегося ухудшением качества и уровня жизни населения, ростом недопотребления и товарного дефицита (проявлением которого является инфляция) в результате разрушения промышленного производства, продолжающимися обнищанием, депопуляцией и ростом социального неравенства. Таким образом, пойдя по пути неолиберальных реформ, разрушив советскую централизованную социально ориентированную экономическую систему ради утверждения господства частной собственности, реформаторы одновременно разрушили современные производительные силы, что привело к превращению постсоветских стран, включая Украину, в зависимую периферию МКС, с утверждением в них экспортно-сырьевой модели экономики, являющейся необходимой компонентой долларового империализма США. В наших странах установлен антигуманный социально-экономический строй, при котором рост частной прибыли и концентрация богатства в руках меньшинства сопровождается обнищанием государства и ростом нищеты трудящегося большинства. О социальных последствиях неолиберальных реформ в постсоциалистическом мире говорится в докладе ЮНКТАД: «В Центральной и Восточной Европе до начала 1990-х распределение доходов было самым равномерным среди всех групп стран. После того как они встали на путь рыночной экономики, доля заработной платы в ВВП резко снизилась, а неравенство в распределении личных доходов в регионе стало углубляться быстрее, чем в других регионах...» [ЮНКТАД, 2012: с. 15].

В свете вышесказанного вызывает некоторое удивление то, что почти четверть экспертов (шестеро) считают, что разработка, внедрение и распространение собственных инноваций в наибольшей степени соответствуют реальным условиям современного украинского общества. Наоборот, реальные условия украинского общества, господство частнокапиталистической собственности, делают этот путь

невозможным. Что касается заимствования и использования иностранных инноваций, то и этот путь, выбранный девятью экспертами (35%), проблематичен. Каким образом возможно заимствование инноваций, особенно в сфере высоких технологий? Даже если компании-разработчики соглашаются на продажу новейших технологических разработок, то она обставляется условиями, ставящими покупателя в технико-экономическую зависимость от поставщиков. Кроме того, заимствование инноваций предполагает наличие подготовленной научной, технологической и производственной базы. Однако, теряя высокотехнологичное машиностроение, фундаментальную и прикладную науку, образование, украинская экономика теряет и способность не только к генерированию собственных, но и к заимствованию чужих инноваций. Она становится обреченной на импорт зарубежных инновационных товаров (этот вариант ответа выбрали семеро экспертов, или 27%), но этот путь не является строго инновационным. Перейти к инновационному направлению экономического развития Украина сможет, только развивая собственную науку, интегрируя ее с производством в рамках крупных государственных научно-производственных комплексов. Однако реальным препятствием их созданию является господство дезинтегрированной частнокапиталистической собственности, обескровливающей украинскую экономику. Следует отметить, что большая часть экспертов (15, то есть 58%) оценили возможность появления в Украине в ближайшее время крупных корпораций, способных разрабатывать и внедрять инновационные технологии мирового уровня, как маловероятную, противоположное мнение высказали восемь экспертов (31%). До тех пор, пока экономика Украины остается подчиненной интересам частной собственности, трудно предположить, что ее в обозримой перспективе ожидает инновационный сценарий развития, на что надеются всего трое экспертов (12%), или смешанный сценарий (этот вариант ответа выбрали 10 экспертов, или 39%). Более вероятным представляется инерционный, а точнее сказать деградационный сценарий. Так считают восемь экспертов (31%), еще четверо дали собственный вариант ответа, один из которых так и сказал: «деградационный».

Господство частной собственности, обогащая меньшинство, ухудшая благосостояние большинства населения, делает невозможным социальный и экономический прогресс украинского, как и любого другого, современного общества. Оно подавляет индустриальное развитие и является источником чудовищных социальных издержек. Преодоление периферийности и социально-экономический прогресс на основе инновационного развития возможны только за счет развития индустриальных производительных сил нового типа. В настоящее время экономический прогресс, как доказали представители неоиндустриальной парадигмы, связан с созданием технотронных производительных сил, осуществлением новой технотронной, цифровой индустриализации, построением системы автоматизированного производства [Губанов, 2012]. Однако в рамках производственных отношений, свойственных для периферии МКС, при господстве децентрализованной раздробленной частной собственности, которая к тому же является компрадорской, поскольку интегрирована в воспроизводство экономики центров и служит проводником зависимости и империалистического господства ядра МКС, осуществление технотронной неоиндустриализации, качественный подъем в развитии производительных сил принципиально невозможен. Господство периферийных производственных отношений и компрадорской олигархической частной собственности, обогащающейся за счет экспорта сырья на Запад, скрывающей прибыль и активы в оффшорных зонах и бросающей ее в биржевые спекулятивные операции, может породить только дезинвестирование экономики, технологическую деградацию и слаборазвитость. Данная форма собственности не создает стимулов развития современных индустриальных производительных сил, она превращает экономику, в которой господствует, в место концентрации производств с низкой добавленной стоимостью и низкооплачиваемой малоквалифицированной рабочей силой. Следовательно, главная проблема, с которой сталкивается украинское общество, – это вопрос о собственности, выборе таких ее форм, которые могли бы обеспечить научно-технический прогресс и создание на его основе наукоемкого высокоавтоматизированного

производственного комплекса, позволяющего с минимальными затратами труда и ресурсов максимально удовлетворять общественные потребности.

На основе каких форм собственности может быть обеспечено прогрессивное социально-экономическое развитие украинского общества? Ответ, в общем-то, уже сформулирован общественными науками. На основе тех форм собственности, которые соответствуют характеру, масштабу и сложности современных производительных сил. Известно, что в зоне ядра МКС таковой является сращенная с государством корпоративная вертикально-интегрированная собственность, ориентирующая производство на выпуск продукции с максимальной добавленной стоимостью по отношению к издержкам производства. Данная форма концентрирует финансовый и промышленный капитал, и рабочую силу, достаточные для осуществления инвестиций и производства инноваций, создания и освоения высоких наукоемких технологий. Именно эти технологии позволяют производить продукцию с наибольшей добавленной стоимостью. Именно эта форма собственности определяет в настоящее время минимальный уровень обобществления производства, необходимый для развития современных неоиндустриальных производительных сил. В современной экономической науке растет понимание того, что развитие производительных сил невозможно без развития обобществления производства в адекватных ему организационно-экономических формах. По словам С.Глазьева, если бы приватизация шла «не путем дробления предприятий на мелкие производственно-хозяйственные единицы, а путем выращивания крупных технологически сопряженных корпораций, способных самостоятельно конкурировать на мировом рынке, результат был бы... совсем другой. Разрушение технологических цепочек привело к резкому росту трансакционных издержек в совокупности с макроэкономическим хаосом и резким повышением реального курса рубля; все это для большинства наших машиностроительных производств закончилось крахом. Сегодня мы практически потеряли большую часть машиностроения и являемся экспортерами исключительно сырьевых товаров, за исключением небольшой ниши экспорта военной техники,

который сохранился тоже — и это следует признать — на основании государственных унитарных предприятий» [Глазьев, 2012: с. 45].

Социальный и экономический прогресс Украины связан, таким образом, с созданием общегосударственных институционально оформленных отношениями единого управления и общественной собственности научно-производственных комплексов, интегрирующих технологические цепочки, охватывающие полный цикл воспроизводства конечной наукоемкой продукции. В этих цепочках, на что указывают создатели неоиндустриальной парадигмы, должны быть объединены звенья различных переделов, добывающих и обрабатывающих производств, производства средств производства и предметов конечного потребления, научно-технические подразделения НИР и НИОКР, обеспечена производственно-сбытовая кооперация. Экономическая система, основанная на таких комплексах, аналогичных вертикально интегрированным корпорациям, соединяющим предприятия добывающей промышленности с предприятиями, осуществляющими высокотехнологическую промышленную переработку сырья, подчиненная системе общегосударственного планирования, ориентирована на повышение производительности труда и покупательной способности населения при устранении паразитических интересов частнокапиталистической собственности. Что необходимо для перехода к экономике такого типа? Прежде всего необходимо отказаться от веры в то, что «магия рынка» (Р.Рейган), создание «рыночно-конкурентной среды», благоприятного «инвестиционного климата» для частного капитала способна дать позитивный результат в плане создания современных ИПС и перехода к «инновационной экономике». «Инвестиционный климат» в неолиберальной терминологии означает условия максимальной свободы движения капитала, погони за частной прибылью, свободы частной собственности. Но именно эта свобода, свобода вывоза прибыли, свобода занижать цену рабочей силы, свобода от уплаты налогов, свобода перекладывать на плечи общества издержки частного присвоения прибыли и является источником системного кризиса и деиндустриализации на всем постсоветском пространстве.

Это именно системный кризис, а не кризис менеджмента, который можно решить организационно-кадровыми политическими перестановками, по принципу «пусть принимают решения специалисты с дипломами Гарвардского университета».

Системное господство частнокапиталистической собственности – вот источник всевозможных социальных издержек. Поэтому социально-экономический прогресс Украины связан с устранением паразитических интересов частного капитала. Средством такого устранения является национализация стратегических отраслей экономики, прежде всего сырьевых и инфраструктурных. Однако национализация как доказывают представители неоиндустриальной парадигмы, – только первый шаг. За ним обязательно должен следовать другой – вертикальная интеграция экономики, без которой невозможна неоиндустриализация и инновационное развитие. В ее основе – создание межотраслевых научно-производственных комплексов типа общенациональных вертикально интегрированных корпораций. Вертикальная интеграция является той конкретно-исторической формой обобществления собственности, которая позволяет развивать технотронные (неоиндустриальные) производительные силы в форме общенациональной автоматизированной системы машин. Ее неотъемлемое условие – устранение противоречащих природе централизованной системы планирования и управления народным хозяйством элементов рыночной экономики. Создание вертикально интегрированной плановой экономики позволит преодолеть отсталость, связанную с господством антииндустриальной экспортно-сырьевой модели распродажи национального богатства.

Следует понимать, что частная собственность – это историческая категория и исторический феномен. Сегодня развитие производительных сил перерастает узкие рамки частной собственности. Дальнейший социально-экономический прогресс и само выживание человечества связано с утверждением господства общественной формы собственности и установления «объединенными индивидами» (по Марксу) сознательного контроля над условиями собственного развития.

4.2. Проблемы и перспективы развития сектора нанотехнологий (по данным опроса руководителей украинских предприятий и исследовательских организаций, занимающихся нанотехнологиями)

Создание индустрии наноматериалов и нанотехнологий является одним из стратегических приоритетных направлений инновационной деятельности в Украине на 2011–2021 годы [Закон України, 2012: s.a.]. Нанотехнологии наряду с геной инженерией, альтернативной энергетикой, новой медициной и фармакологией относятся к активно развивающемуся в мире шестому технологическому укладу, на долю которого в украинской экономике сегодня приходится всего 0,1% [Україна–2015, 2008: с. 40]. В большинстве развитых стран широкомасштабные нанотехнологические разработки проводятся в рамках специализированных программ. С начала 90-х годов XX века такие программы имеют более 50 стран. Международными лидерами по объему инвестиций в нанотехнологии являются сегодня США, Япония и Россия. На них приходится более половины мирового объема инвестиций в этой сфере. Согласно данным Американского национального научного фонда (NSF) в ближайшие 10–15 лет в развитых странах ожидается бурный рост рынка нанотехнологических материалов, приборов и другой продукции, с выходом на 1 миллиард долл. в год [Концепція, 2010: с. 2].

В Украине с 2001 года действовало несколько государственных программ, направленных на развитие нанотехнологической сферы: межведомственная научно-техническая программа «Нанофизика и наноэлектроника» (2001); Государственная целевая научно-техническая программа «Нанотехнологии и наноматериалы» на 2010–2014 годы; целевые комплексные программы фундаментальных исследований НАН Украины: «Наноструктурные системы, наноматериалы, нанотехнологии» на 2003–2009 годы и «Фундаментальные проблемы наноструктурных систем, наноматериалов, нанотехнологий» на 2010–2014 годы. Главной целью программы НАН Украины на 2010–2014 годы определено развитие фундаментальных и наиболее приоритетных прикладных исследований в сфере создания новых

наноматериалов, наносистем и нанотехнологий, формирование современной академической нанотехнологической сети, ее интеграции в мировую науку, решения с ее помощью важных экономических, социальных и экологических проблем, существующих в Украине [Концепція, 2010: с. 3]. Цель Государственной программы – создание наноиндустрии путем обеспечения развития ее промышленно-технологической инфраструктуры, использования результатов фундаментальных и прикладных исследований, а также подготовки высококвалифицированных научных и инженерных кадров [Державна цільова, 2010: с. 5] – по сути, дополняет академическую, переводя ее в плоскость реализации, коммерциализации результатов научных исследований и разработок.

Для получения реалистичной информации о нынешнем состоянии в сфере нанотехнологий в Украине был проведен экспертный опрос руководителей украинских предприятий/организаций, создающих и/или использующих нанотехнологии. Опрос проводился совместными усилиями ученых Института экономики и прогнозирования НАН Украины (отдел экономики и организации высоких технологий) и Института социологии НАН Украины (отдел экономической социологии) в июле–августе 2013 года. Были опрошены руко-

---

* Отбор предприятий для проведения опроса происходил на основе анализа статистической информации и контент-анализа научных публикаций и иной доступной исследователям информации о ситуации в нанотехнологической сфере. В 2012 году в перечень предприятий, которые создавали и использовали нанотехнологии, по данным Госкомстата Украины, вошло меньше предприятий, чем в 2011 году (соответственно, 27 и 43). При этом 27 указанных в списке 2011 года предприятий не вошли в перечень «нанотехнологических» предприятий 2012 года, но в нем появилось 11 новых предприятий. Поэтому было решено использовать расширенную официально-статистическую базу: 43 предприятия по списку 2011 года и 11 новых предприятий из списка 2012 года. Кроме того, в перечень рассылки анкет вошли еще 15 предприятий, которые, по имеющимся данным, занимались НТД, но не предоставили необходимую для их официального учета информацию в Госкомстат (например, ГП «Антонов», ПАТ «Мотор Сич», ГП «Завод им. В.О.Малышева» и др.). Из 69 разосланных анкет мы получили 41 заполненную анкету. Руководители некоторых предприятий отказались принять участие в экспертном опросе, поскольку

водители топ-уровня 41 субъекта нанотехнологической деятельности (НТД)*, семь из которых являются предприятиями перерабатывающей промышленности, 10 – структурными подразделениями вузов, 24 – академическими учреждениями**.

Более половины опрошенных субъектов НТД (23 из 41) находятся в Киевской области, пять – в Харьковской области, остальные – в 10 других областях. Среди направлений инновационной деятельности преобладают исследования и разработки: ими в 2012 году занимались 34 субъекта НТД. Остальные направления – приобретение исключительно имущественных прав на изобретения, промышленные образцы; лицензий, лицензионных договоров и т.п.; приобретение машин, оборудования и программного обеспечения; подготовка производства к выпуску новых продуктов, внедрение новых методов их производства – представлены примерно на одном уровне (15, 16 и 18 субъектов, соответственно). Структура инновационной деятельности по сравнению с предыдущими двумя годами практически не изменилась.

Учитывая несовпадение статистической и другой доступной информации о ситуации в нанотехнологической сфере, экспертам был задан вопрос, насколько, на их взгляд, досто-

---

они фактически не занимались НТД; директор одного предприятия отказался отвечать без объяснения причин. На промышленных предприятиях на вопросы анкеты отвечали, как правило, директора и их заместители, главные технологи (конструкторы) и их замы; в вузах – ректоры и проректоры по научной (и инновационной) работе; в академических структурах – руководители соответствующих отделов, ведущие научные сотрудники.

** По виду деятельности, согласно КВЭДу, трое из промышленных предприятий относится к классу 30.30 (производство воздушных и космических летательных аппаратов, спутникового оборудования) и по одному к разделам 20 (производство химических веществ и химической продукции), 21 (производство фармацевтических препаратов и материалов), 28 (производство машин и оборудования), 33 (ремонт и монтаж машин и оборудования). Среди субъектов НТД в академической среде только трое связаны со сферой биотехнологий, абсолютное большинство – 21 подразделение – занимается исследованиями и экспериментальными разработками в сфере других естественных и технических наук.

верными являются статистические данные о количестве предприятий, которые используют и/или создают нанотехнологии. Только пятеро руководителей считают эти данные полностью достоверными. Абсолютное большинство им не доверяют: достоверность статистических данных вызывает сомнения у руководителей 32 предприятий, однозначно недостоверными их считают двое руководителей. Главными причинами недостоверности этих данных эксперты считают неоднозначность понимания самого термина «нанотехнологии» и сознательное искажение данных (26 и 23 ответивших соответственно). При этом четверо руководителей полагают, что происходит сознательное утаивание информации о создании/использовании нанотехнологий. Половина экспертов (19) говорят о «приписывании» желаемого создания/использования нанотехнологий, пятая часть экспертов (8) связывают недостоверность статистических данных с некомпетентностью лиц, которые заполняют соответствующие статистические формы.

Что касается неоднозначного понимания самого термина «нанотехнологии», тут следует выделить несколько моментов. Во-первых, что понимают под ним в мировом научном сообществе? Его используют как всеобъемлющий, собирательный (*catch-all term*) термин, подходящий для описания технических способов работы с веществом (материалом) на наноуровне – от одной миллиардной до 100 миллиардных метра – независимо от сферы применения (биология, химия, физика, электротехника, электроника, материаловедение, медицина и т.п.). Работа в наномасштабе дает два важных преимущества: 1) контроль при создании предметов на уровне атомов и молекул как основных строительных блоков позволяет создавать макромасштабные объекты с невиданной ранее точностью; 2) многие материалы имеют сильно отличающиеся характеристики на нано- и макроуровне (например, серебро в наноизмерении является мощным антибиотиком), что позволяет использовать старые материалы новыми способами [Nanotechnology, 2009: р.Х]. Авторы национальной нанотехнологической инициативы, эксперты консультативной группы при президенте США по науке и технике, определяют нанотехнологии как науку, инженер-

ное искусство (технику) и технологию, связанные с «пониманием, контролем и использованием материалов на уровне измерения приблизительно 1–100 нм, при котором уникальные характеристики (этих материалов. – от авт.) создают возможность новых применений» [Shapira, Youtie, Porter, 2009: p. 2].

Во-вторых, на сегодняшний день в нормативно-правовых актах Украины определение понятия нанотехнологий (за исключением рекомендаций к заполнению соответствующей формы государственного статистического наблюдения, утвержденной в 2011 году и позволяющей получить первую обобщенную информацию об уровне развития нанотехнологий) просто отсутствует. Поэтому для однозначного восприятия понятий в экспертном опросе руководителей предприятий/организаций, занимающихся НТД, исследователи предложили свои определения. Под нанотехнологиями в нашем исследовании понимается совокупность технологических методов и приемов, используемых при изучении, проектировании и производстве материалов, устройств и систем, которая включает целенаправленный контроль и управление строением, химическим составом и взаимодействием составляющих их отдельных наномасштабных элементов (с размерами порядка 100 нм и меньше, как минимум по одному из измерений). Это приводит к улучшению или появлению дополнительных эксплуатационных и/или потребительских характеристик и свойств получаемых нанопродуктов. Нанопродукция, то есть продукция, полученная с использованием нанотехнологий, подразделяется на: первичную нанотехнологическую продукцию; продукцию, содержащую наноконпоненты; услуги, при предоставлении которых используются нанотехнологии и/или наноконпоненты, и специальное оборудование для нанотехнологий.

Производством услуг, при оказании которых используются нанотехнологии и/или наноконпоненты, а также производством специального оборудования для нанотехнологий занимается меньшая часть субъектов НТД (соответственно, 8 и 7). Половина обследованных предприятий/организаций (20) занимается производством наносодержащей продукции, треть (14) – производством первичной нанотехно-

логической продукции. Больше всего украинские субъекты НТД заняты проведением научно-исследовательских работ с целью создания новых технологий (30) и дальнейшего усовершенствования технологий (26).

Кто же является основным потребителем украинской нанопродукции? Выявлено несколько тенденций. Во-первых, численность отечественных потребителей почти вдвое превышает количество зарубежных потребителей украинской нанопродукции. Во-вторых, в отраслевом разрезе основными потребителями в первую очередь является медицина, далее – фармацевтическое производство и производство электрического и электронного оборудования, а также сельское хозяйство и производство машин и оборудования. Что касается объема потребления нанопродукции, рассчитанного по 5-балльной шкале (где «1» соответствует наименьшему объему потребления, а «5» – наибольшему), то высший балл, на уровне среднего и выше среднего – характерен для фармацевтического производства, производства машин и электронного оборудования (диапазон от 3,0 до 3,4). Балл ниже среднего уровня характеризует медицину и сельское хозяйство (диапазон от 2,4 до 2,8). Самый большой объем потребления украинской нанопродукции сегодня отмечается в сфере металлургии и обработки металла (4,7 – среди отечественных потребителей и 4,3 – среди зарубежных потребителей).

Какими исследовательскими и хозяйственными структурами востребована сегодня продукция украинских субъектов НТД? Прежде всего украинскими исследовательскими организациями или университетами – именно их отмечала половина руководителей предприятий/учреждений НТД (22 эксперта). Зарубежные исследовательские предприятия или университеты в качестве потребителей своей нанопродукции называли треть опрошенных руководителей (15 экспертов). Отметим, что по ответам 12 экспертов нанопродукция их предприятий/учреждений была одновременно востребована и украинскими, и зарубежными исследовательскими структурами. Украинские государственные предприятия в качестве одного из потребителей нанопродукции выделили восемь экспертов. Одинаковая численность

экспертов (по 14) отмечали, что их нанопродукция потребляется украинскими частными и зарубежными предприятиями. Транснациональные корпорации или их подразделения востребуют отечественную нанопродукцию нечасто: всего 2 эксперта отмечали их в качестве потребителей своей нанопродукции (это, впрочем не говорит о том, что они не интересуются новыми разработками украинских ученых в сфере нанотехнологий). Вероятно, для крупного транснационального бизнеса более характерно заимствование оригинальных фундаментальных идей и последующая собственная их разработка для промышленного производства, для чего у них имеются все необходимые возможности. Трое экспертов указали, что их нанопродукция в настоящее время никем не востребована. Данные таблицы 4.2 дают основания утверждать, что нанопродукция украинских предприятий/учреждений в настоящее время является востребованной, хотя, как свидетельствуют ответы экспертов на другие вопросы, на рынке этой продукции не проводятся маркетинговые исследования самими компаниями, а отношения меж-

Таблица 4.2

Основные потребители нанопродукции украинских предприятий/организаций (Распределение ответов на вопрос: «Кем востребованы в настоящее время нанопродукты Вашего предприятия/организации?»*)

Основные потребители	Численность экспертов N = 41
Украинские государственные предприятия	8
Украинские исследовательские организации или университеты	22
Украинские частные предприятия (бизнес)	14
Зарубежные предприятия	14
Зарубежные исследовательские предприятия или университеты	15
Транснациональные корпорации или их подразделения	2
Нанопродукты нашего предприятия/организации вообще никем (практически никем) не востребованы	3

*Эксперты могли выбрать все подходящие варианты. Трое экспертов не ответили на этот вопрос.

ду производителями и исследователями в сфере нанотехнологий отличаются сложностью и неопределенностью.

Столь важное место среди потребителей нанопродукции украинских предприятий/организаций других исследовательских организаций соответствует мировой практике тесного научного сотрудничества и взаимодействия в сфере современного производства, основанного на разработке и внедрении инноваций. В том смысле, что для него необходимо постоянное совершенствование сырья, материалов и технологий, ведущую роль в котором призваны играть нанотехнологии. Каждое новое изобретение влечет за собой инновации во всей технологии и собственное дальнейшее совершенствование. Инновационная нанопродукция украинских предприятий/учреждений, будучи востребованной главным образом исследовательскими структурами, имеет и промышленное применение. Так, из 22 экспертов, отмечавших, что нанопродукция их предприятий/организаций востребована украинскими исследовательскими организациями, половина (11) в то же время отмечали, что она востребована и украинскими частными предприятиями, треть (7) – зарубежными предприятиями, пять – государственными украинскими предприятиями. Таким образом, мы можем говорить, что украинские предприятия/учреждения в сфере нанотехнологий не замыкаются на сфере исследований, а диверсифицированы и интересны как для отечественного, так и зарубежного производства.

По ответам экспертов, самой благоприятной формой организации для производства инновационных продуктов в сфере нанотехнологий оказались государственные предприятия при научных учреждениях – их в этом качестве отмечали более половины всех экспертов (24). При такой форме организации производства инновационных продуктов предполагается государственный заказ и гарантированное государством финансирование. Также с одинаковой частотой (18) руководители предприятий/организаций, занимающихся НТД, называли малый частный бизнес при научных учреждениях и исследовательские отделения транснациональных корпораций или их подразделений. В одинаковой мере (8) эксперты отмечали государственные предприятия

и крупный частный бизнес как наиболее способствующие производству нанопродуктов формы организации. Реже всего (4) в качестве такой формы они выбирали малый частный бизнес (табл. 4.3). Условия, максимально способствующие производству инновационных продуктов в сфере нанотехнологий, создаются в первую очередь в хозяйственных структурах при научных учреждениях (при этом приоритет имеют государственные предприятия, а не малый частный бизнес), а также в исследовательских структурах ТНК. Среди других организационных форм, способ-

Таблица 4.3

Благоприятные для развития нанотехнологий формы организации (Распределение ответов на вопрос: «Какие формы организации в наибольшей степени содействуют производству инновационных продуктов в сфере нанотехнологий?»*)

Формы организации	Численность экспертов N = 41
Малый частный бизнес	4
Малый частный бизнес при научных учреждениях	18
Крупный частный бизнес	8
Государственные предприятия	8
Государственные предприятия при научных учреждениях	24
Исследовательские отделения транснациональных корпораций или их подразделений	18

*Эксперты могли выбрать не более трех вариантов ответа. Пятеро экспертов не ответили на этот вопрос.

ствующих развитию НТД, эксперты называли научные парки, технопарки, институты.

Как видно, наиболее благоприятные организационные формы для осуществления НТД – это структуры, являющиеся подразделениями крупных организаций (государственные учреждения, ТНК). Ответы экспертов также говорят о том, что для развития НТД очень важно обеспечить тесную взаимосвязь научной и производственной деятельности, гарантированное финансирование и наличие заказчика в лице крупного предприятия/учреждения.

Ныне отношения между предприятиями/организациями, занимающимися НТД, являются сложными и не могут быть охарактеризованы однозначно. Только семь экспертов отметили, что между этими предприятиями преобладает жесткая конкуренция с целью устранения конкурентов, 11 экспертов уверены, что эти отношения можно рассматривать как регулируемую государством конкуренцию с элементами частичного или глубокого взаимовыгодного сотрудничества. Почти половина руководителей (17) дали свою характеристику сложившимся отношениям. 8 экспертов считают, что между предприятиями/организациями в сфере нанотехнологий вообще нет никаких отношений: ни конкуренции, ни рынка (6 экспертов), либо они разорваны (2 эксперта). Были и такие ответы: состояние хаоса, коррупции, неопределенности, «отношения неизвестны», «отношения строятся на основе договоренностей». Руководители предприятий отмечали разрыв связей между научными учреждениями и предприятиями, внедряющими результаты НИР, отсутствие государственной политики и регулирования, борьбу за финансирование НИР (в первую очередь фундаментальных исследований).

Состояние конкурентной среды различно для разных направлений НТД. В сфере НИОКР и производства первичной нанотехнологичной продукции каждый десятый среди ответивших экспертов считает, что у их предприятий/организаций конкурентов на нанотехнологическом рынке Украины нет (4 из 37 ответивших и 3 из 26 ответивших соответственно). На вопрос о наличии/отсутствии конкурентов по таким направлениям НТД как производство наносодержащей продукции, услуг с использованием нанотехнологий (нанокomпонентов), а также специального оборудования для нанотехнологий ответила примерно половина опрошенных руководителей (22, 21 и 20 соответственно). Каждый пятый из них отметил отсутствие конкурентов. Анализ ответов о наличии конкурентов в лице академических институтов, отечественных и зарубежных компаний выявил следующее. Только в сфере НИОКР конкуренция со стороны академических институтов уравнивает конкуренцию со стороны компаний (при этом конкуренция со стороны зарубеж-

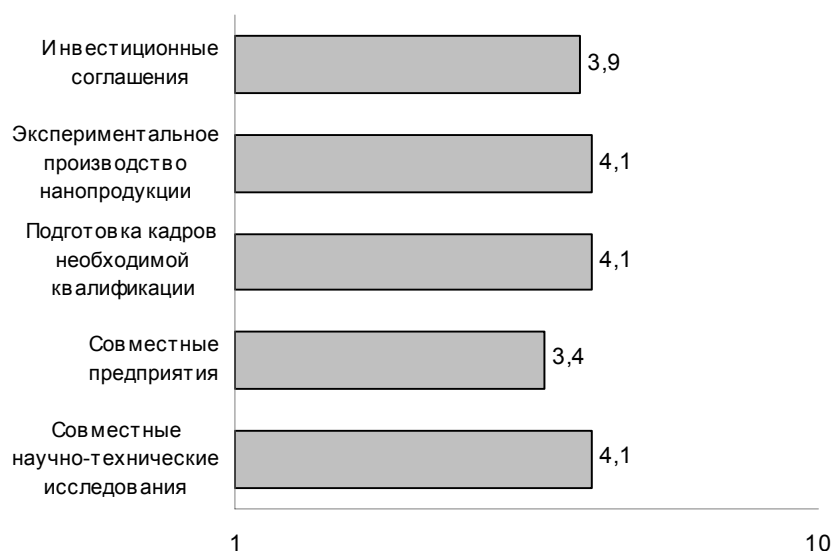
ных компаний в четыре раза интенсивней, чем со стороны отечественных). По остальным перечисленным направлениям НТД конкурентов в лице компаний в несколько раз больше, чем в лице исследовательских институтов. При этом доминируют, причем с явным перевесом, зарубежные компании.

Руководителям предприятий/организаций, занимающихся НТД, также задавался вопрос о конкурентоспособности их нанопродукции на разных рынках. Среди ответивших абсолютное большинство уверено, что продукция их предприятий конкурентоспособна и на отечественном рынке, и на рынке стран СНГ (35 и 33 экспертов). Что касается мирового рынка и рынка стран ЕС, то конкурентоспособной на них свою продукцию считают две трети ответивших руководителей предприятий (23 и 24 соответственно).

Ответы большинства экспертов говорят о том, что для развития сектора нанотехнологий необходимо сотрудничество между предприятиями/организациями. Так, 37 экспертов полагают, что для их предприятия/организации необходимо сотрудничество в сфере нанотехнологий с другими отечественными организациями. Аналогично 39 экспертов высказались за необходимость сотрудничества с зарубежными организациями.

Как видно из диаграммы на рис. 4.1, средний балл экспертной оценки важности всех форм сотрудничества в сфере нанотехнологий находится в верхней части шкалы, что соответствует «высокому» и «очень высокому» уровню важности. Таковым (выше «среднего» уровня) сотрудничество в форме совместных научно-технических исследований считали 34 эксперта, экспериментальное производство нанопродукции – 31, подготовку кадров необходимой квалификации – 30, инвестиционные соглашения – 28, совместные предприятия – 18.

Большинство экспертов считают целесообразным сотрудничество во всех указанных выше формах как с Российской Федерацией, так и с Европейским Союзом. Так, целесообразным проведение совместных научно-технических исследований совместно с коллегами из РФ считали 32 эксперта, с коллегами из ЕС – 39 экспертов, создание совместных пред-

Рис. 4.1. Экспертная оценка важности конкретных форм сотрудничества в сфере нанотехнологий, средний балл («1» – очень низкий, «5» – очень высокий)

приятый – 24 и 30 экспертов, подготовку кадров высокой квалификации – 25 и 36 экспертов, экспериментальное производство нанопродукции – 29 и 31 эксперта, инвестиционные соглашения – 28 и 34 эксперта соответственно.

Однако значительная часть экспертов, отмечавших высокую целесообразность сотрудничества с коллегами и учреждениями в сфере НТД Российской Федерации и Европейского Союза, одновременно указывали на низкую возможность такого сотрудничества. Например, совместные научно-технические исследования с учеными из РФ являются целесообразными, но сложно реализуемыми, по оценкам 15 руководителей, то же самое в отношении этой формы сотрудничества с коллегами из ЕС отмечали 26 экспертов. Международное сотрудничество в форме совместных предприятий с РФ и ЕС считают перспективным, но трудно реализуемым 17 и 26 экспертов, экспериментальное производство нанопродукции – 22 и 23 эксперта соответственно. Такую же оценку сотрудничеству в плане НТД с РФ и ЕС в области подготовки кадров высокой квалификации дали, соответ-

ственно, 15 и 24 эксперта, заключению инвестиционных соглашений – 20 и 25 руководителей.

Барьерами на пути сотрудничества с коллегами и предприятиями/организациями как РФ, так и стран ЕС эксперты называли отсутствие финансирования и несовершенство/расхождение правовой основы НТД. Кроме того, они указывали на отсутствие заинтересованности и низкую осведомленность об уровне НТД. При характеристике сотрудничества Украины со странами ЕС в сфере НТД дополнительно указывались зарегулированность НАН Украины, сложный бухгалтер, визовые барьеры.

Развитие нанотехнологий требует огромных затрат и соответствующего инвестиционного обеспечения. Сегодня украинские предприятия используют в основном внутренние инвестиции. Анализ соотношения внутренних и внешних инвестиций, привлеченных предприятиями для развития НТД, показал, что на внутренние инвестиции опирается большая часть предприятий (22), в том числе исключительно на внутренние инвестиции – 18. Внутренние инвестиции отсутствуют или составляют незначительную долю (меньше 10%) у пятой части субъектов НТД (9). У остальных (8) внешние инвестиции составляют от 11% до 75%. К сожалению, на вопрос о влиянии внешних инвестиций на развитие НТД ответили всего 28 руководителей. Половина из них считает это влияние позитивно-стимулирующим, другая половина – «никаким», в силу отсутствия внешних инвестиций (9) либо из-за их небольшого объема, сводящего «на ноль» возможное влияние. Руководители предприятий/организаций, занимающихся НТД, которые позитивно оценили влияние внешних инвестиций на развитие НТД, в своих ответах акцентировали внимание на следующих положительных аспектах: 1) осуществлении реальных, конкретных проектов; 2) накоплении передового опыта и новых методов исследований; 3) привлечении новейшего оборудования и специалистов высокой квалификации; 4) прогнозируемости внешних инвестиций (как в финансовом, так и в техническом понимании) и пр. Один из экспертов дал многопланово развернутый ответ на этот открытый вопрос: «Если под внешними инвестициями понимать базовое бюджетное фи-

нансирование и финансирование по бюджетной тематике, то их влияние на развитие НТД нашего учреждения чрезвычайно большое, потому что позволяет финансово обеспечить проведение фундаментальных исследований в этом направлении. Бюджетное финансирование практически исключает риск неплатежей заработной платы специалистам, занятым в этих научных исследованиях». В этом ответе подчеркнута не только принципиально решающая, незаменимая роль государственного финансирования для проведения фундаментальных научных исследований, но и важность для получения адекватной информации четкости и однозначности в понимании употребляемых понятий (в данном случае понятия «внешние инвестиции»). Роль государственного финансирования обусловлена спецификой фундаментальных научных исследований: объективной невозможностью мгновенной коммерческой отдачи от их проведения, с одной стороны, и стратегически определяющей значимостью наращивания научного потенциала для будущих открытий и многоплановых инновационных решений, способных по мере своего применения и конкретизации давать существенные социальные и экономические выгоды – с другой.

Анализ инвестиций как инструмента модернизации отечественной промышленности показывает не только низкий уровень инвестиционной активности и накопления основного капитала в целом, но и явный перекоп в структуре инвестиций (речь идет о прямых иностранных инвестициях) в сторону сферы финансовых и посреднических услуг, и, как следствие, недостаточное инвестирование реальной экономики, особенно высокотехнологического сектора. Ухудшается структура инвестирования промышленного производства в отраслевом разрезе [Чуркин, 2012: с. 123–124]. В контексте роли внешнего инвестирования для развития НТД на фоне ограниченности собственных финансовых ресурсов следует еще раз отметить негативные составляющие институциональной среды, существующей сегодня в украинском обществе: беспрецедентную коррупцию, поразившую все уровни государственной власти, и массовое недоверие людей нынешней власти и государству. Неслучайно четверть опро-

шенных в 2012 году ($N = 3200$) Центром социальных и маркетинговых исследований «SOCIS» украинских граждан (26%) при ответе на вопрос о привлечении иностранных инвестиций заявили, что они в украинскую экономику не попадут, их разворуют! Большинство населения (66%) также не верит, что в случае привлечения финансовых ресурсов для внедрения инновационных технологий они будут использованы эффективно и по назначению (надеется на это пятая часть – 19%).

Помимо законодательного закрепления за сферой развития нанотехнологий статуса стратегического приоритетного направления инновационной деятельности Украины и финансовой поддержки этого развития существуют и иные рычаги государственного воздействия на нанотехнологический сектор. Руководителям предприятий/организаций было предложено оценить характер и степень влияния шести конкретных факторов по 5-балльной шкале, – от «1», означающей минимальную степень влияния, до «5», соответствующей максимальной степени воздействия. Общим при оценке всех выделенных рычагов государственной политики стало то, что очень мало руководителей (не более двух-трех) указало на негативный характер влияния этих инструментов. Наиболее позитивно было оценено три фактора: наличие государственных целевых научно-технических программ по развитию нанотехнологий (28, средний балл позитивного влияния выше среднего – 3,6), наличие целевых комплексных программ фундаментальных исследований НАН Украины (28 из 40 ответивших, средний балл 3,9) и деятельность центров коллективного пользования научным оборудованием (23 из 39 ответивших, средний балл 3,3). Никак не влияют на развитие НТД такие важные институты инновационной экономики как венчурные фонды, технопарки и налоговые преференции. Об этом заявили, соответственно, 27 (из 37), 22 (из 37) и 22 (из 36) ответивших экспертов. При этом позитивное влияние этих институтов отметили, соответственно, 8, 13 и 12 экспертов, оценивая его на уровне 3,9, 3,2 и 3,3 баллов. Следует отметить, что вопрос о степени стимулирующего влияния на развитие нанотехнологической сферы в Украине налоговых преференций был задан

экспертам дважды, в том числе в блоке оценки влияния конкретных видов государственных льгот, и в обоих случаях средний балл влияния этого инструмента составил 3,3 балла, что подтверждает устойчивость экспертных оценок. Расчет средних баллов стимулирующего воздействия на развитие НТД выявил следующую картину эффективности государственных льгот:

- введение госзаказа на нанотехнологическую продукцию – 4,2 балла;
- помощь экспериментальным производствам научных учреждений в реализации нанотехнологической продукции – 4, 2 балла;
- обеспечение надлежащей кадровой подготовки – 3,9 балла;
- содействие получению охранных документов за границей – 3,7 балла;
- создание национальной нанотехнологической сети – 3,3 балла;
- льготное кредитование – 2,9 балла.

Данные исследования однозначно свидетельствуют об исключительно важной роли государства в обеспечении реального развития сектора нанотехнологий: наличия соответствующих государственных программ, введения госзаказа на нанопродукцию, активного участия государства в кадровой подготовке, смягчении рыночных регуляторов в сфере НТД. О действенности государственных льгот говорят ответы руководителей на вопрос, увеличило ли бы их предприятие/организация объемы производства/проведения НИР в случае получения определенных льгот от государства. Большая часть экспертов ответила утвердительно (25), меньшая – отрицательно (16).

Об особой роли государства свидетельствуют и ответы на вопрос о том, какая форма собственности – государственная или частная – в наибольшей степени способствует генерированию инновационных идей. Более половины ответивших экспертов (24) считают, что генерированию инноваций в одинаковой степени способствует и государственная, и частная форма собственности. Треть таковой считают только государственную или преимущественно государственную соб-

ственность (соответственно, 3 и 11 экспертов). Преимущественно частную собственность как наиболее способствующую генерированию инновационных идей выбрали два эксперта, только частную собственность – вообще ни один из опрошенных руководителей нанотехнологических структур. Представляет интерес сравнение мнения по этому вопросу экспертов – руководителями нанотехнологических структур, и экспертов, в большинстве являющихся аналитиками-теоретиками ИРЭ Украины (хотя следует понимать, что наносектор имеет свою специфику, а НТД представляет один из многих разнообразных видов инновационной деятельности). Общим в их оценках было то, что примерно каждый второй эксперт уверен, что и государственная, и частная собственность способствуют генерированию инновационных идей в одинаковой мере. Определенные различия наблюдаются в численности групп экспертов, занявших выраженно крайние позиции, то есть подчеркивающих стимулирующую роль преимущественно государственной или преимущественно частной собственности. Следует также отметить, что руководители предприятий/организаций наносектора отвечали только на один вопрос (какая форма собственности наиболее способствует генерированию инновационных идей), а эксперты-аналитики в рамках опроса по проблемам социального потенциала ИРЭ Украины в целом отвечали на два вопроса. Во-первых, на аналогичный вопрос о том, какая форма собственности наиболее способствует *генерированию* инновационных идей, а также на вопрос о том, какая форма собственности наиболее способствует *внедрению* инноваций. Доля экспертов, считающих, что государственная собственность способствует генерированию инновационных идей в той же степени, что и частная собственность, по сути, такая же, как и доля экспертов, полагающих, что государственная собственность способствует внедрению инноваций в той же степени, что и частная собственность. Так думают, соответственно, 54% и 48% всех экспертов. Отличия среди приверженцев противоположных позиций следующие. Если среди руководителей наноструктур треть (34%) придерживаются мнения, что больше всего генерированию инновационных идей способствует преимущественно госу-

дарственная собственность, то среди специалистов по инновационному развитию, опрошенных в рамках изучения социального потенциала ИРЭ, так считает каждый пятый (19%). Еще меньше экспертов в рамках этого опроса считают, что *внедрению инноваций* более всего способствует преимущественно государственная собственность (12%). Сторонников частной собственности существенно больше: 27% экспертов полагают, что преимущественно частная собственность способствует генерированию инновационных идей, а 32% –

Таблица 4.4

Определение экспертами формы собственности, наиболее способствующей генерированию инновационных идей и внедрению инноваций в экономику Украины (2013, N = 26, n/%)

Формы собственности	Наиболее способствуют	
	генерированию инновационных идей	внедрению инноваций в экономику
Только государственная собственность	0	0
Преимущественно государственная собственность	5 (19%)	3 (12%)
И государственная, и частная собственность в одинаковой степени	14 (54%)	12 (48%)
Преимущественно частная собственность	7 (27%)	8 (32%)
Только частная собственность	0	2 (8%)

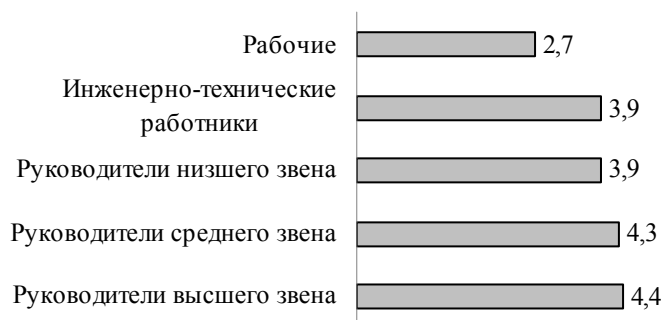
что именно она в наибольшей мере способствует внедрению этих идей (табл. 4.4). В целом просматриваются такие тенденции: 1) наибольшие доли экспертов (половина и более) в одинаковой мере оценивают возможности и государственной, и частной собственности в плане создания условий, благоприятных для генерирования инновационных идей; 2) среди экспертов-руководителей предприятий реального инновационного сектора доля сторонников государственной собственности больше доли сторонников частной собственности (с точки зрения создаваемых соответствующим институтом собственности возможностей для ИРЭ), а среди экспертов-«теоретиков» ситуация иная: по параметру генерирования инновационных идей сторонники государственной и

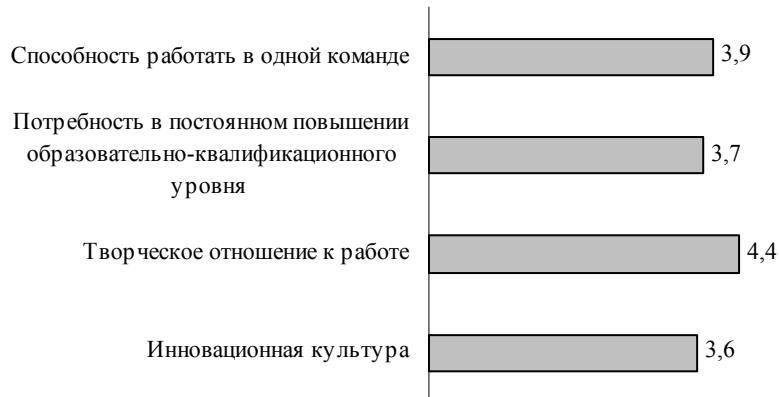
частной собственности разделились примерно поровну, по параметру же внедрения инноваций численность приверженцев частной собственности преобладает; 3) в целом эксперты из реального сектора экономики больше надежд возлагают на государственную собственность, чем на частную.

Для развития нанотехнологий, являющихся неотъемлемой частью основанного на широком использовании научных достижений современного производства, необходимы кадры высокой квалификации, с творческим подходом и заинтересованностью в работе. Несмотря на преобладание на длительное время в экономике страны неблагоприятных для воспроизводства трудового потенциала тенденций, высококвалифицированные работники с соответствующим мировым стандартам высшим образованием в сфере технических и естественных наук представляют сегодня едва ли не единственный доступный ресурс инновационного развития.

Большинство руководителей отмечают, что знания и квалификация работников их предприятий/организаций находятся на уровне мировых стандартов (31 эксперт). Пятая часть опрошенных руководителей (8 экспертов) оценили уровень знаний и квалификации работников их предприятий/организаций ниже мировых стандартов и только один – выше.

Рис. 4.2. Экспертная оценка заинтересованности работников разных категорий предприятий/организаций в развитии нанотехнологической деятельности, средний балл («1» – совсем не заинтересованы, «5» – очень заинтересованы)

Рис. 4.3. Оценка экспертами отдельных характеристик работников предприятий/учреждений, занимающихся нанотехнологической деятельностью, средний балл («1» – совсем не заинтересованы, «5» – очень заинтересованы)

Высокой была экспертная оценка заинтересованности работников в развитии НТД (рис. 4.2). При этом более высокие оценки соответствуют продвижению вверх по профессиональной и должностной иерархии. Самый высокий средний балл (4,4) оказался у высшего руководящего персонала, самый низкий (2,7) – у рабочих. Естественно, что даже при общей высокой оценке заинтересованности ее конкретное наполнение и мотивы работы у разных категорий работников отличаются. Руководители стремятся получить прибыль от разработки и применения нанотехнологий, дающий большой экономический эффект. Инженерно-техническим работникам, кроме материальной и общей заинтересованности в высоких экономических результатах производства или исследования, развитие новых технологий интересно само по себе – как объект приложения своих профессиональных знаний и познавательных стремлений. Для оценки заинтересованности в развитии НТД большинства занятых в ней категорий работников эксперты выбирали высшие баллы и, за исключением рабочих, не отмечали, что им сложно

оценить степень их заинтересованности в развитии нанотехнологий.

Высоко оценили эксперты и творческое отношение к работе сотрудников своих предприятий/учреждений (4,4 балла). Сравнительно ниже были оценены способность работников к работе в одной команде (3,9 балла), их потребность в постоянном повышении образовательно-квалификационного уровня (3,7 балла) и инновационная культура (3,6 балла) (рис. 4.3).

Наиболее острой среди кадровых проблем сегодня является неспособность обеспечить надлежащий уровень мотивации у работников предприятий и эмиграция высококвалифицированных кадров (табл. 4.5). По 5-балльной шкале острота этих проблем получила 2,8 и 2,5 баллов соответственно. Эти проблемы имеют общую причину: недостаток финансовых средств не позволяет выплачивать работникам предприятий/организаций (и не только в сфере нанотехнологий!) заработную плату, которая бы соответствовала прилагаемым усилиям и стимулировала их повышение и заинтересованность в работе на этом предприятии. Талантливые ученые

Таблица 4.5

Оценка экспертами остроты проблем с кадрами нанотехнологической сферы деятельности предприятий/учреждений, средний балл («1» – незначительная проблема, «5» – самая существенная проблема)

<i>Основные проблемы</i>	<i>Средний балл</i>
Отсутствие/недостаток работников необходимого уровня квалификации	2,1
Отсутствие качественной системы повышения квалификации и переподготовки работников	2,4
Неудовлетворительный уровень квалификации работников, подготовленных системой высшего образования Украины по профилю деятельности Вашего предприятия/организации	2,3
Эмиграция высококвалифицированных кадров из Украины	2,5
Неспособность обеспечить надлежащий уровень мотивации у работников Вашего предприятия/организации	2,8

и работники выезжают за границу в поисках не только более обеспеченной жизни, но и более широких возможностей приложения и совершенствования своих знаний. Наименее острой из рассмотренных оказалась набравшая в среднем 2,1 балла проблема отсутствия/недостатка работников необходимого уровня квалификации. Сравнительно невысокие средние значения остроты всех рассмотренных проблем (средний балл находится в середине шкалы) объясняются, как ни странно, кризисными явлениями в экономике. В условиях стагнации небольшие объемы производства и низкая интенсивность из-за недостаточного финансирования научных исследований не требуют значительной численности высококвалифицированных работников. Поэтому и проблемы недостаточного кадрового обеспечения не ощущаются так остро. Эти проблемы оказались бы острее, если бы производство в Украине было модернизировано и стремительно развивалось. Аналогично в условиях реального, а не декларативного перехода на инновационное развитие нехватка таких высококвалифицированных кадров была бы крайне ощутимой, а само развитие наносектора, даже если бы в него инвестировались достаточные средства, оказалось бы под вопросом.

Треть всех экспертов (14) полагают, что поиск путей решения кадровых проблем НТД является заданием преимущественно государства. Более половины опрошенных руководителей (23) отметили, что в этом должны в равной мере участвовать и государство, и предприятия/организации. И лишь двое экспертов были согласны с мнением, что обеспечение кадрами – это задача преимущественно предприятия/организации. Столь важную роль государства в решении кадровых проблем НТД эксперты объясняли тем, что «новое может выжить только при поддержке государства», «государство должно поддерживать научные исследования в новейших направлениях», «нанотехнология является наукоемкой отраслью и требует значительной финансовой поддержки государства». Отдельно высказывалось мнение, что без заинтересованности государства бюджетные организации, в которых сегодня осуществляется большинство фундаментальных исследований, просто не смогут сохранить квалифицированные кадры. Особая роль государства

в подготовке кадров для развития НТД объясняется также стратегическими целями управления экономикой страны. Именно от знаний и отдачи специалистов в сфере нанотехнологий зависит конкурентоспособность и независимость государства, поэтому их подготовка и поддержка – дело государственное.

Эксперты, предлагавшие предприятиям/организациям, занятым НТД, решать кадровые проблемы совместно с государством, указывали, что НИИ не могут подменять собой вуз. Среди ответов было мнение, что технические специалисты должны быть подготовлены в государственных вузах. По мнению экспертов, выступавших за паритетные начала и государства, и предприятия/организации в решении кадровых проблем НТД, государство должно готовить кадры высокой квалификации в вузах, а учреждения – реализовывать специальную подготовку.

Несмотря на множество серьезных проблем, сдерживающих сегодня развитие наносектора в экономике Украины, эксперты в целом оптимистично оценивают его перспективы. По всем видам деятельности они оценили положение своих предприятий/организаций через пять лет лучше, чем оно есть на сегодняшний день. А нынешнее положение субъектов НТД, по оценкам руководителей, выглядит лучше, чем пять лет назад. Более половины экспертов (26) считают, что реальным условиям украинской экономики соответствует такое направление развития нанотехнологической сферы, как разработка, внедрение и распространение (в том числе за рубежом) собственных технологий, тогда как втрое меньше экспертов (7) указали, что для наших условий больше подойдет заимствование и использование зарубежных техно-

Таблица 4.6

**Направления развития нанотехнологической сферы
в оценках экспертов**

<i>Направления развития нанотехнологической сферы</i>	<i>Численность экспертов N = 41</i>
Разработка, внедрение и распространение (в том числе за рубежом) собственных технологий	26
Заимствование и использование зарубежных технологий	7
Импорт нанопродукции	3
Не ответили	5

логий. И всего трое предлагали импортировать нанопродукцию (табл. 4.6).

Аналогично при ответе на вопрос о том, реально ли в современном украинском обществе осуществить прорыв в сфере нанотехнологий, преобладающее большинство экспертов ответило утвердительно. Однако расширенные ответы, где экспертам предложили указать, что, по их мнению, для этого нужно сделать, говорят о том, что реализация этого оптимизма иллюзорна. Главным условием для подобного прорыва (встречающимся в большинстве ответов), могло бы стать увеличение государственного финансирования. Также отмечалась необходимость регулирования правовой сферы и улучшение взаимодействия между заказчиками и разработчиками нанотехнологий.

Обобщая результаты экспертного анализа сферы НТД в Украине, отметим, что сегодня она представляет собой сложный комплекс научных, исследовательских и производственных взаимосвязей между различными структурами академических, вузовских институтов и производственных предприятий. Результаты НТД украинских организаций имеют как научную, так и практическую значимость, они востребованы отечественными и зарубежными исследовательскими организациями и предприятиями. По мнению экспертов, отечественная нанопродукция конкурентоспособна как на рынках стран СНГ, так и на рынке ЕС, а также на мировых рынках в целом. НТД в украинских исследовательских организациях и предприятиях обеспечена высококвалифицированными кадрами, знания которых, по экспертным оценкам, соответствуют мировому уровню, а творческий потенциал и познавательный интерес высоки. Однако важно подчеркнуть, что здесь речь идет о предприятиях/учреждениях, сегодня являющихся действующими. Сложность отбора единиц анализа, отсутствие достоверной статистической информации об их деятельности и острота проблем, связанных с их выживанием в условиях экономического кризиса говорят о том, что поддержке и развитию науки в целом и НТД в частности в Украине сегодня не уделяется должного внимания. Такое незначительное и недостаточное для инновационного развития количество пред-

приятий НТД и неблагоприятные условия для его увеличения не позволяют говорить об их серьезном влиянии на экономику страны и тем более ведущей роли в преодолении экономического кризиса.

Ответы экспертов выявили особенности сферы НТД как инновационного сектора в экономике Украины. Для использования ее значительного научного потенциала необходимо преобладание отношений сотрудничества над конкурентными отношениями непосредственно в сфере НТД, восстановление системы договоренностей между различными структурными подразделениями научных организаций и промышленных предприятий, что обеспечило бы непрерывную связь научных исследований, разработок и их внедрения в экономику. Наиболее благоприятными организационными формами НТД эксперты считают подразделения в структуре государственных научных учреждений и предприятий. Для осуществления такого взаимодействия на уровне экономики страны в целом необходимо всестороннее государственное регулирование и достаточное финансирование как фундаментальных, так и прикладных научных исследований.

4.3. Перспективы формирования инновационной экономики в Украине (вместо заключения)

Для участия в экспертном опросе были отобраны высококвалифицированные специалисты, которые не только профессионально ориентируются в текущей социально-экономической ситуации в Украине, но и много лет непосредственно занимаются научным анализом и практическим решением проблем ИРЭ в нашей стране. Высокий уровень их компетентности в сфере инновационной деятельности и политики государства позволил всесторонне оценить состояние дел на этом важном направлении социально-экономического развития и внести ряд практических предложений, направленных на преодоление существующих барьеров и недостатков в ИРЭ Украины. Многие из этих предложений могут быть использованы для определения перспектив формирования реалистичной программы инновационного развития и разработки научно обоснованных конкретных мероприятий по ее реализации.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают ответы экспертов на открытые вопросы об особенностях ИРЭ Украины и их рекомендации по обеспечению реального сдвига экономического развития в инновационном направлении, осуществлению инновационного прорыва, способного вывести экономику страны на уровень 5–6-го технологических укладов, с тем чтобы предотвратить ее дальнейшее сползание на обочину мировой капиталистической системы. В условиях экономической глобализации современного мира решение этих важнейших задач, уверены многие эксперты, должно стать приоритетом в деятельности государственных и других политических, экономических и социальных институтов, непосредственно или косвенно причастных к обеспечению ИРЭ и внедрению организационных инноваций.

Опыт стран-лидеров ИРЭ в последние десятилетия убедительно свидетельствует о том, что успехи на инновационном технологическом и производственном поприще тесно связаны с разработкой и внедрением в экономическую практику соответствующих *организационных инноваций*. Последние определяются в социологии как адаптация идей или поведения, являющихся новыми для той или иной конкретной организации. В отличие от экономистов, предпочитающих сосредоточивать внимание на имеющих экономическое значение промышленных инновациях, социологи склонны рассматривать *термин «инновация»* в широком смысле как воплощение любой новой идеи. Социологи исходят из того, что даже заимствование идей и практик у других организаций, что является типичным в бизнесе вследствие диффузии и конкуренции, неизбежно требует определенных приспособлений и модификаций с учетом локальной организационной культуры и общепринятых практик [Hage, 2011: p. 494].

Вот почему в центре внимания социологической науки сегодня находятся вопросы типологии и измерения инноваций, исследование детерминант организационных инноваций, анализ национальных инновационных систем и оценка правительственной политики, направленной на стимулирование нововведений. Важное место в изучении детерминант инновационной деятельности в организации занимает поиск ответа на вопрос, почему некоторые страны имеют более высокий уровень радикальных инноваций, чем другие. Ос-

новая причина этого явления состоит в различных институциональных системах, созданных в обществе с целью содействия ИРЭ (образование, научные учреждения, финансирование науки, рынок труда, социальные отношения в сфере производства и т.п.) [Hage, 2011: p. 494–497].

Многие из перечисленных проблем нашли отражение в ответах экспертов. Некоторые из них полагают, что инновационного развития в Украине нет вообще, что Украина предала забвению накопленный в этом отношении советский опыт и находится сейчас в стадии инновационного дефолта. Основной причиной несостоятельности Украины в сфере ИРЭ служит засилье в правительстве и правящих кругах страны неграмотных или полуграмотных антинародных политических сил, не способных к конструктивной работе и проведению экономической политики, адекватной вызовам современности. Как утверждает один из экспертов, научный сотрудник Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки имени Г.М.Доброва, «Украина в результате осуществления неудачной государственной политики допустила уничтожение высокотехнологического сектора своей экономики, снижение в три раза своего научного потенциала!» Неслучайно всего трое из 26 экспертов наиболее вероятным среди возможных сценариев развития украинской экономики в ближайшие 10–15 лет считают инновационный сценарий, восемь – инерционный, 10 – смешанный сценарий.

Ряд экспертов, характеризуя ИРЭ, подчеркнули отсутствие благоприятных условий в Украине для успешного независимого инновационного развития. Среди них они в первую очередь указали на значительную коррупционную составляющую; отсутствие четкой государственной инновационной политики; недостаточную институциональную поддержку инновационных процессов; невосприимчивость производства к инновациям; отсутствие инновационного менеджмента; слабую государственную организационную и финансовую поддержку; неадекватность инфраструктуры инновационной деятельности; отсутствие эффективных механизмов обеспечения и стимулирования инновационной деятельности; недостаточное внимание к передаче знаний

и технологий как внутри страны, так и в рамках ее международных связей.

Эксперты неоднократно подчеркивали мысль о полном отсутствии стимулов и интереса к инновационному развитию. «Власть вместе с олигархическим бизнесом пока не заинтересованы, а средний и малый бизнес и население не осознают такой необходимости (верхи не хотят, а низы не могут)» (ученый Института экономики промышленности НАН Украины). Крупные собственники пытаются сэкономить на внедрении инновационных продуктов, отдают предпочтение экстенсивному развитию и относятся к своим предприятиям и работникам как к средству обогащения (научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений НАН Украины).

«Коррупция и вызванные ею неверие и апатия в обществе, значительный разрыв в доходах, отсутствие корреляции между качеством и количеством труда и благосостоянием и статусом, консервативный тип культуры, который приводит к использованию стратегии «выживания», а не развития, и значительному оттоку талантливых, инициативных и образованных людей, молодежи, не воспринимающих Украину как страну для жизни», – так характеризует особенности ИРЭ в нашей стране, точнее, реальные условия жизни украинского общества аналитик ИМЭМО НАН Украины. Четко сформулировал особенности ИРЭ в нашей стране эксперт из Института экономики промышленности НАН Украины: «Деэтизация в области инновационного развития, конформизм в воспроизводстве системы государственного регулирования инновационного процесса, конъюнктурность в выборе государственных приоритетов и путей инновационного и научно-технического развития национальной экономики». Учитывая многие препятствия на пути перехода Украины к ИРЭ, девять экспертов (35%) считают, что при выборе инновационного направления экономического развития нашей стране надо исходить из того, что реальным условиям современного украинского общества больше всего отвечает *заимствование и использование зарубежных инноваций*. Шесть экспертов (23%) наиболее подходящей видят *разработку, внедрение и распространение (в том числе за*

границей) собственных инноваций, семеро (27%) – импорт зарубежных инновационных товаров.

Отвечая на вопросы об особенностях ИРЭ в Украине, эксперты указали на явное противоречие между широким генерированием идей и отсутствием их реализации (эксперт Института экономики промышленности НАН Украины), между наличием всех необходимых ресурсов («и финансовые можно найти») для ИРЭ и низким уровнем реализации организационного и социального потенциала (эксперт Института экономики и прогнозирования НАН Украины), между словом и делом. Многие эксперты отметили расхождение между декларативными намерениями в отношении ИРЭ и отсутствием реальных действий. Рассуждая о том, что нужно сделать для реального сдвига отечественной экономики в направлении инновационного развития, эксперты подчеркивали необходимость «признать на государственном уровне (реально, не формально) инновационную модель развития экономики Украины как стратегический курс страны» (эксперт Института экономики и прогнозирования НАН Украины), «прекратить бюрократическую имитацию научно-технологической и инновационной политики и вместо этого найти ресурсы и средства для концентрации усилий общества и государства на стимулировании инновационных процессов, реальной поддержке науки и промышленных инноваций» (эксперт Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки имени Г.М.Доброва).

Инновационный прорыв без материальных ресурсов и поддержки со стороны власти, по мнению экспертов, практически не осуществим. Решение текущих проблем рынка, как правило, требует усилий, вектор которых прямо противоположен вектору усилий, необходимых для инновационного развития экономики. Рынок есть антиинновационным по своей сути. Поэтому без государственной поддержки инновациям на рынке выжить очень сложно.

В ответах экспертов подчеркивается необходимость обеспечения механизма ответственности за ИРЭ на всех уровнях и перевода признания инновационного развития как стратегического курса страны в плоскость реальных конкретных целенаправленных мер. Сущность последних, по мне-

нию экспертов, не только известна на примере других стран, но и наработана в Украине за 10 последних лет. Помимо преодоления существующих барьеров на пути инновационного развития (в виде олигархических властных структур, коррупции, монополизма, сопротивления бюрократии и т.п.) необходимо задействовать имеющийся социальный потенциал со знаком «плюс».

Речь идет об имплементации и совершенствовании инновационного законодательства, возвращении к стратегическому планированию по этим вопросам, создании рынка интеллектуальной собственности и действенной системы защиты прав интеллектуальной собственности на всех этапах инновационного развития, введении системы коммерциализации научных разработок, обеспечении реальной конкурентной среды и развитии предпринимательства, экономическом стимулировании промышленных предприятий за осуществление научных разработок, существенном повышении материального и социального статуса людей, которые являются движущей силой модернизационного сценария развития, об увеличении минимальной заработной платы в стране до уровня стран-членов ЕС и ряде других инструментов.

Несколько экспертов подчеркнули, что ИРЭ следует рассматривать в контексте крайне необходимого для страны перехода к новой крупномасштабной индустриализации (ученый Института экономики о промышленности НАН Украины). По словам эксперта из Национального университета «Киево-Могилянская академия», «сегодня в Украине принята концепция так называемой индустриальной модернизации», что является тупиковым путем, поскольку таким образом инновации будут стимулироваться лишь в отраслях и на предприятиях, существующих еще с советских времен, хотя «львиная доля инноваций должна создавать новые предприятия, новые производства, новые рабочие места». С этой целью «государство должно создать институциональные условия для формирования масштабной прослойки предпринимателей-новаторов».

Но главной проблемой остается, по утверждению эксперта из Центра исследований научно-технического потенциала

и истории науки имени Г.М.Доброва, отсутствие надлежащего понимания на всех уровнях роли инновационного фактора в обеспечении социально-экономического развития страны. «Это требует создания системы инновационного образования и инновационной культуры на государственном и региональном уровнях». Понимание ключевой роли социально-культурных факторов в инновационном процессе присуще всем экспертам. Последние указывают на необходимость преодоления «архаичного менталитета», повышения уровня соответствующих знаний и инновационной культуры чиновников, решающих вопросы инновационного развития, широкого внедрения в систему высшего образования учебных дисциплин инновационного менеджмента, формирования «культуры инноваций», инновационных ценностей в обществе в целом (включая создание у граждан посредством пропаганды «культы героев – инновационных чемпионов»). «Начать формировать (а не декларировать) новаторское общество и культуру, в результате этого сама экономика станет инновационной», – подчеркивает аналитик из Центра имени Г.М.Доброва. При этом необходимо обеспечить комплексный подход к формированию системы образования и культуры, адекватной потребностям ИРЭ, включающей множество компонентов, часто остающихся вне поля зрения ученых и практиков.

Формально ответы экспертов по вопросу о том, реально ли в современной Украине осуществить инновационный прорыв на уровень 5–6-го технологических укладов, разделились примерно поровну: одни считают, что реально, другие – нереально или мало реально. Анализ аргументации и ответов экспертов–«пессимистов» по другим вопросам показывает, что при условии преодоления реально существующих в нашем обществе «жестких» барьеров на пути инновационного развития (указанных выше) такой прорыв может и должен произойти. «Переход развитых стран на 5-й и 6-й технологические уклады является ответом на вызовы глобализации. Эти вызовы диктуют необходимость опережающего развития отдельных конкретных областей научных исследований и технологических разработок, по многим из которых в Украине имеются соответствующие заделы и

экспериментальные разработки. Для того, чтобы ответить на эти вызовы, Украине необходимо радикально и более глубоко интегрироваться в глобальную инновационную систему. Необходимы активные политические меры, направленные на стимулирование исследовательской деятельности, образования и распространения технологий в сочетании с системой достойного социального обеспечения. Примером для Украины в этом отношении может стать европейско-континентальная (Австрия, Польша) и скандинавская (Финляндия, Норвегия) модели развития, а также страны с растущей экономикой (Бразилия, Индия)», – такой основательный ответ на этот вопрос дал специалист из Центра имени Г.М.Доброва. Некоторые эксперты подчеркивают необходимость не только интеграции Украины в глобальную инновационную систему, но и усиления ее роли в ней.

Таким образом, в современных условиях ни ИРЭ, ни инновационный прорыв в Украине, несмотря на их жизненно важное значение для украинского общества и экономики, невозможны без реализации комплекса мер по устранению преград на их пути. Только системное преодоление рассмотренных выше социально-политических, социально-экономических и институциональных барьеров, наряду с проявлением адекватной политической воли, проведением последовательной научно-технической политики, заинтересованностью в инновационном развитии со стороны бизнеса и активной государственной поддержкой ИРЭ, обеспечением должного финансирования, развитием государственно-частного партнерства и повышением уровня консолидации общества приведет к инновационной активности и соответствующим «прорывам». Важную роль в преодолении барьеров на пути ИРЭ и формировании благоприятных условий для социального и личностного инновационного развития призваны сыграть, кроме государства и бизнеса, средства массовой информации, средняя и высшая школа, широкая общественность. Инновационные прорывы потенциально возможны во многих сферах экономики: в аэрокосмической индустрии, самолетостроении, судостроении, «зеленой экономике» (сельское хозяйство, энергетика), сфере информационно-

коммуникационных, био- и нанотехнологий. В то же время, отметил аналитик НаУКМА, «сферы прорывов должны рождаться из крупномасштабных инноваций, а не определяться заранее». По словам специалиста Инновационной палаты Украины, «чтобы выбрать сферы украинского прорыва, необходимо произвести всеукраинскую ревизию инновационных разработок, готовых для организации новых наукоемких производств» и вообще «запустить в Украине эскалатор, который бы поднимал вверх самых образованных, энергичных и достойных, и спускал вниз необразованных, ленивых и нечестных».

Одной из главных преград на пути к инновационному прорыву Украины является недостаточная реализация имеющегося социального потенциала ИРЭ. По оценке экспертов, степень использования социально-политического потенциала составляет всего 1,7 балла (по 5-балльной системе, где «1» соответствует очень малой степени, «2» – малой, «3» – средней, «4» – высокой, «5» – полной), институционального – 1,8 балла, социально-экономического и социокультурного – по 1,9 балла, научного и образовательного – по 2,2 балла.

В целом эксперты единодушны в выводе, что «для инновационного развития Украины имеются все необходимые предпосылки: природные ресурсы, промышленно-технологические мощности, интеллектуальные и научно-технические ресурсы, научная и образовательная сеть». Главная задача заключается в координации усилий всех участников инновационного процесса посредством тесного взаимодействия государства, бизнеса и науки, как при определении приоритетных направлений технологического развития, так и в процессе их осуществления (эксперт из Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки имени Г.М.Доброва). Кроме того, для ИРЭ необходима консолидация общества, правовая защищенность предпринимателей, восстановление доверия людей. На невозможность ИРЭ Украины без этих социальных предпосылок указали, соответственно, 81%, 85% и 85% экспертов.

По мнению экспертов, для преодоления нынешней экономической отсталости Украины от ведущих капиталистических стран и обеспечения ее конкурентоспособности посред-

ством перехода к инновационному типу развития в условиях глобализации мировой экономики нашей стране необходимо:

– Разработать стратегические планы инновационного и технологического развития государства, с использованием методологии форсайта*. Обеспечить комплиментарность научно-технических и инновационных программ. Перейти от технологических заимствований в инновационной сфере к построению независимой инновационной экономики. Поддерживать оптимальный баланс рыночного и государственного регулирования экономического развития. Усилить роль государства в создании необходимых предпосылок ИРЭ.

– Повысить эффективность функционирования территориальных научных комплексов – региональных научных центров НАН Украины и МОН Украины. Четко определить и согласовать государственный и региональные приоритеты ИРЭ. Максимально использовать накопленный социально-экономический и научный потенциал в регионах. Создать региональные инновационные кластеры, работающие в режиме самоорганизации с целью развития инновационной деятельности на новой научной и технологической основе.

– Создать современную общественную инфраструктуру инновационной деятельности, которая должна объединять изобретателей, ученых, предпринимателей и других участников инновационного процесса и направлять их усилия на повышение эффективности взаимодействия науки, бизнеса и государства.

– Обеспечить эффективное взаимодействие всех необходимых для осуществления инновационного процесса подразделений и служб (производственно-технологической, консалтинговой, финансовой, кадровой, информационной,

---

* Хотя термин «форсайт» относительно недавно введен в научный оборот, он широко используется для обозначения новой методологии, которая применяется в ряде наук, в том числе в социологии инноваций. Сегодня известно множество определений «форсайта», перекликающихся с прогнозированием, сценарированием, проектированием будущего. Одно из них принадлежит американскому исследователю Бену Мартину, который пишет: «Форсайт – это систематическая попытка заглянуть в долгосрочное будущее науки, технологии, экономики и общества с целью идентификации зон стратегического исследования и появления родовых ФТехнологий, подающих надежды приносить самые крупные экономические и социальные выгоды».

сбытовой и других). Сделать их доступными для всех субъектов инновационной деятельности, прежде всего для малых предприятий. Создать условия для превращения стартапов в крупные инновационные корпорации.

– Сделать особый акцент в инновационной активности не только на реализацию технологий (то есть на класс идей, называемый *знаю как* – know how), но и на реализацию новых продуктов и услуг (то есть на класс идей, которые по аналогии можно назвать *знаю что* – know what).

– Всесторонне стимулировать ученых, изобретателей, инженеров, рабочих и других участников «инновационной цепочки» существенно повысить их материальный и социальный статус. Учредить национальный праздник – День инноватора как день всенародного чествования кадров, добившихся весомых достижений в инновационной деятельности. Добиваться сочетания творческого и инновационного потенциалов ветеранов и молодежи для преодоления тенденции старения научных и конструкторских кадров, среднего технического персонала научно-исследовательских учреждений и предприятий.

– Организовать Всеукраинскую выставку изобретений и завершенных опытных образцов, готовых к реализации. По результатам открытого конкурса определить основные направления (приоритеты) инновационного развития страны. Провести ревизию завершенных инновационных разработок, готовых к организации новых наукоемких производств. Принять меры к сохранению всех знаний и идей независимо от их оценки на текущий момент, поскольку даже перспективные на сегодняшний день знания и идеи могут стать исключительно востребованными завтра¹.

– Создать биржу интеллектуальной собственности и обеспечить эффективную систему защиты прав интеллектуальной собственности. Совершенствовать систему государственной статистики с целью улучшения управления инновационным развитием. Внедрить эффективную систему

¹ Под эгидой Союза научных и инженерных обществ в Киеве создан Украинский центр сохранения и активизации новых идей (УЦ САНИ), который развивает разработанную еще в 1975–2000 годах в Кибцентре НАН Украины систему САНИ (сохранение и активизация новых идей).

коммерциализации научных разработок. Обеспечить государственную поддержку малого и среднего инновационного бизнеса.

– Разработать механизмы более глубокой интеграции Украины в глобальную инновационную систему. Ориентировать развитие всех составляющих Национальной инновационной системы Украины на самые высокие международные стандарты. Активно способствовать продвижению на мировые рынки национальных инновационных продуктов, обмену специалистами в сфере инновационной деятельности с целью изучения передового опыта.

– Провести реформу системы среднего и высшего образования с учетом потребностей ИРЭ. Создать системы инновационного образования на государственном и региональном уровнях. Осуществлять подготовку специалистов по перспективным направлениям ИРЭ и инновационного менеджмента. Увеличить долю занятых в инновационном секторе инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих. Обучать основам инновационной деятельности, в том числе коммерциализации интеллектуальной собственности, всех государственных служащих, занимающихся этими вопросами.

– Разработать и реализовать программы повышения инновационной культуры в украинском обществе. Пересмотреть этические аспекты ее формирования с целью обеспечения гуманистической ориентации инновационного развития. Препятствовать внедрению инноваций, способных нанести ущерб человеку и обществу, всячески поощрять использование экологически чистых и энергосберегающих технологий ради укрепления и сохранения здоровья людей и среды обитания человека.

– Принять «Закон Украины об инновациях», регулирующий весь комплекс исследовательской и инновационной деятельности.

На наш взгляд, претворение в жизнь этих рекомендаций и предложений экспертов будет способствовать повышению эффективности инновационной деятельности, активизации и реализации социального потенциала ИРЭ и, в конечном

итоге, решению стратегических задач модернизации экономики Украины.

Для перехода отечественной экономики на инновационный путь развития необходимо разрешить ряд противоречий: 1) между объективной потребностью перехода к ИРЭ и отсутствием необходимых для этого предпосылок; 2) между декларацией стратегического курса на ИРЭ и фактически бездействием со стороны власти; 3) между наличием достаточно высокого интеллектуального потенциала и низкой эффективностью его использования; 4) между наличием необходимых для ИРЭ страны ресурсов и низким уровнем социального потенциала этого развития (как в целом, так и его отдельных составляющих); 5) между широким генерированием идей и отсутствием их учета, сохранения и реализации.

В целом осуществление ИРЭ Украины невозможно без радикального изменения существующего институционального порядка, подчинения приоритетов развития подлинно гуманитарным целям, восстановления доверия в обществе, преодоления «жестких» институциональных барьеров (системы семейно-кланового олигархического капитализма, сложившейся в Украине общественно-политической системы, социально-экономической дифференциации населения, монополизации и тенизации экономики, коррупции, низкого уровня жизни населения) и обеспечения реальной государственной поддержки. Решить перечисленные проблемы можно только при условии прихода к власти прогрессивных отечественных сил, действующих с позиций защиты национальных интересов страны, консолидации украинского общества и осуществления неоиндустриализации.

Источники

К главе 1

Активізація інноваційної діяльності: організаційно-правове та соціально-економічне забезпечення : [моногр.] / [О.І. Амоша, В.П. Антонюк, А.І. Землянкін та ін.]. — Донецьк : Ін-т економіки промисловості НАН України, 2007. — 328 с.

Апокин И.А. Реформы в России / Апокин И.А. — М. : Юниверс, 2003. — 135 с.

Ассонов Г.Ф. Социально-экономический и научно-технический прогресс Украинской ССР за годы Советской власти / Ассонов Г.Ф. — К. : УкрНИИИТИ, 1987. — 24 с. — (Серия-2.3 : Экономические проблемы научно-технического прогресса).

Ашмарин И.И. Человеческий потенциал / И.И. Ашмарин // Человек. Философско-энциклопедический словарь. — М. : Наука, 2000. — С. 430–431.

Батура В. Управленческий потенциал в основе развития региона / В. Батура // Проблемы управления. — 2011. — № 3. — С. 14–17.

Богданова Л.П. Фактори прискорення НТП / Богданова Л.П. — К. : Т-во «Знання» УРСР, 1988. — 32 с. — (Серія 3 : Економіка: наука управління, практика ; № 13).

Болтански Л. Новый дух капитализма / Люк Болтански, Эв Кьяпелло ; пер. с франц. под общ. ред. С. Фокина. — М. : Новое лит. обозрение, 2011. — 976 с.

Валовой Д.В. Блеск и нищета политэкономии / Валовой Д.В. — М. : Экономическая газета, 2003. — 128 с.

Валовой Д.В. Экономика абсурдов и парадоксов: Очерки-размышления / Валовой Д.В. — М. : Политиздат, 1991. — 431 с.

Васильев Ю.П. Развитие инновационной деятельности в США, или как удвоить ВВП / Васильев Ю.П. — М. : Экономика, 2005. — 406 с.

Голанский М.М. Что нас ждет в 2015 году? (экономический прогноз против утопий) / Голанский М.М. — М. : Мысль, 1992.

Єщенко П.С. Нова парадигма розвитку економіки — настійливе веління нашого часу / П.С. Єщенко, А.Г. Арсеєнко // Економіка і прогнозування. — 2011. — № 1. — С. 28–47.

Задоя А.А. Деиндустриализация в Украине: «Двадцать лет спустя» / А.А. Задоя // Академічний огляд. — 2012. — № 1 (36). — С. 26–35.

Зарубина Н.Н. Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе : учеб. пособие / Зарубина Н.Н. — М. : Университет. книга : Логос, 2006. — 392 с.

Иванов Н. Социальный контекст инновационного развития / Николай Иванов // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — № 5. — С. 17–30.

Индекс экономики знаний — информация об исследовании [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://gtmarket.ru/ratings/knowledge-economy-index/knowledge-economy-index-info#ukraine>.

Інноваційний розвиток промисловості як складова структурної трансформації економіки України : аналіт. доповідь. — К. : НІСД, 2013. — 71 с.

Карпова Ю.А. Введение в социологию инноватики : учеб. пособие / Карпова Ю.А. — СПб. : Питер, 2004. — 192 с.

Киселев В.Н. Инновационная политика и национальные инновационные системы Канады, Великобритании, Италии, Германии и Японии [Электронный ресурс] / В.Н.Киселев, Д.А.Рубвальтер, О.В. Руденский. — Режим доступа : <http://www.gntp.by/wp-content/uploads/2012/12/Иновационные-системы-зарубежных-стран.pdf>.

Кондратьев В. Зарубежный опыт модернизации: уроки для России / Владимир Кондратьев // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — № 10. — С. 33–44.

Копка П.Н. Современный кризис инновационной политики / П.Н. Копка, И.П. Макаренко, А.Г. Рогожин // Проблемы и перспективы инновационного развития экономики : XII междунар. науч.-практ. конф. : сб. материалов — К. : СПД Цудзиневич Т.И., 2008. — С. 445–449.

Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь: Более 10 000 единиц / Кравченко С.А. — М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2004. — 511 с.

Кучко Е.Е. Социология инноваций : учеб.-метод. пособие / Кучко Е.Е. — Минск : БГУ, 2013. — 83 с.

Лапин Н.И. Теория и практика инноватики : учеб. пособие / Лапин Н.И. — М. : Университет. книга : Логос, 2012. — 328 с.

Мельник Л.Г. Экономика и информация: экономика информации и информация в экономике : энцикл. словарь / Мельник Л.Г. — Сумы : Университет. книга, 2005. — 384 с.

Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю.С. Оганьсян ; Ин-т социологии РАН. — М. : Рос. полит. энцикл. (РОСПЭН), 2011. — 336 с.

Назар С. Путь к великой цели: история одной экономической идеи / Назар Сильвия ; пер. с англ. А. Сатунина, Н. Шаховой. — М. : АСТ : CORPUS, 2013. — 704 с.

Наукова та інноваційна діяльність в Україні у 2010 році : стат. зб. — К. : Інформ.-вид. центр Держстату України, 2011. — 282 с.

Наукова та інноваційна діяльність в Україні у 2011 році : стат. зб. — К. : Інформ.-вид. центр Держстату України, 2012. — 305 с.

Новицький В.Є. Інноваційний розвиток — ілюзії та імперативи / В.Є. Новицький // Стратегія розвитку України. — 2006. — № 2–4. — С. 141–148.

Одотюк І.В. Технологічна структура промисловості України: реалії та перспективи розвитку / Одотюк Ігор Васильович. — К. : Ін-т економіки та прогнозування НАН України, 2009. — 304 с.

Осипов Г.А. Механизм деградации общества / Осипов Г.А. — М. : Науч. мир, 2005. — 162 с.

Осипчук И. Из жизни замечательных людей / И. Осипчук // Факты. — 2013. — 23 авг. — С. 4.

Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Райнерт Э.С. ; пер. с англ. Н. Автономовой ; под ред. В. Автономова. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 384 с.

Селезнев П.С. Инновационные проекты современности: политико-экономический опыт для России / Селезнев П.С. — М. : Рос. полит. энцикл. (РОСПЭН), 2013. — 302 с.

Соколик М.П. Продуктивність і оплата праці за паритетом купівельної спроможності в Україні та інших країнах: порівняльний аналіз / М.П. Соколик // Економіка і прогнозування. — 2011. — № 1. — С. 85–103.

Солоу Роберт [Электронный ресурс] / Webeconomy.ru. — Режим доступа : <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=929&type=news>.

Старыгина А.М. Особенности стратегии инновационного развития экономики / А.М. Старыгина, Г.В. Овчаренко // Terra Economicus. — 2011. — Т. 9, № 1, ч. 2. — С. 46–50.

Статистичний щорічник України за 1995 рік. — К. : Техніка, 1996. — 576 с.

- Статистичний щорічник України за 2000 рік. — К. : Техніка, 2001. — 598 с.
- Статистичний щорічник України за 2001 рік. — К. : Август Трейд, 2002. — 644 с.
- Статистичний щорічник України за 2011 рік. — К. : Август Трейд, 2012. — 560 с.
- Супрун В.А.* Интеллектуальный капитал: Главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке / Супрун Вера Александровна. — М. : КомКнига, 2006. — 192 с.
- Україна – 2015: Національна стратегія розвитку [Електронний ресурс]. — К., 2008. — Режим доступу : <http://www.semynozhenko.net/content/files/Ukraine-2015%20big.pdf>.
- Фатхутдинов Р.А.* Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление / Фатхутдинов Р.А. — М. : Инфра-М, 2006. — 312 с.
- Федоров В.К.* Социология инноватики — теоретические принципы, методика и направления развития [Электронный ресурс] : доклад / В.К. Федоров, В.П. Марин // Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте : I междунар. науч.-практ. конф., 30–31 окт. 2012 г., г. Москва. — Режим доступа : <http://www.gosbook.ru/node/71477>.
- Федулова Л.И.* Инновационный вектор развития промышленности Украины / Л.И. Федулова // Экономика Украины. — 2013. — № 4. — С. 15–23.
- Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / Фукуяма Ф. ; пер. с англ. М.Б. Левина. — М. : АСТ : Ермак, 2004. — 588 с.
- Хелпман Э.* Загадка экономического роста / Хелпман Элханан ; пер. с англ. А. Калинина ; под ред. М. Ханаевой, Е. Синельниковой. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. — 240 с.
- Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991) / Хобсбаум Эрик. — М. : Независимая газета, 2004. — 632 с.
- Человек : филос.-энцикл. словарь. — М. : Наука, 2000. — 516 с.
- Чередников О.* Высокотехнологичные стартапы в мире и в России / О. Чередников // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — № 10. — С. 68–75.
- Что такое стартап? [Электронный ресурс] // Конструктор успеха. — Режим доступа : <http://constructorus.ru/finansy/chto-takoe-startap.html>.
- Чухно А.* Хозяйственный механизм и пути его совершенствования на современном этапе / А. Чухно // Экономика Украины. — 2007. — № 3. — С. 60–67.

Шнипко О.С. Інноваційний дефолт України: економіко-технологічний контекст : [моногр.] / О.С. Шнипко. — К. : Генеза, 2009. — 248 с.

Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Шумпетер Й.А. ; [предисл. В.С. Автономова ; пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко ; пер. с англ. В.С. Автономова, Ю.В. Автономова, Л.А. Громовой, К.Б. Козловой, Е.И. Николаенко, И.М. Осадчей, И.С. Семеновко, Э.Г. Соловьева]. — М. : Эксмо, 2008. — 864 с. — (Серия : Антология экономической мысли).

Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века / Яковец Ю.В. ; Междунар. ин-т П. Сорокина – Н. Кондратьева. — М. : Экономика, 2004. — 444 с.

Яхимович З.П. Вызовы глобализации и судьбы государственности / З.П. Яхимович // Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность / отв. ред. В.Л. Мальков ; Ин-т всеобщей истории. — М. : Наука, 2003. — С. 466–480.

American Economic Association : Report of the Commission on Graduate Education in Economics // Journal of Economic Literature. — 1991. — Sept. — P. 1035–1053.

Balzat M. Fundamentals of the concept of national innovation systems / Markus Balzat, Horst Hanusch // Elgar Companion to Neo-Schumpeterian Economics / Horst Hanusch, Andreas Pyka (eds.). — Cheltenham, UK ; Northampton, MA, USA : Edward Elgar, 2007. — P. 926–939.

Cheng S. Measuring and building high-quality entrepreneurship: a research prospect / Shaoming Cheng, Roger R. Stough, Randall W. Jackson // Innovation : The European Journal of Social Science Research. — 2009. — Sept. — P. 329–340.

Chossudovsky M. Globalization of Poverty: Impact of the IMF and World Bank Reforms / Chossudovsky Mishel. — L. ; N.J. : Zed Books Ltd, 1997. — 280 p.

Cook C. Dictionary of Historical Terms : A Guide to Names and Events of over 1,000 Years of World History / Cook Chris. — N.Y. : Peter Bedrick Books, 1983. — 304 p.

Creveld M. Technology and War: From 2000 B.C. to the Present / Martin van Creveld. — N.Y. : The Free Press, 1989. — 342 p.

Fagerberg J. The dynamics of technology, growth and trade: A Schumpeterian perspective [Electronic Resource] / Jan Fagerberg : Working paper nr. 25/2003. — Oslo : Centre for technology, innovation and culture : University of Oslo, 2003. — Mode of access : <http://www.duo.uio.no/publ/tik/2004/17038/wp25.pdf>.

Francis D. Controlling Interest: Who Owns Canada? / Francis Diane. — Toronto, Ontario, Canada : Macmillan of Canada, 1986. — 352 p.

Hage J. Organization Innovation / Jerald Hage // International Encyclopedia of Economic Sociology / J.Beckert, M.Zafirovsky (eds.). — L. ; N.Y. : Routledge, 2011. — P. 494–497.

Hanusch H. A roadmap to comprehensive neo-Schumpeterian economics / Horst Hanusch, Andreas Pyka // Elgar Companion to Neo-Schumpeterian Economics / Horst Hanusch, Andreas Pyka (eds.). — Cheltenham, UK ; Northampton, MA, USA : Edward Elgar, 2007. — P. 1160–1168.

Kennedy P. The Knowledge Economy and Labor Power in Late Capitalism / Peter Kennedy // Critical Sociology. — 2010. — Nov. — P. 821–837.

Knowledge Economy Index (KEI) 2012 Rankings [Electronic Resource]. — Mode of access : <http://siteresources.worldbank.org/INTUNIKAM/Resources/2012.pdf>.

Lazzaro J. NYU's Nouriel 'Dr. Doom' Roubini: Karl Marx Was Right [Electronic Resource] / Joseph Lazzaro. — 2011. — August 14. — Mode of access : <https://www.commondreams.org/headline/2011/08/14-4>.

Martinelli A. Entrepreneurship and Management / Alberto Martinelli // The Handbook of Economic Sociology / N.J. Smelser, R. Swedberg (eds.). — Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1994. — P. 476–503.

Nanotechnology and the Challenges of Equity, Equality and Development [Electronic resource] / S.E. Cozzens, J.M. Wetmore (eds.) / Yearbook of Nanotechnology in Society. — Vol. 2. — 30 p. — (Series ed. David H. Guston). — Modes of access : <http://www.springer.com/series/7583>.

Reinert E.S. Increasing Poverty in a Globalised World: Marshall Plans and Morgentau Plans as Mechanisms of Polarisation of World Income [Electronic resource] / E.S. Reinert. — Mode of access : http://www.networkideas.org/featart/aug2003/Inc_Pov_Globalised_World.pdf.

Rybicki K. Development Strategies: A Matter of Choice / Krzysztof Rybicki // Science and Society. — 2010. — № 5. — P. 19–25.

Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy / J.A. Schumpeter. — Third Edition. — N.Y. : Harper Torchbooks, 1962. — 451 p.

Schumpeter J.A. The Economics and Sociology of Capitalism / Schumpeter J.A. ; R. Swedberg (ed.). — Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1991. — 492 p.

Shapira P. The emergence of social science research on nanotechnology / P. Shapira, J. Youtie, A.L. Porter // *Scientometrics*. — 2009. — 25 March. — 17 p.

Smelser N.J. The Sociological Perspective on the Economy / Neil J. Smelser, Richard Swedberg // *The Handbook of Economic Sociology* / N.J. Smelser, R. Swedberg (eds.). — Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1994. — P. 3–26.

Suarez-Villa L. Technocapitalism: A Critical Perspective on Technological Innovation and Corporatism / Luis Suarez-Villa. — Philadelphia, PA : Temple University Press, 2009. — 210 p.

Swedberg R. Schumpeter, Joseph A. // *International Encyclopedia of Economic Sociology* / Richard Swedberg ; J. Beckert, M. Zafirovsky (eds.). — L. ; N.Y. : Routledge : Taylor & Francis Group, 2011. — P. 592–595.

The Global Competitiveness Report 2013–2014 [Electronic Resource] : Full Data / ed. Klaus Schwab // World Economic Forum. — 553 p. — Mode of access : [WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf](#).

The Global Innovation Index 2013. The Local Dynamics of Innovation [Electronic Resource]. — Mode of access: <http://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=gii-full-report-2013#pdfopener>.

К главе 2

Алаев Э.Б. Социально-экономическая география : понятийно-терминолог. словарь / Э. Алаев. — М. : Мысль, 1983. — 350 с.

Аттали Ж. Краткая история будущего / Жак Аттали ; пер. с франц. — СПб. : Питер, 2014. — С. 117.

Бубенко П. Почему тормозятся инновационные процессы в Украине? / П. Бубенко, В. Гусев // *Экономика Украины*. — 2009. — № 6. — С. 30–38.

Галкин А.А. Инновационное развитие как программа действий / А.А. Галкин // *Модернизация и политика в XXI веке* / отв. ред. Ю.С. Оганесян ; Ин-т социологии РАН. — М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011. — С. 4.

Геловани В.А. СССР и Россия в глобальной системе (1985–2030): Результаты глобального моделирования / Геловани В.А.,

Бортков В.Б., Дубовский С.В. ; предисл. Г.Г. Малинецкого. — Изд. стереотип. — М. : ЛИБРОКОМ, 2014. — С. 317.

Гусев В.О. Державна інноваційна політика: методологія формування і впровадження : [моногр.] / В.О. Гусев. — Донецьк : Юго-Восток, 2011. — 624 с.

Економіка України за січень-червень 2013 року // Урядовий кур'єр. — 2013. — 30 лип. — С. 6.

Ещенко П.С. Куда движется глобальная экономика в XXI веке? / П.С. Ещенко, А.Г. Арсеенко. — К. : Знання України, 2012. — 479 с.

Иванов Н. Социальный контекст инновационного развития / Н. Иванов // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — № 5. — С. 17–30.

Інновації в Україні: Європейський досвід та рекомендації для України. — К. : Фенікс, 2011.

Т. 3 : Інновації в Україні: пропозиції до політичних заходів Остаточний варіант (проект від 19.10.2011). — 2011. — 76 с.

Малая советская энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. — 3-е изд. — М. : Большая сов. энцикл., 1959.

Т. 7 : Первомайск–Рубе. — 1959. — 1260 с.

Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания в имя всеобщего блага / Малган Дж. ; пер. с англ. Ю. Каптуревского ; под науч. ред. Я. Охонько. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — 472 с.

Малицкий Б.А. Неoliberalизм и кризис инновационного развития экономики. Формула кризиса / Малицкий Б.А. — К. : Фенікс, 2009. — 64 с.

Мартьянов В.С. Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире / Мартьянов В.С. — М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. — С. 352.

Маслова И. Социальный потенциал развития экономики [Электронный ресурс] / И. Маслова. — Режим доступа : http://inecon.ru/tmp/Statja_Maslova_2.doc.

Моисеева Т.П. Избыточное неравенство и бедность как факторы, сдерживающие формирование новой рабочей силы / Т.П. Моисеева, Ф.С. Файзуллин // Социальные проблемы труда в условиях перехода к инновационному развитию общества : всерос. науч.-теорет. конф., 24–26 апр. 2008 г., г. Санкт-Петербург : материалы конф. / под общ. ред. Р.В. Карапетяна,

А.А. Русалиновой, Б.Г. Тукумцева. — СПб. : СПб. ун-т, 2008. — 676 с.

Нещадин А.А. Внеэкономические факторы модернизации: мешающие стереотипы / А.А. Нещадин, Г.Л. Тульчинский // Социологические исследования. — 2011. — № 8. — С. 132–135.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Норт Д. ; пер. с англ. А.Н. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М. : Фонд эконом. книги «Начала», 1997. — 180 с.

Олейник А.Н. Институциональная экономика : учеб. пособие / Олейник А.Н. — М. : ИНФРА-М, 2002. — 416 с.

Олейник А.Н. Конституция российского рынка: согласие на основе пессимизма? / А.Н. Олейник // Социологические исследования. — 2003. — № 9. — С. 30–41.

Пасхавер А. Перманентная украинская революция. Эпизод 2007 / А. Пасхавер // Зеркало недели. — 2007. — 6–12 окт.

Патон Б. Наука — інноваціям / Б. Патон // Наука та інновації. — 2008. — № 5. — С. 20.

Петрушина Т.О. Социально-экономическое поведение населения Украины в условиях институциональных перемен / Петрушина Т.О. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 2008. — 544 с.

Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. — 4-е изд. — М. : Сов. энцикл., 1987. — 1599 с.

Соловьев В.П. Структурно-функциональные особенности национальной инновационной системы Украины / В.П.Соловьев // Инновационное сотрудничество государств-участников СНГ — путь в будущее (по материалам конференций и инновационного форума государств-участников СНГ). 15 лет Содружеству Независимых Государств. — Калуга : Изд-во науч. лит. Н.Ф. Бочкаревой, 2006. — С. 293–294.

Социологическая энциклопедия. — М. : Мысль, 2003. Т. 2 : Н–Я. — 2003. — 863 с.

Сунгуров А.Ю. Инновации и их диффузия: к возможности использования концепции в социально-политической среде / А.Ю. Сунгуров // Философские науки. — 2010. — № 1. — С. 15.

Україна — 2015: Національна стратегія розвитку [Електронний ресурс]. — К., 2008. — Режим доступу : <http://www.semynozhenko.net/content/files/Ukraine-2015%20big.pdf>.

Українське суспільство 1992–2012. Стан та динаміка змін : соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2012. — 660 с.

Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін : соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2013. — 566 с.

Федулова Л. Инновационное развитие: эволюция взглядов и проблемы современного понимания / Л. Федулова // Экономическая теория. — 2013а. — № 2. — С. 28–45.

Федулова Л.И. Инновационный вектор развития промышленности Украины / Л.И. Федулова // Экономика Украины. — 2013б. — № 4. — С. 15–23.

Шкворець Ю.Ф. Роль інституційних чинників в інноваційному розвитку економіки / Ю.Ф. Шкворець // Проблемы и перспективы инновационного развития экономики : X международ. науч.-практ. конф. по инновационной деятельности, 12–16 сент. 2005 г., г. Алушта : материалы конф. — К. : Феникс, 2006. — С. 36–44.

Шнипко О.С. Інноваційний дефолт України: економіко-технологічний контекст : [моногр.] / О.С. Шнипко. — К. : Генеза, 2009. — 248 с.

Штырбул С.А. Социальный капитал и социальный потенциал: субъекты и функции [Электронный ресурс] : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. экон. наук : спец. 08.00.01 «Экономическая теория» / С.А. Штырбул. — М., 2010. — 27 с. — Режим доступа : <http://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/a/1731/file/Shturbul.pdf>.

Шумпетер Й. Теорія економічного розвитку. Дослідження прибутків, капіталу, кредиту, відсотка та економічного циклу / Шумпетер Й. — К. : Києво-Могилянська академія, 2011. — 242 с.

Knowledge Economy Index (KEI) 2012 Rankings [Electronic Resource]. — 9 p. — Mode of access : <http://siteresources.worldbank.org/INTUNIKAM/Resources/2012.pdf>.

The Global Competitiveness Report 2013–2014 [Electronic Resource] : Full Data / Edition Klaus Schwab (Editor) // World Economic Forum. — 553 p. — Mode of access : <http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2013-14>.

К главе 3

Анисимова А.В. Интегральная оценка научно-технического и инновационного развития Украины [Электронный ресурс] / А.В. Анисимова // Ефективна економіка. — 2013. — № 3. — Режим доступа : <http://www.economy.nayka.com.ua/?n=3&y=2013>.

Аношкина В.Л. Образование. Инновация. Будущее. (Методологические и социокультурные проблемы) / В.Л. Аношкина, С.В. Резванов. — Ростов-на-Дону : Изд-во РО ИПК и ПРО, 2001. — С. 39.

Арсентьева Н.М. Использование кадрового потенциала в инновационном и традиционном сегментах экономики региона / Н.М. Арсентьева, И.И. Харченко, В.П. Бусыгин // *Регион: экономика и социология*. — 2009. — № 3. — С. 157–174.

Атоев К.Л. Моделирование влияния системных рисков на устойчивое развитие общества / К.Л. Атоев, В.А. Пепеляев // *Компьютерная математика*. — 2009. — № 1. — С. 37–48.

Барашев Р. Первые итоги ВНО-13 / Р. Барашев // 2000. — 2013. — 19 июля. — С. 4.

Бауман З. Индивидуализированное общество 2001 [Электронный ресурс] / З. Бауман. — Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/baum/01.php.

Бек В. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / Бек В. — М. : Прогресс — Традиция : Территория будущего, 2007. — С. 155.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Бодрийяр Ж. — М. : Культурная революция : Республика, 2006. — 269 с.

Бурдье П. Практический смысл / Бурдье П. — К. : Укр. центр духов. культуры, 2003. — С. 233.

В Украине нет инновационного бума, потому что наука и бизнес говорят на разных языках [Электронный ресурс] / Государственное агентство Украины по инвестициям и развитию. — 2009. — Режим доступа : <http://in.ukrproject.gov.ua/index.php?lang=ru&get=141&id=1905>.

Вагин С.Г. Экономические закономерности инновационно-технологического развития экономики [Электронный ресурс] / С.Г. Вагин // *Экономические науки*. — 2009. — № 9 (58). — Режим доступа : <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/11/26/1270192019/7.pdf>.

Вебер М. Протестантська етика і дух капіталізму / Вебер М. ; пер. з нім. — К. : Основи, 1994. — 262 с.

Витренко Ю. Образование как вид экономической деятельности в Украине / Ю. Витренко // *Экономика Украины : науч. журн.* — 2011. — № 10 (591). — С. 4–15.

Высшие учебные заведения (1990–2014 гг.) [Электронный ресурс] / Государственная служба статистики Украины. — Режим доступа : <http://www.ukrstat.gov.ua>.

Головатюк В. Инновационное развитие украинской экономики: мировой контекст / В. Головатюк // Зеркало недели. — 2014. — 7–14 марта. — С. 12.

Головатюк В.М. Инвестиционная привлекательность инновационной сферы экономики Украины / Головатюк В.М. — К. : Феникс, 2012. — С. 27.

Данилишин Б. Интеллектуальні ресурси в економічному зростанні: шляхи поліпшення та їх використання / Б. Данилишин, В. Куценко // Економіка України. — 2006. — № 1. — С. 71–79.

Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / пер. с англ. ; ПРООН. — М. : Весь мир, 2010. — 244 с.

Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире / пер. с англ. ; ПРООН. — М. : Весь мир, 2013. — 216 с.

Иванов Н. Социальный контекст инновационного развития / Н. Иванов // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — № 5. — С. 17–30.

Индекс человеческого развития 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info>.

Индекс экономики знаний 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : gtmarket.ru/ratings/knowledge-economy-index/knowledge-economy-index-info.

Інноваційний розвиток промисловості як складова структурної трансформації економіки України [Електронний ресурс]. — К. : НІСД, 2013. — 71 с. — Режим доступу : http://www.niss.gov.ua/public/File/2013_table/1029_dok.pdf.

Інновації в Україні: Європейський досвід та рекомендації для України. — К. : Фенікс, 2011.

Т. 3 : Інновації в Україні: пропозиції до політичних заходів. Остаточний варіант. — 2011. — 76 с. — (Проект від 19.10.2011 р.).

Инновационный потенциал: современное состояние и перспективы развития : [моногр.] / [В.Г. Матвейкин, С.И. Дворецкий, Л.В. Минько, В.П. Таров, Л.Н. Чайникова, О.И. Летунова]. — М. : Изд-во Машиностроение-1, 2007. — 284 с.

Карачаровский В.В. Общественная эффективность технологической модернизации в России / В.В. Карачаровский // Мир России. — 2013. — № 2. — С. 52–81.

Кастельс М. Информационная эпоха / Кастельс М. — М. : ГУ ВШЭ, 2000.

Качество жизни населения Украины в зеркале социологии / под общ. ред. В.М. Вороны, Е.И. Суименко. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 2012. — 211 с.

Кочетков В.В. Этнос креативности и статус инженера в постиндустриальном обществе: социально-философский анализ / В.В. Кочетков, Л.Н. Кочеткова // Вопросы философии. — 2013. — № 7. — С. 3–12.

Коулмэн Дж. Введение социальной структуры в экономический анализ / Дж. Коулмэн // Экономическая социология. — 2009. — Т. 10, № 3. — С. 33–40.

Коулмэн Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулмэн // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 126–139.

Кочетков В.В. Этнос креативности и статус инженера в постиндустриальном обществе: социально-философский анализ / В.В. Кочетков, Л.Н. Кочеткова // Вопросы философии. — 2013. — № 7. — С. 3–12.

Кравчук П.Ф. Социальные инновации в стратегии модернизации российской экономики / П.Ф. Кравчук, В.А. Чемыхин // Личность, культура, общество. — 2012. — Т. 14, вып. 1, №69–70. — С. 242–246.

Кудров В.М. Выход из кризиса и инновационная модель экономики / В.М. Кудров // Общественные науки и современность. — 2013. — № 4. — С. 5–15.

Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. — М. : Моск. шк. полит. исследований, 2002. — 355 с.

Кусжанова А.Ж. Методология выбора национально-региональных стратегий развития образования [Электронный ресурс] / А.Ж. Кусжанова, С.П. Иваненков // Философия образования : сб. материалов конф. ; вып. 23. — СПб. : Санкт-Петербург. филос. о-во, 2002. — (Серия : Symposium). — Режим доступа : <http://anthropology.ru/ru/texts/gathered/educphil/index.html>.

Лисин Б. Стратегический ресурс инноваций / Лисин Б. — М. : Глобус, 2000. — 87 с.

Лузан П.П. Высшее образование в России: от разрушения к развитию / П.П. Лузан // ЭКО. — 2009. — № 12. — С. 88–96.

Лукас Р. Лекции по экономическому росту / Лукас Р. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. — 288 с.

Людський капітал регіонів України в контексті інноваційного розвитку : [моногр.] / [В.П. Антонюк, О.І. Амоша, Л.Г. Мельцер та ін.] ; НАН України, Ін-т економіки промисловості. — Донецьк, 2011. — 308 с.

Людський розвиток регіонів України: аналіз та прогноз : [кол. моногр.] / за ред. Е.М. Лібанової. — К. : Ін-т демографії та соціальних досліджень НАН України, 2007. — 328 с.

Мазур А.А. Технологічні парки України: цифри, факти, проблеми [Електронний ресурс] / А.А. Мазур, С.В. Пустовойт. — Режим доступу : <http://www.nas.gov.ua>.

Малицький Б.А. Социальный капитал науки: оценка и пути наращивания / Малицкий Б.А. — К. : Феникс, 2013. — 80 с.

Малицький Б.А. Обґрунтування системи науково-технологічних та інноваційних пріоритетів на основі «форсайтних» досліджень / Малицький Б.А., Попович О.С., Онопрієнко М.В. — К. : Фенікс, 2008. — 86 с.

Мешков А.А. Основные направления исследования инновации в американской социологии / А.А. Мешков // Социологические исследования. — 1996. — № 5. — С. 75–77.

Минервин И.Г. Культура и этика в экономике: Социокультурные факторы экономического роста / Минервин И.Г. ; РАН ИНИОН ; Центр соц. науч.-информ. исследований ; отдел Экономики. — М. : ИНИОН, 2011. — 244 с.

Михальченко Н. Украинское общество: трансформация, модернизация или лимитроф Европы? / Михальченко Николай. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 2001. — 440 с.

Мокир Дж. Дары Афины: исторические истоки экономики знаний [Электронный ресурс] / Дж. Мокир // Экономическая социология. — 2012. — Т. 13, № 4, сент. — Режим доступа : www.ecsoc.hse.ru.

Молодежь и навыки. Образование должно работать. Всемирный доклад по мониторингу ОДВ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.intelros.ru/pdf/doklad_yunesko_2012_molodejz_i_naviki.pdf.

Мюллер Д.З. Капитализм и неравенство: в чем ошибаются и правые, и левые / Д.З. Мюллер // 2000. — 2013. — 14 июня. — С. F4-F5.

Народное образование [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://istmat.info/files/uploads/26588/obraz_ssr_1989_obrazovanie.pdf.

Наукова та інноваційна діяльність в Україні [Електронний ресурс] : стат. зб. — К., 2013. — Режим доступу : <http://www.ukrstat.gov.ua>.

Національна академія наук України: структура, динаміка та ефективність наукового потенціалу : стат. та наукометрич. аналіз / [Б.А. Маліцький, О.О. Грачов, В.А. Корнілов, В.П. - Рибачук, В.І. Етоков, В.І. Хоревін, Н.Г. Віденіна, Л.Р. Головащенко] ; гол. ред. В.Л. Богданов ; НАН України ; Центр досл. наук.-техн. потенціалу та історії науки ім. Г.М. Доброва. — К. : Фенікс, 2014. — 142 с.

Национальная инновационная система Украины: проблемы и принципы построения / [Макаренко И.П., Конка П.М., Рогожин А.Г., Кузьменко В.П.] / под науч. ред. И.П. Макаренко. — М. : Ин-т проблем нац. безопасности, 2007. — С. 186.

Национальная экономика Беларуси: потенциалы, хозяйственные комплексы, направления развития, механизмы управления / под ред. В.Н. Шимова. — Минск : Белорус. гос. экон. ун-т, 2005. — 431 с.

Оксамитна С. Новітня доба української освіти в суспільстві / С. Оксамитна, С. Стукало // Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг : у 2 т. / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2011.

Т. 1 : Аналітичні матеріали. — 2011. — 576 с.

Общеобразовательные учебные заведения (1990–2014 гг.) [Электронный ресурс] / Державна служба статистики України. — Режим доступа : <http://www.ukrstat.gov.ua>.

Пилипенко В.Є. Вища освіта в Україні: історія та пострадянські реалії (соціологічний аналіз) : [моногр.] / В.Є. Пилипенко, Е.Г. Позднякова-Кирбятєва. — Запоріжжя : Запорізь. нац. ун-т, 2012. — 152 с.

Підсумки діяльності Національної академії наук України в 2011 році та основні напрями її подальшої роботи : доповідь президента НАН України академіка Б.Є. Патона на сесії Загальних зборів НАН України 12 квітня 2012 р. // Наука та наукознавство. — 2012. — № 2 (76). — С. 25.

Поддьяков А.Н. Матрицы игр человеческого метакapиTaлa: игры на повышение и понижение столяров, грабителей и профессоров [Электронный ресурс] / А.Н. Поддьяков // Экономическая социология. — 2012. — Т. 13, № 3. — Режим доступа : www.ecsoc.hse.ru.

Проблеми становлення інноваційної політики в Україні. — К. : УИДНС : Ін-т еволюції економіки, 2004. — С. 71.

Про пріоритетні напрями інноваційної діяльності в Україні [Електронний ресурс] : Закон України від 5 груд. 2012 р.

№ 3715-17. — Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3715-17>.

Пронников В.А. Японцы (этнопсихологические очерки) [Электронный ресурс] / В.А. Пронников, И.Д. Ладанов. — 2-е изд., испр. и доп.. — М. : Наука. Глав. ред. восточ. литературы, 1985. — 348 с. — (Глава IV : Образование в Японии). — Режим доступа : <http://historik.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st029.shtml>.

Робота аспірантури та докторантури у 2013 році [Електронний ресурс] / Державна служба статистики України. — (Експрес-випуск). — Режим доступу : <http://www.ukrstat.gov.ua>.

Резнік В.С. Легітимація приватної власності як концепт соціологічної теорії / Резнік В.С. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2010. — 512 с.

Рейтинг стран мира по уровню образования [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа : gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info.

Роджерс Е.М. Дифузія інновацій / Еверетт М. Роджерс ; пер. з англ. — К. : Києво-Могилянська академія, 2009. — 591 с.

Ручка А. Ціннісні пріоритети населення України за умов суспільних трансформацій / А. Ручка // Українське суспільство. Двадцять років незалежності : соціологічний моніторинг : у 2 т. / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2011.

Т. 1 : Аналітичні матеріали. — 2011. — С. 201–215.

Статистичний щорічник України за 2011 рік. — К. : Август Трейд, 2012. — 560 с.

Татаркин А.И. Интеллектуальный ресурс общества / А.И. Татаркин // Вестник Российской Академии наук. — 2011. — Т. 81, № 8. — С. 684–692.

Федулова Л.І. Соціальне спрямування цілей технологічної політики / Л.І. Федулова // Український соціум. — 2010. — № 2. — С. 144–158.

Формування моделі економічного розвитку України у післякризовому світі [Электронный ресурс]. — К. : Нац. ін-т соц. досліджень, 2013. — 65 с. — Режим доступа : http://www.niss.gov.ua/public/File/2013_table/1218_dop.pdf.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Фукуяма Ф. ; пер. с англ. — М. : АСТ : Ермак, 2004. — 730 с.

Хайтун С.Д. Постиндустриальная нравственная революция и ее экономическая (кейнсианская) первооснова / С.Д. Хайтун // Вопросы философии. — 2011. — № 3. — С. 24–35.

Шелюбская Н.В. «Форсайт» — механизм определения приоритетов формирования общества знаний стран Западной Европы / Н.В. Шелюбская // Проблемы и перспективы инновационного форума СНГ «Международное инновационное развитие и инновационное сотрудничество: состояние, проблемы и перспективы» «Одиннадцатой международной научно-практической конференции» Проблемы и перспективы инновационного развития экономики». — Москва ; Киев ; Симферополь ; Алушта, 2006. — С. 446–454.

Шкаратан О.И. Русская культура труда и управления / О.И. Шкаратан // Общественные науки и современность. — 2003. — № 1. — С. 30–54.

Шнипко О.С. Інноваційний дефолт України: економіко-технологічний контекст : [моногр.] / О.С. Шнипко. — К. : Генеза, 2009. — С. 180–181.

Экономическая культура населения Украины / под ред. В.М. Вороны, Е.И. Суименко. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 2008. — 316 с.

Bredt J. Education and Economic Growth / J. Bredt, C. Sycz // A Literature Review. Labour Market Research / Unit Department of Education, Training and the Arts. Queensland Government : Working Paper No. 50. — 2007. — July. — 25 p.

Eichhorst W. A Roadmap to Vocational Education and Training Systems Around the World / [W. Eichhorst, N. Rodriguez-Planas, R. Schmidl, K.F. Zimmermann] // IZA DP. — 2012. — № 7110, Dec. — 43 p.

The Global Competitiveness Report 2013–2014. Full Data Edition. WorldEconomicForum [Electronic resource]. — Mode of access : www.weforum.org/gcr.

Global Investment Trends Monitor [Electronic resource]. — 2014. — № 15, 28 January. — Mode of access : http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/webdiaeia2014d1_en.pdf.

Unesco report [Electronic resource]. — Mode of access : <http://www.unesco.org/new/ru/media-services>.

Sabatini F. Does Social Capital Create Trust ? Evidence from a Community of Entrepreneurs / Sabatini F. ; Fondazione Eni Enrico Mattei ; [Nota di Lavoro]. — 2009. — № 44. — 27 p.

Sosa Lionel. The Americano Dream — How Latinos Can Achieve Success in Business and Life / Lionel Sosa. — N.Y. : Penguin 1998. — 343 p.

К главе 4

Глазьев С.Ю. Либеральные реформы в России: правда и вымысел / С.Ю. Глазьев // Мир России. — 2012. — № 1. — С. 37–53.

Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития и интеграции на основе становления шестого технологического уклада / С.Ю. Глазьев // Партнерство цивилизаций. — 2013. — № 1–2. — С. 195–232.

Гребеник Е. Куда привели мечты: почему Dreamliner не оправдывает ожиданий инвесторов [Электронный ресурс] / Екатерина Гребеник // Центр транспортных стратегий. — 2012. — 17 дек. — Режим доступа : <http://cfts.org.ua/articles/50136>.

Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С. Губанов // Экономист. — 2008. — № 9. — С. 3–27.

Губанов С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция / Губанов С. — М. : Книж. мир, 2012. — 224 с.

Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / Гэлбрейт Дж. — М. : Прогресс, 1969. — 480 с.

Данилишин Б. Катастрофы в Украине: механизмы реагирования и противодействия [Электронный ресурс] / Богдан Данилишин // Finance.ua. — 2013. — 17 сент. — Режим доступа : <http://news.finance.ua/ru/~2/0/all/2013/09/17/309169>.

Доклад о торговле и развитии, 2012 год : обзор / ЮНКТАД. — Нью-Йорк ; Женева : Организация Объединенных Наций, 2012. — 38 с.

Кежун В. Польша — объект неокolonизации [Электронный ресурс] / Витольд Кежун. — Режим доступа : <http://global-conflict.ru/interviews/31532-vitold-kezhun-polsha-obekt-neokolonizacii>.

Клочков В.В. Управление инновационным развитием наукоемкой промышленности: модели и решения / Клочков В.В. — М. : Ин-т проблем управления РАН, 2010. — 168 с.

Малышева Д. Постсоветское пространство на путях углубления экономического сотрудничества / Д. Малышева // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — № 11. — С. 109–113.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, кн. 3 : Процесс капиталистического производства, взятый в

целом / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М. : Изд-во полит. литературы, 1961.

Т. 25, Ч. 1. — 1961. — 545 с.

Мосякин А. Boeing играет не по правилам, впрочем как и Airbus [Электронный ресурс] / А. Мосякин // ВВ.LV. — 2011. — 1 февр. — Режим доступа : <http://www.bb.lv/bb/all/2712/>

Мусин М. Сирия, Ливия. Далее везде! Что будет завтра с нами / М. Мусин, Эль-Мюрид. — М. : Книж. мир, 2012. — 242 с.

Нанотехнології та наноматеріали : Державна цільова науково-технічна програма на 2010–2014 роки // Наука та інновації. — 2010. — Т. 6, № 2. — С. 5–7.

Научно-технический прогресс в США: опыт, проблемы, перспективы. — М. : Наука, 1988. — 152 с.

Новые «кумиры» и «старые» авторитеты / [предисл. А. Мелентьева, А. Фролова] : сб. ст. — М. : Сов. Россия, 1990. — 303 с.

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Поланьи К. ; пер. с англ. — СПб. : Алетейя, 2002. — 320 с.

Про пріоритетні напрями інноваційної діяльності в Україні [Электронный ресурс] : Закон України від 5 груд. 2012 р. № 3715-17. — Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3715-17>.

Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Райнерт Э. — М. : Гос. ун-т «Высшая школа экономики», 2011. — 384 с.

Тарнавский В. Как Кабмин будет экономику активизировать [Электронный ресурс] / В. Тарнавский // Минпром. — 2013. — 4 февр. — Режим доступа : <http://minprom.ua/articles/115287.html>.

Україна–2015: Національна стратегія розвитку [Электронный ресурс]. — К., 2008.— Режим доступа : <http://www.semynozhenko.net/content/files/Ukraine-2015%20big.pdf>.

Фундаментальні проблеми наноструктурних систем, наноматеріалів, нанотехнологій [Электронный ресурс] : концепція цільової комплексної програми фундаментальних досліджень НАН України на 2010–2014 рр. — Режим доступа : http://www1.nas.gov.ua/infrastructures/Legaltexts/nas/2010/regulations/OpenDocs/100505_129_concept.pdf.

Чубайс А. Приватизация вообще не была экономическим процессом. Она решала главную задачу — остановить комму-

низм [Электронный ресурс] / А. Чубайс. — Режим доступа : <http://topwar.ru/print:page,1,19976-a.chubays-privatizaciya-voobsche-ne-byla-ekonomicheskim-processom.-ona-reshala-glavnyu-zadachu-ostanovit-kommunizm.html>.

Чуркин А. Инвестиции как инструмент стимулирования конкурентоспособности промышленности Украины / А. Чуркин // Глобальна системна криза і стратегічні концепції безпеки розвитку транзитивних країн : міжвідом. наук.-теор. конф. : матеріали конф. / відп. ред. О.Г. Білорус. — К. : Ін-т світової економіки і міжнар. відносин НАН України, 2012. — С. 123–126.

Hage J. Organization Innovation / Jerald Hage // International Encyclopedia of Economic Sociology / J. Beckert, M. Zafirovsky (eds.). — L. ; N.Y. : Routledge, 2011. — P. 494–497.

Nanotechnology and the Challenges of Equity, Equality and Development [Electronic resource] / S.E. Cozzens, J.M. Wetmore (eds.) // Yearbook of Nanotechnology in Society / Series Editor David H. Guston. — Vol. 2. — 30 p. — Modes of access : <http://www.springer.com/series/7583>.

Sabatini F. Does Social Capital Create Trust? Evidence from a Community of Entrepreneurs. Fondazione Eni Enrico Mattei / Sabatini F. ; [Nota di Lavoro]. — 2009. — № 44. — 27 p.

Shapira P. The emergence of social science research on nanotechnology [Electronic resource] / P. Shapira, J. You-tie, A.L. Porter // Scientometrics. — Springer. — 2009. — 25 March. — 17 p. — Modes of access : <http://link.springer.com/article/10.1007/s11192-010-0204-x#page-2>.

Наукове видання

**СОЦІАЛЬНИЙ ПОТЕНЦІАЛ
ІННОВАЦІЙНОГО РОЗВИТКУ ЕКОНОМІКИ:
УКРАЇНСЬКІ РЕАЛІЇ**

(російською мовою)

Відповідальний редактор *Л.Лещенко*

Редактор *В.Гломозда*

Комп'ютерна верстка *О.Соколова*

Підписано до друку 10.10.2014 р. Формат 60x84¹/₁₆. Папір офс. № 1.
Друк офсетний. Ум.др.арк. 20,5. Зам. № . Наклад 300.

Видруковано з оригінал-макета, виготовленого в комп'ютерному комплексі
Інституту соціології НАН України. 01021, Київ-21, вул. Шовковична, 12

Надруковано ТОВ "Інтерсервіс".
02099 м.Київ, вул. Бориспільська, 9